

Виктор Иванович Мережко
Сонька. Конец легенды
Серия «Сонька Золотая Ручка», книга 3

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11791007
Сонька. Конец легенды : [роман] / Виктор Мережко: Амфора; Санкт-Петербург; 2010
ISBN 978-5-367-01710-6

Аннотация

Окончание знаменитой трилогии о легендарной королеве воровского мира Соньке Золотой Ручке. Виктор Мережко верен себе – читателя ждут захватывающие приключения, интриги, любовь и трагичный финал.

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	27
Глава третья	50
Глава четвертая	74
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Виктор Мережко

Сонька. Конец легенды

© Мережко В. И., 2010

© ЗАО ТИД «Амфора», 2010

* * *

Глава первая

Грехи общие – ничьи

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ. 1910 год.

Ограбление банка было назначено на двенадцать дня.

Банк «Новый Балтийский» находился на углу Каменноостровского и Большого проспектов, и налет на него был рассчитан прежде всего на внезапность и внешнюю обыденность.

Подельники Таббы распределились следующим образом. Сотник и Хохол сидели в крытой пролетке на Большом проспекте, откуда отлично просматривался подъезд к банку. Два других товарища – Ворон и Аслан – расположились также в пролетке, но уже на Каменноостровском – совсем рядом с входом в банк, чтобы при возникшей погоне можно было вовремя подрезать преследователей.

Когда на Доме с Башнями часы пробили двенадцать, из Архиерейской улицы не спеша выкатил пятиместный черный лимузин, в котором, кроме шофера, располагались четыре человека – трое мужчин и молодая дама. Дама сидела на заднем сиденье между двумя в высшей степени прилично одетыми господами – Китайцем и Жаком. Третий же господин – Беловольский, немолодой, с впалыми чахоточными щеками, – располагался рядом с шофером.

Сторожевые подельники, увидев автомобиль, напряглись, стали внимательно следить за происходящим.

Лимузин плавно подкатил ко входу в банк, два швейцара немедленно двинулись навстречу, помогая предупредительными жестами и подсказками верно найти подходящее место на стоянке.

Водитель подрулил прямо к главному входу и быстро покинул машину, чтобы помочь господам, а в особенности даме сойти на грязную и заснеженную мостовую.

Табба была в изящной меховой накидке, лицо ее закрывала плотная траурная кисея, под которой было почти невозможно разглядеть хотя бы какие-то особенности ее лица. Она была болезненно слаба, с двух сторон ее деликатно поддерживали Беловольский и Жак.

Оба были с усиками и при изящных бородаках.

Швейцар при входе с почтением поклонился. Господа, не обратив на него никакого внимания, проследовали в просторный и гулкий вестибюль. Поднялись по ступенькам роскошной лестницы в операционный зал, и к ним навстречу зашепшил вышколенный, по-бухгалтерски худощавый банковский клерк с небольшой планшеткой в руке.

– Милости просим. Чего изволите?

Жак быстрым взглядом оценил охрану банка – двух крепких полицейских, с вежливой улыбкой объяснил служащему:

– Госпоже необходимо обналичить ценные бумаги на серьезную сумму.

– Подобные операции производятся только по предварительному заказу, – ответил клерк.

– Такой заказ был.

– На чье имя?

– На имя госпожи Виолетты Мишиц.

Клерк открыл планшетку, просмотрел записи.

– Да, подобный заказ имеется. Напомните, пожалуйста, насколько сумма велика?

– Сумма велика. Миллион рублей.

– Все верно. Кто будет проводить операцию?

– Операцию буду проводить я, – с печальной усмешкой произнесла Табба.

– Паспорт при вас?

– Паспорт, векселя и прочие ценные бумаги – все при мне.

– Следуйте за мной, – чиновник мило улыбнулся и направился в сторону высокой дубовой двери в дальнем углу зала.

Вся компания двинулась следом за клерком.

Полицейские, находившиеся при входе, внимательно наблюдали за группой господ.

Клерк придержал шаг, объяснил:

– Со мной следует только госпожа. Господа же могут подождать в зале.

– Господин банкир, – просительно вмешался Беловольский, – сделайте исключение для мадам. Она вчера похоронила мужа, и состояние ее крайне тяжелое. В любой момент она способна потерять сознание.

Клерк в некотором замешательстве помялся, затем неуверенно попросил:

– Позвольте все-таки ваши бумаги.

Девушка, поддерживаемая Жаком, вялой рукой достала из саквояжа сложенные в солидную кожаную папку бумаги, протянула чиновнику. Он быстро и профессионально пролистал их, кивнул.

– Ну, хорошо, – вернул папку с бумагами обратно. – Но пройти с вами может только один господин. И находится он должен за дверью расчетной комнаты.

– Благодарю. – Табба жестом велела Беловольскому и Китайцу остаться, а Жаку распорядилась: – Вы пройдете со мной, граф.

Клерк пропустил Таббу в комнату, сам вошел следом, заперся изнутри. Расчетная комната была совсем небольшая и почти без мебели. В углу располагался объемный сейф, рядом с ним стол, два стула, на стене портрет императора.

– Присаживайтесь, – кивнул клерк на один из стульев.

Табба присела, поставила саквояж на колени, затем аккуратно набросила кисею на шляпу, открыв таким образом лицо. Правый глаз девушки закрывала широкая черная ленточка, завязанная на затылке.

От увиденного клерк на миг замер, затем коротко попросил:

– Пожалуйста ваши бумаги.

Девушка положила папку на стол. Чиновник вначале просто пересчитал их, затем стал изучать, время от времени бросая взгляд на посетительницу. Руки его мелко вздрагивали.

– Вас что-нибудь смущает? – поинтересовалась посетительница.

– Да нет, – клерк поднял на девушку глаза, повторил: – Ничего особенного, – и поднялся из-за стола. – Побудьте здесь пару минут.

– Сядьте, пожалуйста, на место, – негромко попросила Табба.

– Простите? – вскинул брови чиновник.

– Сядьте. И откройте сейф.

– Это... шутка? – клерк был бледен.

– Это совет. – Девушка вынула из кармана меховой накидки небольшой револьвер, положила палец на спусковой крючок. – Сейф... Иначе я застрелю вас.

– В банке охрана. Вас не выпустят.

– Открывайте сейф. – Табба ловко обмотала оружие плотной тканью накидки. – Иначе я продырявлю вам голову.

Девушка нажала на спусковой крючок. Раздался едва слышный негромкий хлопок, и рядом с головой клерка образовалась в штукатурке дырка. Он от неожиданности отпрянул к стене, распластался на ней.

Жак, стоявший на стреме, услышал выстрел за дверью, тут же поправил правой рукой шляпу.

Беловольский и Безносый заметили условный жест, двинулись в сторону выхода.

Клерк тем временем дрожащими руками открыл оба замка сейфа.

– Извлекайте содержимое и складывайте все в саквояж. – Табба взвела курок.

Чиновник, сопя и потея, принялся вычищать сейф. Когда все деньги были извлечены, он застегнул саквояж, с трудом поднял его на стол.

– Все. До копейки.

Посетительница аккуратно собрала принесенные ценные бумаги, сунула их во внутренний карман накидки.

– Впустите моего человека. И, пожалуйста, без шума.

– Я вас узнал, – пробормотал клерк. – Вы в розыске, мадемуазель. Ваш фотоснимок... с черной повязкой... прислан из полиции. Вы рискуете, мадемуазель.

– Вы больше. Открой дверь, иначе я сделаю это без вашей помощи.

Чиновник на ватных ногах подошел к двери, не сразу попал ключом в замочную скважину, жестом позвал Жака.

Тот быстро протиснулся в комнату, ловко подхватил тяжеленный саквояж.

Табба набросила на лицо кисею, строго и с достоинством посмотрела на бледного клерка.

– Начальство оценит ваше редкое умение работать с клиентами, – и попросила: – Пожалуйста, ключ от двери.

– Зачем? – не разжимая губ, произнес клерк.

– Я запру вас. От греха. Ключ!

И вдруг чиновник в прыжке вцепился в протянутую руку.

– Караул!.. Грабят!

Жак оттолкнул его, схватил Таббу, рванул к двери.

– Грабители! Держите! – орал клерк.

Он бросился следом, Жак с силой захлопнул дверь, от полученного удара тот рухнул на пол.

Табба и Жак выскочили в зал.

К расчетной комнате тяжело бежали полицейские.

– Всем стоять! – заорал Китаец, выхватывая револьвер. – Не двигаться!.. Ограбление!

Жак прикрыл собой девушку, перехватил саквояж с одной руки в другую, тоже достал револьвер.

– Стоять! Будем стрелять!

Полицейские на миг замерли, и тут им наперерез выскочил Беловольский.

– Всем на пол! Лежать! – предупредительный выстрел в потолок. – Никому не двигаться! На пол, господа!

Публика в зале завизжала, бросилась врассыпную, некоторые попадали на пол.

– Полиция, не стрелять!.. Бросить оружие! – продолжал неистово блажить Китаец. – Иначе кровь!.. Оружие на пол!

Один из полицейских застыл в растерянности, второй же вдруг выхватил из кобуры револьвер, но выстрелить не успел – Беловольский нажал на спуск, и блюститель закона неуклюже ткнулся в пол.

Первый полицейский отбросил оружие, поднял руки вверх.

– Уходим, господа! – махнул Беловольский Таббе и Жаку. – Все хорошо, уходим! – и предупредил находящихся в зале: – Никто не двигается! Иначе стреляем!.. Спокойно!

Грабители, пятась и не сводя глаз с зала, дотолкались уже почти до выхода, как вдруг из дубовой двери выскочил очухавшийся клерк, истошно заблажил:

– Держите!.. У них полтора миллиона!

Докричать он не успел.

Беловольский мгновенно перевел на него револьвер, и чиновника отбросило к стенке.

Грабители выскочили из банка, едва не сбили с ног ничего не понявших швейцаров, бросились к автомобилю.

Первой в салон запрыгнула Табба, затем все остальные, и водитель изо всех сил вдавил педаль газа в пол.

Машина с ревом рванула с места.

За их спинами послышались свистки, выстрелы, автомобиль с визгом вырулил от банка на Каменноостровский проспект и понесся по нему в сторону Большого.

За грабителями мчались Ворон и Аслан. А чуть поотстав – пролетка с Сотником и Хохлом.

Прохожие в недоумении шарахались по сторонам, встречные экипажи резко тормозили, едва успевая уступать дорогу автомобилю и пролетке.

Машина с грабителями вырулила на Большой, с визгом шин свернула в ближний переулок, с ходу влетела под широкую арку, где в пустом дворе поджидала черная карета.

Табба вместе с Беловольским выпрыгнули из автомобиля, бросились к карете. Захлопнули дверцы, и карета понеслась со двора.

Миновали несколько улиц, выехали на Дворцовую набережную, покатали по ней. Спусти какое-то время свернули на Миллионную, где стояла еще одна пролетка.

...Спустя полчаса пролетка подкатила к воротам дома Брянских на Фонтанке. Табба покинула ее и, кутаясь в легкое полупальто, направилась к калитке.

Новый привратник Илья, улыбочивый и по-деревенски простоватый, с готовностью побежал открывать, разулыбался, раскланялся:

– Милости просим, мадемуазель. Что ж вы так налегке, озябнете!

Бывшая прима не ответила и зашагала ко входу в дом.

В доме на главной, парадной лестнице ей навстречу вышел тощий, с вечной подозрительностью на лице дворецкий Филипп, удивленно посмотрел на спешащую наверх мадемуазель.

– Что-нибудь случилось, мадемуазель?

– С чего ты взял? – огрызнулась девушка и зашагала дальше. – Приготовь мне чаю.

Обер-полицмейстер Санкт-Петербурга Крутов Николай Николаевич пригласил к себе в кабинет недавно назначенного начальником Санкт-Петербургской сыскной полиции полковника Икрамова Ибрагима Казбековича для особой доверительной беседы.

В облике князя просматривались непростые годы, проведенные на взрывном Кавказе, – седина на висках, пристальный изучающий взгляд, небольшой шрам на подбородке.

Николай Николаевич некоторое время молчал, прикидывая начало разговора с самолюбивым южанином, сложил пальцы корзиночкой, хрустнул ими.

– Ну как?.. Осваиваетесь на новом месте, князь? В окопы не тянет?

– Если честно, почти каждую ночь воюю с горцами.

– Надо входить в новую стезю, князь.

Тот обозначил сдержанную улыбку, сухо ответил:

– Буду стараться, ваше превосходительство. Еще недельку-другую, и начну хоть в чем-то разбираться.

– Многовато берете для разгона, Ибрагим Казбекович. Знаете, что такое начальник сыскной полиции Петербурга?

– Весьма приблизительно.

– А я, князь, попытаюсь объяснить вам предметно. – Крутов встал, подошел к окну. – Подойдите.

Тот покинул кресло, остановился рядом с обер-полицмейстером.

До слуха донеслись звуки какой-то песни, затем из-за угла улицы выплыла разношерстная толпа простолюдинов, двинулась мимо Департамента полиции, что-то выкрикивая и размахивая красным полотнищем.

Но мы поднимем гордо и смело
Знамя борьбы за рабочее дело...

Толпу сопровождали зеваки, детвора, какие-то восторженные девицы, бросающие цветы поющим.

– Знаете, что это такое? – спросил Крутов.

– Бунтовщики, – пожал плечами тот.

– Нет, князь, это наши ошибки. Наше разгильдяйство, наше нежелание видеть истину, страх называть вещи своими именами. Это возможное начало конца, князь! – Обер-полицмейстер вернулся к столу, и, упершись в него обеими руками, некоторое время стоял молча. Потом попросил: – Только не считайте меня сумасшедшим, – и вдруг заговорил шепотом: – Я ненавижу все это! Мразь!.. Мразь и нечисть вокруг! Казнокрадство! Мздоимство! Воровство! Попранная вера! Смятенные умы и души! Революционная пакость! Террористы-бомбисты с истеричными курсистками! Кровь и убийства!.. Растерянность и ожесточенность! Вы понимаете, насколько больно наше отечество?

– Примерно. Но при чем здесь моя новая должность?

– При том, что отныне все это должно быть в вашей несчастной голове, князь. День за днем, месяц за месяцем, год за годом. От такой жизни либо сходят с ума, либо стреляются! Либо бросают все к чертям собачьим и бегут! Вы – сыскарь! Ассенизатор! Беспощадный и жестокий! Вот кем вам предстоит стать в ближайшее время. Как бы вам мерзко не было! – Николай Николаевич, бледный и задыхающийся, опустился в кресло, устался на Икрамова горящим вопрошающим взглядом. – Вы вправе, князь, отказаться. Еще не поздно.

Икрамов усмехнулся:

– Поздно. Я уже принял решение.

– Иного, пожалуй, я от вас не ожидал. Другой, может быть, и сбежал, вы – нет. Кровь не та!.. – Обер-полицмейстер откинулся на спинку кресла, хотел было закурить, но отложил папиросу. Взял со стола папку, открыл ее на первой странице. – Вот что произошло за последние сутки... Утром на Невском транспорт казначейства в триста пятьдесят тысяч был осыпан семью бомбами и обстрелян с углов из револьверов, в результате чего пятеро убитых, деньги похищены, обыски производятся, все возможные аресты приняты. Ну и, надеюсь, знаете также о совсем свежем ограблении «Нового Балтийского банка»?

– Разумеется. У меня на столе лежит доклад по этому поводу.

Крутов все-таки закурил, обошел стол, сел напротив Икрамова. Желваки его скул снова сжались до белого.

– Во-первых, там погибли люди.

– Да, двое. Банковский чиновник и полицейский.

– Этого вам недостаточно?

– Я, ваше превосходительство, привык к более серьезным цифрам.

– На Кавказе война, а здесь мир.

– Кажущийся.

– Именно. С меньшими жертвами, но с более серьезными последствиями. – Обер-полицмейстер снова полистал лежавшее перед ним дело. – Во-вторых!.. За два последних месяца это уже третье банковское ограбление сходного почерка. И за ними может стоять весьма серьезная организация. Вплоть до террористической.

– К этому есть какие-либо данные?

– Пока никаких. Но любопытно, что банду возглавляет женщина.
– Женщина?!
– Да, особа лет тридцати.
– Словесный портрет не составлен?
– Не только словесный, но и рисовальный. – Крутов достал из дела карандашный рисунок, положил перед князем. – Полюбуйтесь.

Тот взял листок, некоторое время изучал его. На нем была нарисована молодая госпожа, лицо которой закрывала черная кисея.

– Она прячет лицо под кисеей?

– Да, при входе в банк. Но во время ограбления она решается на фрондерство – снимает кисею, и тогда выглядит следующим образом. – Обер-полицмейстер достал из папки второй листок, тоже передал Икрамову.

Теперь на рисунке была изображена девушка с открытым лицом, правый глаз которой закрывала черная повязка. В ней при внимательном изучении можно было угадать некоторые черты бывшей примы.

– Странно, но она кого-то мне напоминает, – произнес Икрамов.

– Вы не оригинальны, – Николай Николаевич забрал портрет, сунул в дело. – Не вам одному она кого-то напоминает. Но все это бред!.. Важны не аллюзии, а конкретный человек.

Ибрагим Казбекович помолчал в раздумье какое-то время, попросил обер-полицмейстера:

– Позвольте, ваше превосходительство, еще раз взглянуть на рисунок.

– Понравилась мадемуазель? – оскалился тот.

– Мадемуазель? Она мадемуазель?

– Так, к слову. Возможно, мадам. Это вам и предстоит узнать.

Бывший артист оперетты Изюмов мерз в ожидании директора театра уже битый час, кутался в ветхое драповое пальтишко, шмыгал носом, подтирая жидкий и бесконечный насморк снятой с головы фетровой шляпой.

За эти годы Николай сильно сдал – стал совсем тощим, безвольный подбородок еще более заострился, на голове четко обозначилась яйцевидная лысина.

Увидел подкативший к ступеням театра богатый директорский автомобиль, суетливо сунул шляпу в карман пальто, заспешил навстречу Гавриле Емельяновичу.

Тот, оставив автомобиль, зашагал вверх и не сразу узнал бывшего артиста. С определенным удивлением замер перед двинувшимся к нему господином и, лишь когда Изюмов приблизился почти вплотную, с искренним недоумением воскликнул:

– Батюшки! Вы ли это, Изюмов?!

– Так точно, я-с! – Бывший артист смотрел на директора с виноватым обожанием. – Очень приятно, что узнали-с, Гаврила Емельянович.

– Вас – и не узнать?! После вашей выходки? – хохотнул Филимонов. – Да вы каждую ночь снитесь мне в самых кошмарных снах! – взглянул на смутившегося артиста, заинтересовался: – Озябли?

– Скорее, насморк-с, – виновато пожал плечами Изюмов. – После каторги организм совсем ослаб.

– Ну да, – кивнул директор. – Вы ведь у нас каторжанин.

– Бывший, Гаврила Емельянович.

– Бывших каторжан, господин Изюмов, не бывает. Это как проказа – на всю жизнь. – Филимонов снова окинул взглядом бывшего артиста, неожиданно предложил: – Чайку не желаете похлебать?

От подобного предложения Изюмов совсем растерялся.

– Так ведь, Гаврила Емельянович... Неожиданно как-то. Как прикажете-с.

– Приказываю, – коротко засмеялся тот и решительно двинулся по ступеням вверх. – Почаевничаем, побалагурим, повспоминаем былые славные дни.

...Директорский кабинет за эти годы мало в чем изменился – та же старинная тяжелая мебель, неперменный набор горячительных напитков в буфете, мягкие, черной кожи кресла.

Гаврила Емельянович мимоходом указал бывшему артисту на одно из кресел, подошел к буфету, насмешливо оглянулся на Изюмова:

– А может, чего-нибудь покрепче, нежели чай? Водочки, к примеру. Или коньячку!

– Гаврила Емельянович, это будет совсем уж бесцеремонно с моей стороны! – Бедный артист от окончательной растерянности совсем не знал, куда девать озябшие руки и где пристроить помятую шляпу. – Готов-с выпить любой напиток, который вами будет предложен.

– Значит, коньячок?

– Так точно-с.

Филимонов оглянулся, неожиданно рассмеялся высоким едким хохотком.

– Все-таки вам, Изюмов, следовало служить в армии. Никак не способны избавиться от солдафонского «так точно».

– Виноват, Гаврила Емельянович. Это от волнения-с.

– Отчего волноваться, любезный? Разве я пугало какое? Или по службе самодурничаю?

– Не самодурничаєте и не пугало, а от неловкости все одно тело сводит. Все артисты при вашем виде в обморок падают.

– Вы давно уже не артист, поэтому в обморок валиться никак не следует, – Филимонов снова засмеялся, поставил на стол два фужера с мягкой коричневой жидкостью, усилием руки усадил на место артиста, пожелавшего встать, расположился напротив. – Ну-с, за встречу?

– С неперменным почтением, Гаврила Емельянович. Даже не представляю, какие слова надобно произнести.

– Ничего не произносите. Пейте.

Изюмов решил было лишь пригубить бокал, но, заметив, что директор осушил посудину до дна, также последовал его примеру.

Филимонов заел коньяк долькой лимона, предложил гостю проделать то же самое, откинулся на спинку кресла, внимательно посмотрел на бывшего артиста.

– Что же привело вас к театру, господин хороший?

От вопроса артист на миг растерялся, но тут же нашелся, объяснил:

– Без театра я, Гаврила Емельянович, не человек. Инфузория!.. Все годы, пока маялся на каторге, только и мечтал оказаться в этих стенах.

– И в каком качестве? – вскинул брови директор. – Неужели артистом?

– Как прикажете. Буду исполнять все, что будет велено вами. Даже швейцаром-с могу, ежели на том остановитесь!

– То есть артистом более быть не желаете? – насмешливо, с подковыркой поинтересовался Филимонов.

– Желаю. Очень желаю! Только боюсь, вы мне подобную честь не окажете.

– Не окажу, – согласился директор, снова налил коньяку в оба фужера. – Еще по махонькой?

Изюмов деликатно коснулся директорского фужера своим, опрокинул содержимое, хотел было взять ломтик лимона двумя пальчиками, но передумал, неожиданно заявил:

– А я ведь, Гаврила Емельянович, еще имел одну цель в своем визите к театру.

– Вот те на!.. Как были, так и остались сюрпризным господином, – удивился тот. – И какова же эта цель, ежели не секрет?

– Никак не секрет, – артист слегка замялся. – Желаю узнать о судьбе госпожи Бессмертной.

Директор помолчал, дожевывая лимон, тронул плечами.

– Вы полагаете, я что-либо о сей даме знаю?

– Вы, Гаврила Емельянович, обязаны все знать.

Филимонов зашелся тоненьким смехом и долго не мог успокоиться. Артист смотрел на него с нежным недоумением, затем стал сам тоже смеяться и умолк, когда директор вытер выступившие слезы салфеткой.

– Смешной вы все-таки человек, Изюмов. Потому, может, и прощаю ваши глупости. – Став серьезным, Гаврила Емельянович объяснил: – О госпоже Бессмертной осведомлен мало. Сказывают, пребывает в качестве приживалки в доме Брянских, в обществе не показывается, возможных встреч избегает.

– Публика помнит ее?

– Кое-кто помнит. Но вас, господин Изюмов, помнят в первую очередь!

– Меня?! Как это возможно? Я был всего лишь тенью мадемуазель Бессмертной!

– Зловещей тенью, сударь, – директор направил на него тяжелый взгляд. – Именно ваша светлость сгубила нашу гордость.

– От безмерной любви-с, Гаврила Емельянович. А ежели точнее – от неразделенной любви.

Директор помолчал, глядя в окно и размышляя о чем-то, пожевал губами, после чего негромко произнес:

– Жаль. Крайне жаль. Подобные артистки выходят на сцену раз в десять лет. А может, и еще реже. – Повернулся к визитеру, с нахмуренным лбом поинтересовался: – Имеете намерение повидать госпожу Бессмертную?

– Имею, но не решаюсь. К тому же в дом Брянских вряд ли меня пустят.

– Подобную пакость, господин Изюмов, я бы и к городу на пушечный выстрел не подпускал. – Директор внимательно посмотрел на бывшего артиста, прикидывая что-то, и вдруг сообщил: – Но в театр я все-таки вас возьму.

– Артистом?

– Швейцаром. Будете угодных пропускать, неугодных гнать. Согласны?

– Но вы ведь меня крайне не уважаете, Гаврила Емельянович, и вдруг подобное предложение, – изумился Изюмов.

– Подобное предложение не есть уважение. Холуи были в чести лишь в тех случаях, когда имели беззубый рот и изогнутую спину. Имейте это в виду, господин хороший.

Улюкай, сопровождаемый вором Резаным, остановил пролетку напротив дома Брянских, бросил напарнику:

– Жди!

И направился к воротам.

Одет он был в элегантный костюм-тройку, в руках держал дорогую трость с костяным набалдашником, выглядел как богатый достойный господин.

Нажал кнопку звонка, стал ждать.

Из полосатой будки к нему вышел привратник Илья, с суровой серьезностью спросил:

– Чего изволите, господин?

– Мне к княжне Брянской.

– Их нет, уехавши.

– А мадемуазель Бессмертная?

Привратник на момент стушевался, но тут же нашелся:

– Не знаю такой.

- Госпожа Бессмертная... бывшая прима оперетты! Сказывают, она здесь проживает.
- Мне об этом неизвестно.

На дорожке показался дворецкий Филипп, увидел незнакомого человека, направился к воротам.

- Чего господин желает? – спросил вышедшего навстречу Илью.
 - Желают видеть госпожу Бессмертную, – ответил тот. – А мне неведомо, кто такая.
- Дворецкий отодвинул его с дорожки, подошел к калитке, слегка поклонился гостю:
- Слушаю вас, уважаемый.
 - Товарищ секретаря Государственной думы Валеев, – представился Улюкай. –

Мне поручено встретиться с госпожой Бессмертной, которая, по некоторым сведениям, проживает в доме княжны.

– Товарищ секретаря Думы? – удивился Филипп. – И что же заинтересовало Думу в госпоже Бессмертной?

- Попроси госпожу выйти во двор! Это важно!
 - Постараюсь исполнить вашу просьбу.
- Дворецкий ушел, Улюкай стал прохаживаться вдоль ворот, и к нему подошел Резаный.
- Чего они?
 - Не желают звать. Вроде того, будто скрывают.
 - С чего это?
 - Барская придурь.
 - Но ты сказал, кто ты есть?
 - Потому и поковылял звать.

От дома вышел дворецкий, следом за ним спешила Табба. Она за эти годы мало изменилась, одета была в длинное домашнее платье, волосы были наброшены на лицо так, что они довольно удачно скрывали давний шрам возле глаза.

Резаный вернулся к пролетке, Улюкай подождал, когда Илья откроет калитку, шагнул навстречу бывшей прима, поприветствовал с поклоном:

- Здравствуйте, мадемуазель.
- Та кивнула, повернулась к дворецкому:
- Ступай.
 - Прошу прощения, но беседовать вам придется здесь, – предупредил он.
 - Я поняла, ступай, – отмахнулась Табба и повернулась к визитеру: – Слушаю вас.
 - Дело короткое, но важное. Лучше где-нибудь присесть.
 - Пожалуйте на скамейку.

Они пересекли двор, расположились на тяжелой чугунной скамье рядом с фонтанчиком.

- Вы кто? – спросила Табба.
 - Вор.
 - Вор? Но дворецкий сказал, что вы товарищ секретаря Думы.
 - Это правда... Но вообще-то вор.
 - Вор – в Думе?
 - Ничего удивительного. Нас там много.
 - Как это?
 - Время такое. Один вор ворует, другой – прикрывает.
- Бессмертная машинально огляделась, снова повернулась к Улюкаю:
- Что у вас?
 - Меня зовут Улюкай. Слышали когда-нибудь?
 - Возможно. Что дальше?
 - Историю бриллианта «Черный могол» вы тоже, думаю, слышали?

– Это важно?

– Важно. – Улюкай достал из внутреннего кармана пиджака бархатный мешочек, вытащил из него золотую коробочку. Положил ее на ладонь, открыл его.

В коробочке лежал бриллиант – таинственный, сверкающий, манящий, пугающий.

– Это и есть «Черный могол», – сказал Улюкай.

Табба завороченно смотрела на него:

– Моя мать охотилась за ним. Теперь он у вас?

– Временно. – Вор протянул коробочку Таббе. – Теперь он будет у вас.

– У меня?!

– У вас. Но тоже временно.

– Я не возьму его.

– Придется. Вы дочь Соньки и обязаны будете передать его матери.

– Зачем?

– Она теперь единственный человек, который будет владеть им по праву. Так завещал верховный вор Мамай.

– Заберите его! – попыталась вернуть камень Бессмертная. – Мне он не нужен! Я не знаю, где моя мать и сестра. И вряд ли увижу их в ближайшее время.

– Думаю, вскоре увидите. Сонька – дама вечная. – Улюкай заставил бывшую приму взять коробку. – Только помните – вы обязаны будете передать его своей матери. Иначе он принесет вам беду. И еще помните, мы вас не оставим. В самые трудные моменты всегда будем рядом.

Табба осталась сидеть, какое-то время была не в состоянии отвести глаз от камня, сияющего черным непостижимым светом. Затем подняла голову, проследила за тем, как странный посетитель вышел в калитку, уселся в пролетку и укатил прочь.

Зима на Сахалине в предновогодние дни 1910 года выдалась необычайно снежной и морозной. Сугробы в поселке каторжан подчас достигали полутора метров, засыпав протоптанные дорожки и почти полностью закрыв крохотные окна в черных заиндевевших бараках.

От мороза потрескивали бревна, а дым из труб вился к небу густо и как бы застыл на лету.

Новый «хозяин» поселка поручик Гончаров едва ли не с первого дня пребывания на службе пожелал видеть у себя почему-то именно пана Тобольского, сосланного на пожизненные каторжные работы. Причем послал за ним конвоира в мужскую часть поселка не днем, а ночью, когда арестанты вернулись уже с валки леса и готовились ко сну.

Когда конвоир с паном пробирались к дому коменданта, по пути встретили божевольного Михеля, озябшего и отрешенного. Тот, устало подпрыгивая и размахивая руками, вдруг остановился, узнал поляка, что-то промычал и угрожающе надвинулся на них.

– Чего тебе, придурок? – крикнул конвоир. – Пошел отседова!

– Убью, – произнес Михель и сделал решительный шаг к пану. – Не ходи к Соне! Соня моя!

– Пошел отседова, гумозник! – Конвоир сильно толкнул сумасшедшего, тот завалился в глубокий снег, увяз в нем и, выбираясь, продолжал мычать и грозить вслед уходящим.

– Такой и взаправду зашибить может, – с ухмылкой бросил конвоир поляку. – Не боишься?

– Он добрый, не зашибет, – пожал тот плечами.

– Добрый, а дури выше головы. Держись от него подальше, пан. А то и правда как бы беды не вышло.

Дом коменданта поселка стоял на пригорке, на отшибе. Почти во всех окнах горел неяркий ламповый свет.

Залаяли с лютым озверением два огромных волкодава, на них вяло прикрикнул дежуривший у входа охранник, махнул пришедшим, давая им возможность пройти.

Пан Тобольский и конвоир поднялись по скрипучим от мороза ступенькам на второй этаж, остановились возле обитой войлоком двери, поляк оглянулся на солдата.

Тот тяжело вздохнул, неожиданно перекрестился.

– Чего ты? – не понял поляк.

– Боюсь. Сказывают, суровые они больно. Да и породы особой – барской.

– А тебе-то чего бояться?

– А как же? На всякий случай, мы ведь совсем их не знаем. – Конвоир снова перекрестился, кивком велел стучать.

Тобольский нерешительно ударил пару раз кулаком в промерзший косяк, дверь распахнулась, и в облаке теплого воздуха возник поручик – мужчина лет двадцати с небольшим, ладный, черноволосый, подтянутый. Увидел арестанта, жестом пригласил переступить порог и распорядился конвоиру:

– Жди на улице.

Пан прошел в небольшую, со вкусом обставленную гостиную, мельком оглядел обстановку: стол с изысканной настольной лампой, дымящим самоваром и пишущей машинкой «Ундервуд», пару стульев, дутый буфет с посудой, красной кожи диван, книжные полки с плотными корешками фолиантов, небольшой платяной шкаф.

В углу стояла срубленная к Новому году елка, украшенная картонными картинками и стеклянными шарами.

Поручик по-хозяйски прошагал к столу, кивнул на один из стульев:

– Присаживайтесь.

Пан с достоинством принял предложение, вопросительно посмотрел на хозяина.

– Чаю? – спросил тот.

– Благодарю, с удовольствием, – усмехнулся поляк.

Гончаров взял со стола заварной чайник, налил в чашку перед гостем темной ароматной жидкости, вернулся на место.

Пан попробовал на вкус чай, благодарно улыбнулся.

– Давно не пил настоящий английский чай.

– Имеете такую возможность. – Поручик внимательно изучал каторжанина. – Вы ведь здесь пожизненно?

Тобольский с удовольствием сделал глоток, поставил на стол чашку.

– Могу задать вопрос, господин поручик?

– Можете. – Никита Глебович по-прежнему с любопытством изучал поляка.

– За все годы каторжной жизни меня ни разу не приглашали в дом начальника на чай. Это что, новая форма обработки политкаторжанина?

– Считаете, есть смысл вас обрабатывать?

– Смысла нет. Во-первых, бесполезно. А во-вторых, ничего выдающегося при всем желании я сообщить вам не могу. В чем смысл данной чайной церемонии?

Поручик вышел из-за стола, взял с книжной полки небольшой томик, положил его перед каторжанином. На обложке книги было выдавлено черной жирной краской: «Марк Рокотов. Стихи».

Поляк полистал томик, поднял на начальника насмешливые глаза.

– Мы будем декламировать стихи Марка Рокотова?

Гончаров сухо рассмеялся, сел.

– Декламировать не будем. Почти все стихи Рокотова я знаю наизусть. Я его давний и ревностный поклонник. – Он закурил, откинулся на спинку стула. – Вы ведь были знакомы с Рокотовым?

– В какой-то степени.

– И на каторге оказались по воле господина поэта?

Тобольский отвечать сразу не стал, кинул взгляд на пачку папирос, поручик кивнул, пан прикурил, затянулся, пустил густой дым.

– На каторге, господин поручик, я оказался исключительно по своей воле. В моем возрасте сложно подчиняться чужим влияниям.

– Однако вы все-таки подчинились воле террористов?

– Желаете откровенностей? – Поляк с прищуром смотрел на начальника. – Праздное любопытство?

– Не только. Меня интригуют поступки людей, идущих столь безоглядно против закона.

Тобольский загасил в пепельнице окурок, снисходительно усмехнулся.

– К сожалению, ничего стоящего о них сообщить не могу. Имел к ним только касательное отношение. Могу лишь назвать причину, толкнувшую меня на этот путь. Если вам, конечно, любопытно.

– Любопытно.

– Хорошо. Позвольте еще один вопрос? Вам сколько лет?

– Двадцать два года.

– Всего двадцать два... И какая же нелегкая привела вас в этот забытый богом и людьми край?

Гончаров снова коротко засмеялся:

– У нас получается едва ли не исповедальный вечер.

– Не хотите, не отвечайте. Вы сами подвели к исповедальности.

– Хорошо, отвечу. – Поручик перебросил ногу на ногу. – Бессмысленное столичное существование. Скука, однообразие, отсутствие какой-либо реальной цели.

– Вы из состоятельной семьи?

– Весьма. У меня есть все, и нет ничего.

– Полагаете, здесь вы что-либо найдете?

– Пока не знаю. По крайней мере, мне здесь интересно. Экзотика!

– Смею вас огорчить. Здешняя экзотика через пару месяцев станет адом, и вы пожелаете немедленно бежать отсюда. Вы возненавидите окончательно не только здешнюю публику, но и самого себя.

– Возможно, – согласился Никита Глебович. – По крайней мере, потом будет о чем вспоминать.

– Если это «потом» у вас наступит.

– Но у вас ведь оно наступило?!

– Наступило. На каторге.

– На пожизненной. Я же в любой момент могу покинуть эти гиблые места.

– Возможно. Но пока что мы с вами, господин поручик, здесь на равных. Я – каторжанин, и вы – также. И привилегия у вас только в одном: вы можете меня наказать, я вас – нет. Хотя и это спорно.

Гончаров не сразу оценил остроумный ход каторжанина, затем рассмеялся громко и с удовольствием.

– Браво! Значит, между нами есть нечто общее?

– Всего лишь часть суши, на которой мы располагаемся.

Гончаров посидел какое-то время в размышлении, поднялся, подошел к буфету, вынул оттуда хрустальный штоф с водкой, две рюмки, поставил на стол.

– Предлагаю выпить.

– Вот с этого все и начинается, – заметил с ироничной улыбкой пан. – Вначале вы будете искать собутыльника, затем станете пить по-черному. В полном одиночестве. А отсюда родится жестокость, озлобленность, ненависть ко всем и вся.

Никита Глебович отрезал кусок вяленой оленины, кивнул на нетронутую рюмку.

– Брезгуете?

– Просто не пью.

Возле дома стали грызться собаки, поручик подошел к окну, посмотрел вниз, беззлочно чертыхнулся, вернулся обратно.

– Все здесь интересно. Интересно и страшно. Но вы правы – когда-нибудь все это обрыднет. – Налил себе повторно, выпил, затем испытующе посмотрел на каторжанина. – Еще один вопрос. Вся эта чушь о вас и Софье Блювштейн... Понимаете, о ком я?

– Разумеется.

– Это вранье или имело место быть?

Пан пожал плечами и спокойно ответил:

– Имело место быть.

– Она – майданщица. Ей разрешили открыть квасную лавку. По моей информации, госпожа Блювштейн торгует не только квасом. Но и кое-чем покрепче.

– Вы желаете лишить ее особого положения?

– Вовсе нет. Мне она просто любопытна.

Поляк поднял глаза на поручика, усмехнулся:

– К сожалению, видимся мы редко. Мне ведь предписан особый режим – передвижение по поселку только в сопровождении конвоира.

– Я дам команду о временной отмене режима.

– Желаете, чтобы я вам ее представил?

– Мне бы хотелось расположить ее к себе.

– Зачем?

– Легендарная особа. Необычная судьба. Меня привлекает все неординарное, загадочное.

– То есть я должен сказать Соне что-то о вас хорошее?

– Ну, ни хорошее, ни дурное. Но я бы желал, чтобы поселенцы видели во мне не только зверя.

Пан Тобольский в некотором недоумении помолчал, затем поднялся.

– Я могу идти?

– Нет. – Поручик подошел к нему. – Попробуйте поверить в мою искренность. Россия на рубеже страшных перемен. Смертельных перемен. И я хочу оставить после себя хотя бы крохотный след, пусть даже на этом острове отверженных.

Желваки собрались на скулах поляка, он уставился на начальника в упор.

– Вы или сумасшедший, или прохвост.

От услышанного тот вздрогнул, с тихой ненавистью посмотрел на каторжанина, затем овладел собой, тихо промолвил:

– Может, и то, и другое. Для кого как, – и коротко махнул: – Ступайте.

Тобольский был уже возле двери, когда Гончаров окликнул его:

– Минуту! – снова подошел к каторжанину. – Госпожа Блювштейн здесь ведь не одна?

– Да, с дочкой. С Михелиной.

– По слухам, она весьма хороша собой.

Тобольский едва заметно усмехнулся.

– Она каторжанка, господин поручик, – и готов был переступить порог, когда его вновь остановил начальник.

– А со старшей дочерью... прямой петербургской оперетты... действительно все так трагично, как писали газеты?

– Я каторжанин, господин поручик. И связи с материком у меня никакой. С наступающим Новым годом.

В комнату ворвалось облако холодного белого воздуха, конвоир услышал звук открывшейся двери, шуганул собак и заспешил навстречу каторжанину.

На следующий день, когда к ночи уже была завершена смена лесоповалочных работ, пан Тобольский решился навестить Соньку. Благо начальник снял предписание передвигаться по поселку только в сопровождении конвоира.

Квасная лавка находилась на небольшом майдане в центре поселка вольных поселенцев. Кроме нее, здесь в темноте виднелась управляющая контора с крыльцом, рядом чернел недавно построенный помост для порки провинившихся, а чуть в стороне нелепо торчали обломанные колеса от карусели, в теплое время предназначавшейся для местных детишек.

Из трубы лавки на фоне звездного прозрачного неба валил густой белый дым – значит, Сонька еще торговала.

Сама лавка представляла собой обычную черную лачугу с вдавленными в снег четырьмя окнами и протоптанной узкой тропинкой ко входу. Перед дверью лежали ленивые откормленные собаки, равнодушные к каждому, кто посещал лавку. Рядом с ними сидел на корточках Михель, совал им в физиономии куски хлеба или вяленой рыбы, те отворачивались, недовольно рычали, иногда даже огрызались.

Божевольному это нравилось, он радостно смеялся и продолжал свое бессмысленное занятие.

Когда сильно озябший пан Тобольский уже подходил к лавке, навстречу ему вышли два поселенца, на физиономиях которых, кроме хмельной отупелой тяжести, ничего более не выражалось. Поляк вынужден был посторониться, уступая им дорогу.

Один из мужиков чудом узнал его, оскалился.

– О, Матка Боска, твою мать! – и дурашливо стащил драную шапку с головы. – Неужели пану тоже пожелалось освежить грешную душу?

– Разве я не живой человек? – неловко отшутился тот.

– А хрен тебя поймет! Может, живой, а может, и подох уже! Тут все зажмуренные!

Мужики рассмеялись шутке и зашагали дальше.

Михель заметил совсем вблизи приближающегося поляка, оставил собак, поднялся навстречу, промычал:

– Не надо! Не ходи!

– Михель, – миролюбиво остановил его пан, объяснил: – У меня к Соне дело. Кое-что скажу и сразу уйду.

Поляк шагнул к двери, божевольный тут же перехватил его, прижал к стене.

– Убью!

Они вцепились друг в друга, силы были примерно равны, и неизвестно, чем бы все кончилось, если бы из лавки не выглянула Сонька, привлеченная шумом борьбы.

– А ну, пошел отсюда, шланбой! – набросилась она на Михеля, стала лупить его по голове берестяной квасной кружкой. – Какого черта караулишь?

– В каталажку не надо, Соня! – вдруг испугался Михель и отпустил поляка. – Больно. – Божевольный торопливо затопал прочь, лишь изредка оглядывался, бормотал: – Соня... Моя Соня... Мама... – и грозил кулаком пану: – Убью!

Вошли внутрь. Сонька кивнула гостю на одну из скамеек.

Лавка была небольшой, с двумя керосиновыми лампами по углам. Стояли два длинных стола для распития кваса, а на печи громоздились две булькающие бочки для закваски и перегонки пойла.

Сонька за пять лет каторги сильно сдала. Голова совсем поседела, зубы поддались цинге и почернели, походка утяжелилась, стала неуверенной, шаркающей. И лишь глаза по-прежнему были глубоки и внимательны.

– Мне изменили режим, Соня, – с улыбкой сообщил пан.

– Кто?

– В поселок пришел новый комендант. Я имел с ним разговор. Теперь могу перемещаться по поселку свободно.

– Вы с ним знакомы?

– Он пригласил меня к себе. Господин более чем странный. Знает стихи Марка Рокотова, интересуется инакомыслием, вел весьма загадочный разговор.

– Зачем вы мне это говорите?

– Он расспрашивал о вас.

– Обо мне расспрашивают многие. Как только туристы расползаются с парохода, так и расспрашивают.

Поляк усмехнулся.

– Тут иное. Как я понял, он желает поговорить с вами.

– О чем?

– С вашей помощью он намерен поднять в поселке свой авторитет.

– У коменданта всегда в поселке авторитет, – усмехнулась Сонька.

– Ему хочется, как он выразился, помочь отверженным и несчастным.

Женщина с иронией посмотрела на него.

– Вы с утра не выпивали?

– Я ведь не пью, Соня. Он действительно заинтересовался вами.

– Стара я для его интереса.

– Он также заинтересовался Михелиной.

– А это совсем ни к чему.

– Он просто спросил о ней.

– Сегодня спросил, завтра возьмется за дело.

– Надо этим воспользоваться, Соня!

– Дочку подложить?

– Зачем? Есть ведь другие варианты. Надо искать возможность бежать отсюда!.. Я крайне беспокоюсь о вас.

Сонька повернула к нему голову, внимательно посмотрела в измученное каторгой и годами породистое лицо поляка, с искренним сочувствием заметила:

– Лучше о себе побеспокойтесь. Совсем сдали.

Пан неожиданно взял женщину за плечи, на мгновение растроганно приобнял ее, уткнулся в плечо, и даже на какой-то миг показалось, что он расплакался. Тут же виновато отпустил, усмехнулся.

– Простите... – Помолчал, вытер тыльной стороной ладони глаза. – Обо мне бессмысленно. Я вряд ли уже выберусь. А вот вам надо постараться. Хотя бы ради ваших дочерей.

– Вы в своем репертуаре, – улыбнулась Сонька.

– Так воспитан. – Поляк снова элегантно откланялся. – Вы все-таки подумайте о том, что я вам сказал.

– Подумаю, – механически ответила женщина и вместе с поляком двинулась к выходу. – Если Михель вдруг станет нахальничать, кликните меня.

– Отобьюсь.

Дверь распахнулась, и вместе с облаком пара в лавку ввалилось сразу три поселенца.
– Соня! – заорал один из них. – Дай загасить огонь! Покрепче чего-нибудь!

Поляк вышел из лавки, огляделся и направился к околице, за которой начиналась почти засыпанная снегом тропинка в соседний поселок.

Идти было трудно.

Небо совсем освободилось от туч, и звезды сверкали над головой низко, ярко и крупно, казалось, можно рукой дотянуться до них.

Пан не заметил, что следом за ним из поселка двинулся Михель.

На середине дороги Тобольский остановился, любуясь вышитым звездами небом, машинально оглянулся и вдруг обнаружил, что Михель почти уже настиг его. Остановился, с неожиданным страхом и дурным предчувствием спросил:

– Чего тебе?

Божевольный молчал, глядя на Тобольского тяжело и мрачно.

– Ступай к себе, Михель, – сказал тот. – Холодно. Околеешь.

Михель не двинулся.

Поляк постоял какое-то время и двинулся дальше. Михель тут же тронулся следом.

Пан оглянулся.

– Не надо за мной идти, Михель. Сам дойду.

– Соня, – произнес тот и ткнул кулаком в грудь. – Моя Соня.

– Твоя... Конечно твоя... Соня отдыхает. Ступай.

– Моя!.. Люблю Соню!

– Как скажешь... Бог с тобой.

Пан Тобольский шагнул снова и тут услышал близкое, частое и шумное дыхание. Оглянуться не успел, Михель в прыжке сбил его с ног, навалился тяжелой смрадной тушей и стал душить.

Пан задыхался, терял силы, пытался увернуться от цепких рук нападавшего, пару раз умудрился ударить его в лицо, тот окончательно озверел, завопил от боли и обиды и впился зубами в плечо несчастного.

Успокоился Михель только тогда, когда поляк после конвульсий затих. Медленно поднялся, запрокинул голову к полной луне, плывшей по звездному чистому небу, удовлетворенно прокричал что-то и медленно побрел в сторону поселка вольнопоселенцев, широко размахивая руками.

На снегу осталось лежать бездыханное тело пана Тобольского.

...В шестом часу утра, когда над поселком все еще висела морозная, прозрачная и трескучая ночь, каторжанки под присмотром двух молодых бабех-надзирательниц спешно готовились к выходу на работу – убрали постели, успевали по-быстрому плотнуть горячего кипятку, натягивали на себя осточертевшие тяжелые шинельного цвета бушлаты, переругивались то злобно, то не очень.

– Шевелись, шалашовки! – подгоняли надзирательницы. – Кто задержится, три дрына по горбу!

Нары Соньки и Михелины находились рядом, мать и дочь привычно и без лишних слов затягивали одежду, успевали помочь друг другу, перебрасывались короткими, понимающими взглядами.

К этому времени Михелине исполнилось уже двадцать пять, но возраст никак не отразился на ее внешности. Она оставалась не по-здешнему хрупкой и ухоженной, лицо ее от прикладывания тюленьего жира было свежим, благородным, манеру поведения девушка выбрала подчеркнуто независимую.

Тяжело стукнула промерзшая входная дверь, в барак вместе с морозным облаком ввалился известный в поселке своей наглостью и подлостью подпрапорщик Кузьма Евдокимов, заорал на все помещение:

– Соньку Золотую Ручку немедленно к начальнику!

Каторжанки немедленно напряглись, Сонька быстро повернулась к Михелине. Дочь с тревогой спросила:

– Зачем он в такую рань, Соня?

– Без понятия, – пожалала та плечами, посмотрела на надзирателя: – К какому еще начальнику?

– К господину поручику!.. К Никите Глебовичу!

– Ничего не перепутал?

– Путают знаешь где? – осканился тот, тут же цапнул за задницу крайнюю из каторжанок и продолжил: – Когда вместо бабы мужика щупают! Давай на выход! Велел не задерживаться!

Сонька бросила на напрягшуюся дочку взгляд, усмехнулась:

– Не волнуйся. Думаю, это ненадолго.

– Может, я с тобой? Что-то нехорошее в этом.

– Узнаем.

Мать подбадривающе подмигнула дочке, набросила на плечи тяжелый серый бушлат и двинулась к выходу.

Надсмотрщик пропустил воровку вперед, по пути щипнул за зад молодую поселенку, довольно заржал.

– Ну, кобылы, мать вашу! – и вывалился следом за Сонькой в морозное утро.

Луна все еще была полная и круглая, деревья от холода потрескивали, в ближних дворах изредка побреживали вконец озьябшие собаки.

– Не знаешь, чего хозяин хочет? – осторожно спросила Сонька.

– А чего он хочет? – заржал Кузьма. – Того, чего хотят и все мужики!

– Стара я для этого.

– А я ихнего вкуса не знаю. Может, ты им в самый раз! – И охранник снова заржал.

Все окна в доме коменданта уже светились, надсмотрщик пропустил вперед каторжанку, направил на второй этаж. Попытался на лестнице полапать и ее, но получил сильный тычок, зло прохрипел:

– Гляди, старая курва... Обратная дорога тоже будет со мной.

Сонька промолчала, в слабо освещенном керосиновой лампой коридоре нащупала дверь, толкнула.

Дверь скрипнула, в лицо после мороза тут ударило теплом, запахом чего-то вкусного и ароматного.

Кузьма входить не стал, громко выкрикнул:

– Каторжанка Блюхштейн, ваше благородие!

Поручик, причесанный, надушенный хорошим одеколоном, вышел навстречу каторжанке, с молчаливым поклоном предложил пройти. Затем совершенно неожиданно помог женщине снять тяжелый арестантский бушлат, повесил его на вешалку возле двери.

Сонька усмехнулась.

– Как за барыней ухаживаете, господин поручик.

– За женщиной, – ответил тот и показал на стул.

На столе стоял фарфоровый чайник с двумя чашками, сахарница и конфетница.

Сонька с некоторым удивлением оценила все это, опустилась на предложенный стул. Никита Глебович уселся напротив, потянулся за чайником, разлил коричневую ароматную жидкость в две чашки, пододвинул поближе к каторжанке сахарницу.

– Софья Блювштейн? Не ошибаюсь? – взглянул на воровку. – Блювштейн – фамилия по мужу?

– По мужу.

– То есть Михель Блювштейн, здешний божий человек, ваш муж?

– Наверно. Если, конечно, божий человек может быть чьим-нибудь мужем.

– А Тобольский... – поручик взглянул на бумаги, лежавшие перед ним. – Казимир Тобольский. Он кто для вас?

– Каторжанин.

– Всего лишь?

Сонька отставила чашку с чаем, с очевидным раздражением спросила:

– Господин начальник, к чему вся эта баланда?

Гончаров помолчал, шелкая тонкими изысканными пальцами, поднял голову.

– Этой ночью Казимир Тобольский был убит.

– Что? – задыхнулась Сонька. – Как? Кто это сделал?

– Это сделал ваш муж. Михель Блювштейн.

– Но этого не может быть!

– Он сам в этом сознался.

– Он не мог. Он дитя малое!

– Тем не менее каторжные работы он получил именно за убийство. Вам ведь это известно?

Сонька помолчала, тихо произнесла:

– Пан пришел в лавку, когда я уже готовилась закрывать. Очень поздно... Сказал, что получил от вас разрешение на вольное перемещение.

– Да, я разрешил. Хотите попрощаться с покойным?

– Нет. Лучше я буду помнить его таким, каким видела в последний раз.

Воровка с трудом сдержала неожиданные слезы, смахнула их, виновато усмехнулась.

– Простите... Михель где сейчас?

– В карцере.

– Я смогу его навестить?

– Безусловно. Но есть ли в этом смысл?

– Я ношу его фамилию, господин поручик.

– Хорошо, я распоряжусь. Но имейте в виду, он сейчас абсолютно невменяем и агрессивен. Его самого, видимо, потрясло убийство.

Сонька поднялась, натянула рукавицы.

Гончаров тоже вышел из-за стола.

– Сегодня можете не выходить на работу.

– За что такая милость? – ухмыльнулась женщина.

– Просто участие. – Поручик проводил Соньку до двери, вдруг предложил: – Кстати, отец вашей дочери – сумасшедший Михель?

– Да.

– Я дам распоряжение, чтобы ее сегодня тоже освободили от работ.

Сонька исподлобья взглянула на него, склонила голову:

– Благодарю. – И покинула комнату.

Спустя несколько дней после встречи с обер-полицмейстером в своем кабинете, обставленном скромно, с деталями кавказской экзотики, Икрамов собрал наиболее опытных следователей, сыскарей, судебных приставов, чтобы детально разобраться в делах, не терпящих отлагательства.

Присутствовали старший следователь Конюшев Сергей Иванович, следственный пристав жандармского управления Дымов Иван Иванович, а кроме них старший судебный пристав департамента Фадеев Федор Петрович и опытный петербургский сыщик Миронов Мирон Яковлевич, поражавший коллег не только тучностью, но и умением находить выход из самых запутанных ситуаций.

На столе лежала папка с соответствующим делом, два карандашных портрета злоумышленницы – анфас и в профиль.

Князь слушал опытных приглашенных, и его все больше раздражали их леность, нетопливность, профессиональная снисходительность, нежелание работать.

– Позвольте мне, ваше высочордие? – обозначил себя старший пристав Фадеев. Получив одобрение кивком, продолжил: – По полученным в Департаменте полиции сведениям, на днях в Москву прибыл некий армянин из Тифлиса по кличке Гурам, принимавший участие в устройстве одиннадцати типографий, трех лабораторий бомб...

– Я бы желал услышать ваши соображения относительно ограбления «Нового Балтийского банка», – прервал его князь.

– Как прикажете. – Пристав открыл другую папку. – Дело не такое уж проблемное, как может показаться. Имея на руках примерный портрет злоумышленницы, а также довольно точное описание ее подельников, мы в самое ближайшее время сможем установить личность данной особы и повести за ней слежку.

– Почему раньше это не делалось?

– Не было команды, ваше высочордие.

– Рутинка, – поддержал коллегу Миронов. – Да и других дел невпроворот. К примеру, вчера летучий отряд социал-революционеров совершил ограбление Московского банка на станции Рогово Варшавско-Венской железной дороги. Ни людей, ни сил.

– Я спрашиваю вас о налете на «Новый Балтийский банк»! Почему по этому делу нет никакого движения?

– Сейчас вот хвост накрутите, машина завертится.

Князь перевел взгляд на Конюшева.

– Сергей Иванович?

– Мне добавить нечего. Надо более детально вникнуть в дело.

– Но оно ведь поступило к вам на разработку?

– Не одно оно. Минимум еще два десятка.

– У вас все?

– Увы.

Ибрагим Казбекович погонял желваки на скулах, ткнул в Конюшева пальцем.

– Вы, господин старший следователь, как и все прочие, пришли на разговор не подготовившись!

– Я не думал, что от меня потребуются немедленные заключения, – парировал тот.

– А о чем вы думали, приходя на службу?

– Поверьте, ваше высочордие, я не сижу сложа руки. Но находиться все время под командой «смирно»... это как-то не входит в мои представления о регламенте Департамента полиции.

– Именно Департамент полиции диктует такой регламент! Не разглагольствовать попустому, не ждать команды, а действовать! Ежедневно, ежеминутно!

– Простите, ваше высочордие, – с укором произнес Фадеев. – Сыск требует не только времени, но и прочувствованного изучения материалов! Дело нужно понять, ощутить, полюбить, если хотите. С наскока, со штыком наперевес ничего не добьешься.

– Я ваш намек понял! – проглотив сказанное, резко произнес князь. – Резюме получите в конце. – Он повернул голову к Дымову: – Вы готовы сделать какие-либо заключения, господин пристав? Или тоже ждали команды?

– Нет, команды не ждал, поэтому есть что сказать. – С виду добродушный Иван Иванович, кряхтя, уселся поудобнее, улыбнулся, обвел всех внимательным взглядом. – Если говорить о налетах на банки, то дело здесь и не криминальное, и не уголовное, а исключительно политическое.

– Жандармерия всегда гнет свою линию. Политическую, – ехидно заметил Фадеев.

– Жандармерия, к вашему сведению, Федор Петрович, всегда зрит в корень. А корень здесь один – деньги. На акции, выступления рабочих, содержание политических структур, оружие и тому подобное нужны деньги. Нами подсчитано: на совершение одного террористического акта необходимо до полумиллиона рублей. Полумиллиона, господа! Отсюда налеты на банки, отсюда стрельба и убийства, отсюда милая барышня с замотанным черной повязкой глазом!

– Это пока лишь рассуждения, – отмахнулся князь. – Факты. Конкретные данные. Фамилии! Есть что-нибудь?

– В следующий раз, князь.

– Позвольте, ваше высочордие? – подал голос Миронов.

– У вас появились новые идеи?

– Примерно... Должен согласиться с господином Дымовым. За ограблениями должны стоять некие структуры, крайне нуждающиеся в финансах...

– Это я уже слышал, – прервал его князь, усаживаясь за стол. – Теперь мое резюме... Да, я окопный солдат! И не стыжусь этого! Более того, горжусь! Я прошел Японскую кампанию, Кавказ!.. Теперь же государем передо мной поставлена новая задача – бороться с преступниками. С теми, кто или по злому умыслу, или по неведению преступил закон! Признаюсь, господа, наивно я полагал, что такая война проще. Нет, не проще. Намного сложнее! На фронте враг очевиден. Здесь же ты не знаешь, кто перед тобой – друг, товарищ или преступник. И всегда надо быть готовым к выстрелу в спину! Поэтому предупреждаю вас, здесь собравшихся, и всех тех, до кого дойдут мои слова, – я буду беспощаден в этой войне! Я не буду знать жалости, снисхождения, сомнения! Ни к врагам, ни к вам! Врагов буду уничтожать, от подчиненных требовать! Малейшее неповиновение, леность, разгильдяйство, безответственность будут приравняться к преступлению. Имейте это в виду. А теперь все свободны, желаю успехов и понимания!

Присутствующие несколько смятенно поднялись и потянулись к выходу. Неожиданно старший следователь Конюшев задержался, попросил князя:

– Ваше высочордие, позвольте пару минут конфиденциально?

Когда дверь закрылась, следователь подошел к Икрамову поближе.

– Дело с «Новым Балтийским банком» действительно непростое, Ибрагим Казбекович...

– Вы задержались, чтобы сообщить мне именно это?

– Нет, я хотел бы попросить вас рассмотреть вопрос о бывшем нашем коллеге, опытнейшем следователе Гришине.

– Не совсем понимаю.

– Егор Никитич Гришин один из лучших следователей Санкт-Петербурга. Но волею случая несколько лет тому назад он был вынужден покинуть место работы.

– Он был уволен из следственных органов?

– Именно так. Более того, пытался покончить с собой. Но выжил.

– Стрелялся? Вешался?

– Стрелялся.

- Неудачный самострел... И вы за него ходатайствуете?
 - Он следовательно от бога, ваше высокородие. И в поставленной вами задаче был бы незаменим.
 - Вы с ним общаетесь?
 - Я его не видел с того самого случая.
- Икрамов подумал, внимательно посмотрел на старшего следователя.
- Хорошо, я запрошу материалы на вашего бывшего коллегу. Еще раз, как его фамилия?
 - Гришин Егор Никитич.
- Князь взял ручку, записал.
- Всего доброго!
- Конюшев покинул кабинет.

Братья Кудеяровы жили в старинном родовом доме на Миллионной, откуда рукой было подать до тяжелой и мутной Невы.

Петр въехал во двор на автомобиле, сиденья, а также стекла, крылья которого были заляпаны грязью, сунул водительские краги вышколенному лакею, нервно распорядился:

– Вымой как следует автомобиль! Весь! Чтоб ни следа! Везде! – Попытался оттереть запачканный какой-то гадостью костюм, безнадежно махнул рукой и заторопился было в дом, но вдруг увидел на скамейке младшего брата Константина, читающего книжку.

Быстро подошел к нему, остановился в шаге.

Тот прикрыл книжку, удивленно посмотрел на Петра.

- Что-нибудь стряслось?
- Я только что был на фабрике.
- Дурные новости?
- Весьма. Жаль, что тебя не было со мной.

Константин окинул его взглядом, обратил внимание на испачканный костюм, приснул в кулак.

– Тебя там побили?

– Да, представь себе! Закидали помидорами, яйцами, прочей мерзостью! Меня прогнали с моей фабрики! Прогнали те, кому я плачу жалованье! – Петр взял из его рук книжку, кинул взгляд на обложку, на которой было написано «Максим Горький», неожиданно резко швырнул ее на землю, стал топтать ногами. – Это все от этого! От этих недоучек, шарлатанов, проходимцев!

Костя удивленно привстал.

– Прекрати, братец.

Петр придвинулся к нему вплотную, прошептал:

– Это ты прекрати! Ты сошел с ума, понимаешь? Окончательно и бесповоротно сошел с ума. Упиваешься этой мерзостью... сочинительством какого-то полуграмотного бродяги, сострадаешь уродам, которые тебе чужды по духу, по крови, по нравственности!

– Тебе-то какая разница, кем я упиваюсь и кому сострадаю?

– Потому что я знаю, что эта зараза рано или поздно сожрет тебя!.. Нет, не рано или поздно, а уже жрет! Пожирает! Хотя ты сам еще это до конца не осознаешь!

Константин в полном недоумении смотрел на него.

– Петр, можно без истерики? Отдай грязный костюм прачке, надень новый, и все вопросы сняты!

– Не сняты! Вопросы только начинаются! Сегодня они швырялись яйцами, а завтра возьмут оружие и всех перестреляют к чертям собачьим! Меня, тебя – всех! Думаешь, тебя они пожалеют? – Старший брат быстро оглянулся, почему-то полупшепотом поинтересовался: – Ты ведь сочувствуешь этой мрази?

– По крайней мере, не устраиваю сцен, – с усмешкой ответил младший.
– Нет, сочувствуешь. Жалеешь и сострадаешь. И я догадываюсь, на кого ты транжиришь наши кровные деньги.

Костя пожал плечами, усмехнулся:

– Транжирю в основном на женщин.

– Врешь! Врешь нагло и беспардонно! Я ведь догадываюсь. Подозреваю! И кое-что замечаю.

– Ты шпионишь за мной?

– Пока что наблюдаю! Но не приведи господь, чтоб о моих догадках узнал кто-то из посторонних! Не приведи господь! Тогда всему конец – и чести, и фамилии, и жизни.

– По-моему, ты сошел с ума. Прости, у меня дела.

Младший хотел обойти его, но Петр резко перехватил за руку.

– Мне! Как родному брату! Это останется между нами. Пока не поздно. А еще не поздно! Где ты бываешь? С кем встречаешься? Я видел тебя не один раз с людьми не нашего круга! Зачем читаешь дурные книжки? Куда с банковских счетов уходят деньги! Кому? Для чего?

Константин смотрел на него, как на окончательно сошедшего с ума.

– Ты в бреду, Петр! Ты хоть сам понимаешь смысл своих слов?

– Прекрасно понимаю. Великолепно! Ну скажи. Признайся! Ты финансируешь революционную сволочь? Эту чернь, этих прохвостов? Эсеров-бомбистов, другую мерзость? Ты решил пойти против Богом избранной власти?

– Можно ответу по порядку?

– Изволь. Только как брат брату. Честно.

– Именно. Первое – никакую «сволочь» я не финансирую, и вся эта чушь не более чем фантазия твоего больного мозга!

– Я чувствую, Костя. Я слишком люблю тебя, чтобы не догадываться. Я ведь в свое время также увлекался бунтом, протестом, сборищами. Но прошло. Прошло, к счастью.

– Не перебивать! Второе. Если бы я даже решил финансировать революционную мерзость, это не твоего ума дело, брат! Я вырос уже из купальных трусов, чтобы давать кому-либо отчет о своих действиях! У меня свои деньги, своя жизнь, свои принципы!

– Принципы пусть! Черт с ними, если тронулся умом. Но деньги! Это деньги нашего отца!

– Это деньги наши с тобой, брат, разделенные поровну! А папеньке – благодарность, и земля ему пухом!

Константин снова решил уйти, и Петр вновь задержал его:

– Одумайся, остановись! Пострадаешь не только сам, но заодно погубишь меня!

– Ты располагаешь фактами?

– Мне намекнули.

– Намекают знаешь где? В публичном доме! Когда стесняются напрямую попросить деву!

Константин подобрал книжку, направился на выход к воротам, и все-таки Кудеяров-старший догнал его, вцепился в рукав.

– Грех, грех! Гадишь в могилы отцов, дедов, прадедов! И я первый прокляну тебя, если не остановишься и не одумаешься! Не только прокляну, но и буду вечным и непримиримым твоим врагом! Пойду войной, жестокостью, беспощадностью!

– Делай как знаешь, брат. Ты старше, тебе виднее, – ответил с усмешкой младший, брезгливо освобождая руку.

Глава вторая

Без гарантий

В бараке ни души – все каторжанки ушли на смену. Сонька сидела возле буржуйки, в которой потрескивали дрова, ждала дочку. Вскоре дверь барака распахнулась, и к матери быстро направилась Михелина. Присела перед нею на корточки, спросила деревянными от мороза губами:

– Соня...Что стряслось? Меня торчила прямо из красильни вытащил, велел бежать к тебе.

Несмотря на арестантскую одежду, девушка смотрелась красиво, едва ли не игрушечно. Мать поцеловала ее с нежностью, усадила рядом с собой.

Та стянула рукавицы, подышала на озябшие пальцы.

– Пана Тобольского убили, – помолчав, сказала Сонька.

– Слышала. Тетки только об этом и судачат. Правда, что это сделал Михель?

– Так говорят.

– А что с ним теперь будет?

– Думаю, ничего. Подержат в карцере и выпустят. Сумасшедший, чего с него взять?

– Я его боюсь.

– Михеля?

– Да. Он, когда видит меня, всегда мычит и что-то пытается сказать. Как думаешь, он знает, что я его дочка?

– Вряд ли. Он знает только меня. – Сонька помолчала. – А вот пана Тобольского жаль.

– Ты любила его?

Мать усмехнулась, пожала плечами.

– Он любил меня. Всю жизнь.

– А меня зачем со смены погнали?

– Начальник распорядился.

Дочка села поудобнее, приобняла мать, почему-то перешла на шепот:

– Ты с ним разговаривала?

– С начальником?

– Да... Какой он из себя? Говорят, молодой.

– Молодой, – улыбнулась Сонька. – Симпатичный.

– С тобой нормально разговаривал?

– Вполне. – Воровка внимательно посмотрела на дочку. – Ты должна с ним познакомиться.

– Мам, ты чего? Кто он, и кто я.

– Он мужчина. К тому же молодой. Ему нужны женщины.

– Но почему я?

– Потому что здесь, кроме тебя, не на кого глаз положить.

– Ты хочешь, чтобы я...

– Хочу, чтобы ты завела с ним флирт. А дальше будет видно.

Михелина слегка отстранилась.

– Но я не хочу. У меня есть князь Андрей!

Мать жестко взяла дочку за локоть.

– Это нужно, Миха.

– Зачем?

– Чтоб бежать отсюда. – Сонька набрала новую партию дров, подкинула в печку. – Главное, что он из благородных. А благородными можно крутить как заблагорассудится.

– Благородные – глупые?

– Доверчивые. Их легче обвести вокруг пальца. Нужно только умело разыграть дурку. Михелина откинулась назад, негромко рассмеялась.

– А если я по-настоящему закручу ему голову?

– Лишь бы не наоборот. Он очень интересный мужчина. Поэтому надо иметь холодную голову и ловкие руки.

– Золотые, ты хотела сказать.

– Я подумала, а ты сказала. – Мать приблизила к себе дочь, поцеловала в голову.

Неожиданно дверь барака распахнулась, на пороге возник сначала Кузьма Евдокимов, затем в помещение вошел поручик Гончаров.

Обе женщины при появлении начальника поднялись, он подошел к ним, улыбнулся Михелине.

– Ваша дочь? – спросил Соньку.

– Да, моя.

– Очень приятно, – Никита Глебович протянул девушке руку в тонкой лайковой перчатке. – Гончаров.

Михелина сделала книксен, в арестантской одежде это выглядело трогательно и чуть смешно.

– Словно на светском приеме, – засмеялся поручик и тут же деловито обратился к воровке: – Вас проводят к карцеру, в котором содержится Михель Блювштейн. А вам, – повернулся Гончаров к девушке, – тем временем я могу предложить испить со мной чаю.

Михелина, томно прикрыв глаза, повернулась к Соньке:

– Мам, меня приглашают. Можно?

– Решай сама, взрослая уже, – пожала та плечами.

– Я решила, господин поручик!

Кузьма Евдокимов стоял в дверном проеме, наблюдал за происходящим и нагло ухмылялся.

Карцер находился на другом краю поселка. Соньку сопровождал Кузьма, пробирался следом, глубоко проваливаясь в снег, чертыхаясь, кричал в спину воровке:

– А начальник-то на твою дочку глазок положил. Гляди, Сонька, как бы бабкой не стать раньше времени!

– Я давно уже бабка!

– Это смотря для кого! Я бы такую бабку зацепил!

– Было б чем цеплять.

Карцер, в который поместили Михеля, был бараком, с зарешеченными окнами и пудовым замком на дверях. Дорожку к дверям занес снег. Сонька стала пробираться ко входу, погружаясь в сугробы едва ли не по пояс. Конвоир хотел было двинуться следом, но махнул рукой и остался ждать ее.

– Гляди поаккуратней! А то как бы сразу двух жмуриков не пришлось попу отпевать! Воровка с трудом открыла дверь, протиснулась внутрь, сделала несколько шагов.

– Михель!

Ответа не последовало. Сонька шагнула дальше.

– Михель!

И вдруг откуда-то из дальнего угла послышалось:

– Кто там?

– Это я, Соня. Ты где?

– Здесь.

Ответ был настороженный, испуганный, не совсем узнаваемый. Соньке вдруг стало не по себе.

Женщина двинулась на голос и увидела Михеля.

Он стоял возле зарешеченного окна, смотрел на воровку прямо и испуганно. Глаза его горели, руки крепко сжимали прутья.

Воровка подошла поближе.

– Михель, это я... Соня!

– Соня? – переспросил он, подозрительно глядя на нее.

– Соня. Не узнал, что ли?

– Теперь вроде узнал.

Странность его речи заставила воровку отступить на шаг.

– Ты чего, Михель? Я – Соня.

Он торопливо произнес:

– Узнал, Соня... – оглянулся по сторонам, шепотом спросил: – Где я, Соня?

– В карцере! Ты убил человека.

– Убил человека? – тихо переспросил он, и зрачки его глаз расширились. – Генеральшу?

– Генеральшу ты убил давно. А теперь пана Тобольского.

– Кого?

– Поляка. Пана Тобольского.

– Не помню. – Блювштейн вдруг взял ладонями ее лицо, приблизил к себе почти вплотную. – А где я, Соня?

Воровке стало нехорошо от его взгляда, от разговора, она тихо промолвила:

– Как где? На каторге! Тебя сослали на пожизненную!

– На пожизненную? Не помню... Ничего не помню. – Глаза его стали наполняться слезами. – Боже... Неужели это правда? – Он схватил воровку за плечи, принялся с силой трясти ее: – Генеральшу помню, поляка нет! Даже тебя не сразу вспомнил!

– Потому что Господь отнял у тебя разум.

– За то что убил?

– Двоих убил.

Михель с ухмылкой посмотрел на нее.

– Нет, не отнял. Он мне его вернул. Второй раз убил, и ко мне вернулся разум. Только зачем Господь сделал это, Соня?

– В наказание. Значит, ты не все еще испытал в этой жизни.

Михель спросил сдавленно:

– А что я еще должен испытать?

– Одному Богу известно.

– Не хочу, Соня. – По его щекам текли слезы. – Хочу жить как раньше. Ничего не знать, ничего не понимать, ничего не бояться.

Он оставил ее, медленно отошел в угол, присел на корточки и затих.

Сонька присела рядом. Михель обнял ее, прижался, и так они какое-то время сидели молча. Наконец воровка вытерла ладонью свои мокрые глаза, поднялась.

– Мне пора.

– А я?

– Жди, когда выпустят. Подержат, помурыжат и выпустят. Что с тебя возьмешь, с придурка?

У выхода Сонька остановилась, с усмешкой сообщила:

– Мы тут ведь с тобой не одни, Михель. У нас дочка.

– Дочка? – спросил он удивленно.

– Да, дочка... Михелина.

– Моя?

– Наша.

– Тоже на каторге? А ее за что?

– За мать.

Михель зашептал:

– Нужно бежать! Хотя бы ради дочки! Здесь нельзя оставаться! Подохнем!

– Нужно. Но об этом потом. – Сонька оглянулась, тихо предупредила: – Главное, чтоб никто ничего не понял. Оставайся таким, каким был... Придурком оставайся! А все остальное придумается. Я еще приду к тебе.

И налегла на дверь.

Михелина сидела за столом в кабинете Гончарова, пила чай, вела с начальником поселения неторопливую, с элементами кокетства беседу. Никита Глебович курил тонкую ароматную папироску, шурился от дыма, внимательно, с интересом изучал симпатичную каторжанку.

– Я – коренной петербуржец, – произнес он мягким баритоном. – И, по моим сведениям, вы также проживали в столице.

– Да, это так, – кивнула Михелина.

– Ваша сестра, Табба Блювштейн, в свое время являлась primой оперетты и была широко известна как Табба Бессмертная. Я не ошибаюсь?

– Не ошибаетесь.

– Я был однажды с маменькой на «Летучей мыши», и до сих пор у меня в памяти ваша блистательная сестра.

– Благодарю, – склонила голову Михелина.

Поручик развернул конфету, но есть не стал, отложил в сторонку.

– Как давно вы не видели ее?

– Я на каторге уже почти пять лет. Можно посчитать, сколько лет я не виделась с сестрой.

– Простите, не подумал. – Начальник грациозно поднялся, достал из буфета бутылку вина, поставил на стол. – Вино давно употребляли?

Девушка рассмеялась.

– Пять лет назад.

– Не желаете?

– До барака не дойду.

– Вас проводят. – Гончаров улыбнулся, показав крепкие белые зубы. Налил в два фужера, один из них пододвинул к девушке. – Пригубите, французское.

– Будете раскалывать? – усмехнулась Михелина.

– Отнюдь, – пожал плечами Никита Глебович, отпил половину своего фужера. – Раскалывать вас не на чем, о каждом вашем шаге мне докладывают немедленно. – Он снова сделал глоток. – Мне доставляет удовольствие беседовать с вами, будто за окнами нет этой дикой зимы, унылого поселка, изможденных серых лиц... Вино, необязательная беседа, красивая девушка.

– В одежде каторжанки.

– Не поверите, она вас красит. Появись вы в обществе в таком наряде, вы бы немедленно стали законодательницей моды.

– Вы мне льстите, – смущенно улыбнулась Михелина.

– Ни в коем разе. Вы действительно красивы и сами это прекрасно понимаете.

– Тем не менее больше не пейте. Иначе вы скажете еще что-нибудь, и я окончательно зазнаюсь.

– Не зазнаетесь. Я не допущу этого. – Гончаров через стол дотянулся до руки девушки, поцеловал ее. – Я готов произносить вам комплименты регулярно.

Каторжанка поднялась.

– Думаю, мне пора идти.

– Я вас напугал? – поднял брови поручик.

– Нет. Просто, думаю, мама уже вернулась.

От задетого самолюбия Никита Глебович слегка покраснел, мягким, но не допускающим иного толкования тоном произнес:

– Я, милая барышня, здесь хозяин. И ваша мать будет ждать вас столько, сколько мне захочется.

Михелина вновь опустила на стул, заметила:

– Речь не мужчины, но начальника.

Гончаров, проглотив насмешку, примирительно сказал:

– Не обижайтесь. Мне свойственно мгновенно впадать в необъяснимый гнев. И я сам от этого страдаю. Имейте это в виду.

– Постараюсь.

– И еще имейте в виду. Пару дней назад я имел разговор с господином, которого давеча убил здешний сумасшедший. Кстати, ваш отец. И сей господин предсказал мне, что от одиночества, тоски, бессмысленности здешней моей жизни я начну звереть. Так вот, мадемуазель, просьба. Не дайте мне скатиться до такого состояния. Если иногда мне понадобится ваше присутствие, отнеситесь к этому с пониманием. И с терпением.

Поручик поднял на каторжанку наполненные неожиданной влагой глаза, ждал ответа.

– Как прикажете, – тихо произнесла наконец та.

– Приказываю. А теперь ступайте.

Михелина поднялась, двинулась к порогу.

– Минуточку! – остановил ее Гончаров. – Скоро Новый год. Надеюсь, мы встретим его вместе.

– Ваша надежда тоже звучит как приказ, – улыбнулась она и толкнула дверь.

Никита Глебович провожать гостью не стал, налил полный фужер вина и с удовольствием выпил его до дна.

Табба украшала елочку в своей комнате – развешивала игрушки, завитые ленточки, сладости, одновременно прислушиваясь к голосам, звукам рояля, смеху, которые доносились из большой залы.

Княжна принимала гостей по случаю приближающегося Нового года.

Бывшая прима сделала маленький глоток вина из фужера, попросила Катеньку, поднесшую очередную коробку с игрушками:

– Проследи, когда гости станут уходить, и доложи мне.

– А вы не желаете выйти к ним?

– Нет, мне здесь лучше. Главное, не пропусти князя Андрея.

– Я поняла.

Прислуга ушла. Табба направилась к буфету, достала бутылку хорошего крымского вина, налила половину фужера и, глядя из окна на широкую мрачную Неву, стала не спеша пить.

Вернулась к елке, снова принялась наряжать ее.

Услышала торопливые шаги, оглянулась на дверь.

– Гости уходят, – запыхавшись, сообщила прислуга. – Княжна провожает их.

- А князь Андрей?
- Ждет, когда княжна вернется.
- Оставайся здесь.

Бессмертная осторожно подошла к двери, через дверную щель стала наблюдать за залой.

Она увидела князя, прихрамывающего по паркету, обратила внимание на дворецкого, почтенно застывшего в стороне. Затем в залу вбежала Анастасия, с ходу обняла кузена, расцеловала его в обе щеки. Сообщила ему на ушко что-то смешное, оба рассмеялись. Андрей взял трость и в сопровождении дворецкого направился к выходу.

Бывшая прима спешно миновала анфиладу комнат, стараясь таким образом опередить князя, и как бы случайно вышла навстречу ему на парадной лестнице. Смущенно улыбнулась, протянула руку:

- Здравствуйте, князь.

Тот с отрешенным удивлением взглянул на нее, взял руку, поднес к губам.

- Здравствуйте, мадемуазель. Почему я не видел вас среди гостей?

- Вам меня не хватало?

- Вас не хватало всем.

– Грубая лесть, князь. Мне было бы намного приятней, если бы мое отсутствие заметили только вы.

- Я его как раз и заметил.

Князь, деликатно поддерживаемый дворецким, стал спускаться по ступеням. Табба двинулась следом.

- Вы чем-то расстроены? – спросила она.

- Да нет. Дела, – ответил князь, стараясь не оступиться.

Девушка взяла его под руку, отстранив дворецкого.

- Ступай к себе.

Тот нехотя исполнил приказ, князь же вопросительно повернул голову в ее сторону:

- Вы желаете что-нибудь сообщить мне?

- Последнее время вы стали избегать меня.

- С чего вы взяли?

- Мне так показалось. Я что-то не так делаю?

– Господь с вами, – пожал плечами Андрей. – Видимо, я настолько поглощен своими проблемами, что не всегда адекватно воспринимаю окружающее. Но я по-прежнему отношусь к вам с уважением и нежностью.

- Я этого не заметила.

- Что я должен сделать, чтобы вы заметили?

- Хотя бы помнить, что я живу в этом доме и почти что член семьи княжны Анастасии.

- Обещаю, что при следующем визите непременно буду интересоваться вами.

- Благодарю, князь.

Андрей двинулся было дальше, но остановился.

– Последний раз я получал весть от Михелины полгода тому. Вам ничего более неизвестно о ней?

Табба пожала плечами, холодно ответила:

- Нет, только то, что известно вам. До свидания, князь, – и зашагала наверх.

Анастасия ждала ее. В ней трудно было узнать ту девочку-подростка, которая более пяти лет тому приютила у себя Соньку и ее дочерей. Сейчас это была вполне зрелая девушка шестнадцати лет, красивая, холодная, высокомерная.

Княжна шагнула навстречу бывшей прима и, по обычной своей манере слегка вскинув подбородок, поинтересовалась:

- Почему я не видела вас среди гостей?
- Не хотела смущать вас, княжна. Вдруг скажу не то. Или выпью лишку.
- Но, по-моему, вы уже выпили?
- Всего лишь бокал вина, княжна. Наряжала елку и выпила.
- О чем вы беседовали с моим кузеном, мадемуазель?

Табба с некоторым удивлением ответила:

- Так, ни о чем. Мне показалось, он чем-то слишком озабочен.

Анастасия помолчала, неожиданно спросила:

- Вам князь нравится?
- С чего вы взяли, княжна?

– Мне так показалось. Я не впервые вижу, как вы смущаетесь при его виде и ищете любую возможность завести с ним беседу.

Табба вспыхнула, но сдержала себя, с милой улыбкой ответила:

- Думаю, вам показалось.

– Возможно, – Анастасия смотрела на бывшую актрису с легкой усмешкой. – Но не забывайте, что он до сих пор влюблен в вашу сестру и надеется на ее возвращение.

– Я в чем-то повела себя недостойно? – как можно спокойнее поинтересовалась бывшая прима.

– Пока все достойно и прилично. Кроме привычки к вину. Важно не переступить черту дозволенного. Помните это, госпожа Бессмертная.

– Я все помню, княжна, – актриса сделала неожиданный для такого разговора книксен. – Помню также и то, что являюсь приживалкой в вашем доме. И если ваше терпение исчерпано, я готова в любой момент собрать вещи и сменить жилье.

Анастасия помолчала, смущенная подобным поворотом разговора, но овладела собой и с интонацией покойного отца князя Брянского произнесла:

- Да, меня смущают некоторые детали вашей жизни.

- Например? – актриса насмешливо смотрела на девушку.

– Например, вас часто не бывает дома, и мне непонятен круг ваших знакомых. Я ничего о них не знаю.

- У меня нет ни друзей, ни знакомых.

– В таком случае как объяснить регулярные ваши отлучки?.. Вас не бывает в доме по несколько часов.

- Вы за мной следите?

– Я похожа на особу, способную за кем-то следить? – изумилась Анастасия. – Я беспокоюсь о вас! Но мне безразлична репутация моего дома, в котором после истории с вашей маменькой почти не бывают люди света, опасаясь замараться. Помните и об этом!

– Благодарю за столь внимательное отношение к моей скромной персоне и моей матери. Но если я иногда отлучаюсь из вашего дома, то исключительно по причине своего нездоровья и предельного одиночества. К сожалению, моя жизнь сложилась далеко не лучшим образом, и обременять кого-либо, в частности вас, мне представляется неправильным. Со своими проблемами я разберусь сама. – Актриса развернулась и быстро пошла прочь.

Княжна некоторое время смотрела ей вслед, затем быстро догнала.

- Я не хотела обидеть вас. Простите.

– Вы тоже простите меня, – улыбнулась Табба. – Видимо, я дала повод для вашего беспокойства.

Из глубины гостиного зала донеслись отчетливые шаги – в сопровождении дворецкого к княжне направлялась преподавательница музыки мадам Гуральник, старая дева с признаками нервного деспотизма.

– Княжна! – прокричала уже издалека мадам Гуральник. – Когда я прихожу в ваш дом, вы должны уже сидеть за инструментом и разминать пальчики! И не ждать, когда я начну нервничать, отрывая вас от очередной пустой светской беседы.

– Идите, княжна, – сказала с усмешкой Табба. – Инквизитор явился по вашей душе.

– Я когда-нибудь ее убью, – закатив глаза, прошептала Анастасия и крикнула преподавательнице: – Иду, госпожа Гуральник! И не надо мной командовать, будто не я плачу вам деньги, а вы мне!

– Деньги здесь ни при чем! – возмутилась та. – Я желаю, чтобы из вас вышел хотя бы какой-нибудь толк!

Гуральник окинула высокомерным взглядом бывшую приму, уселась к инструменту и стала нервно листать ноты.

Табба встретила с Беловольским в небольшом ресторанчике на Шпалерной. Посетителей здесь было вполне достаточно, лупил по клавишам тапер, дым стоял густой и смрадный.

Бывшая прима скрывала свой шрам наброшенной на лицо черной кисеей, мужчина же был чисто выбрит, и узнать в нем банковского налетчика было почти невозможно. Они сидели в дальнем углу ресторана, пили итальянское вино, которое здесь подавали, разговаривали непринужденно, как давние знакомые.

– Как проходят ваши уроки по обучению танго? – поинтересовался собеседник.

Табба удивленно вскинула брови.

– Вам известно, что я посещаю танцевальный кружок?

– Нам известно все, что касается наших товарищей.

– Не думала, что нахожусь под таким колпаком.

– Это не колпак, мадемуазель. Это всего лишь забота о вашей безопасности. – Беловольский загасил окурочек в пепельнице, улыбнулся. – Кстати, приятная новость. Товарищ Губский уже на свободе.

– Он в Петербурге? – искренне обрадовалась Табба.

– Да, мы сняли для него конспиративное жилье.

– Как это ему удалось? Он ведь был осужден на пожизненную.

– Помогли товарищи по партии. – Беловольский достал новую папиросу, бросил цепкий взгляд на зал. – Кстати, он интересовался вами. И – особая благодарность за деньги.

– В том не только моя заслуга.

– Ефим Львович просил вас быть как можно осторожнее. По его мнению, мы слишком рискуем вами.

– Как и всеми.

– Но вы для нас бесценны. И прав Ефим Львович: три налета подряд – это чрезмерно. Надо сделать небольшую паузу.

– А вы разве не рискуете?

– Это профессиональный риск. Я – революционер.

– А я кто, по-вашему?

– Вы? Молодая красивая женщина, сочувствующая нашей борьбе!

Актриса некоторое время напряженно смотрела на своего визави, отчего шрам обозначился еще четче и даже побагровел. Подняла три пальца, стала загибать их.

– Три причины! Запомните их, Беловольский! Первая – я мщу. Мщу власти за гибель любимого мужчины. За Марка Рокотова. Вторая – я патриотка. Я люблю свое Отечество. Театра нет, любви нет, привязанностей нет! Остается только одно – сделать хотя бы что-нибудь для гибнущей страны. И третья... Если я перестану рисковать, подвергать опасности свою жизнь, я подохну. Через месяц, два, год, но подохну. А я хочу еще пожить, господин

Беловольский. И хочу сыграть эту свою последнюю роль до конца! Без разницы, с каким исходом! Я актриса, для которой осталась только одна сцена – жизнь!

Мужчина взял побелевшую руку девушки, сжал ее.

– Простите, мы, кажется, привлекаем внимание.

Табба бросила слегка блуждающий взгляд на ближние столы, отмахнулась.

– Плевать. Тут все уже хмельные. – Перетянулась через стол, прошептала: – Я должна встретиться с товарищем Губским.

– Он также желает видеть вас. – Беловольский вновь оглядел зал, с усмешкой сообщил: – И тем не менее внимание к нам более чем пристальное. А это уже совсем ни к чему, – он закурил. – За моей спиной третий стол. Мужчина и женщина. Видите?

Табба перевела взгляд в указанном направлении, с улыбкой произнесла:

– Может, вам показалось?

– Возможно. Но под ложечкой екает – а это уже дурной признак.

– Что будем делать?

– Главное, без суеты, – Беловольский взял бокал, чокнулся с девушкой. – Болтаем, улыбаемся, кокетничаем, не смотрим в их сторону.

– Хотите, я стану объясняться вам в любви? – вдруг предложила актриса.

– В каком смысле? – удивился тот.

– В прямом, – Табба дотянулась до его фужера.

– Разве такими вещами шутят? – не понял Беловольский.

– Как к товарищу по партии!

– Нет, вы, наверно, все-таки шутите!

Табба громко рассмеялась, взяла его руку, нагнулась поближе.

– Видите, как все натурально получилось. Объяснение в любви, и никто ни о чем не догадывается!

Теперь уже смеялся и Беловольский.

– Но вы вначале меня смутили, – он подмигнул партнерше. – Сейчас мы разыграем небольшой спектакль и посмотрим, как будет вести себя любопытная для нас парочка.

– Что я должна делать?

– Вы идете в дамскую комнату. Там есть два выхода – ею пользуется также и кухонный персонал.

– А если эта дама направится следом?

– Закройтесь на крючок.

– Вы и это предусмотрели?

– Перед нашей встречей я обследовал помещение, – улыбнулся мужчина и кивнул: – Сступайте.

Актриса поднялась, с улыбочкой сделала ручкой Беловольскому и, слегка покачиваясь, двинулась в сторону туалетных комнат.

Пара за столом напряглась. Мужчина что-то сказал спутнице, та проследила за Таббой, но осталась сидеть.

Бессмертная тем временем заперлась изнутри на крючок, увидела вторую дверь, толкнула ее и оказалась в кухонном помещении среди поваров, официантов, прочей obsługi.

Толкаясь и извиняясь, стала искать выход на улицу...

Беловольский допил вино, посмотрел в сторону туалетных комнат. Дверь была закрыта. Табба не появлялась.

Дама за спиной Беловольского оставила напарника, стала пробираться между столиками в сторону дамской комнаты. Подергала дверь, она была заперта.

Напарник почувствовал неладное, бросил взгляд на Беловольского. Тот продолжал оставаться за столиком – спокойно курил, пил вино, разглядывал публику.

К даме торопливо подошел метрдотель, она что-то объяснила ему, и тот деликатно постучал в дверь. К ним тотчас присоединился официант.

Посетители ресторана уже успели обратить внимание на возню возле дамской комнаты, пересмеивались, шутили.

Неожиданно официант решительно отошел на несколько шагов от двери, разбежался и изо всей силы саданул ее плечом.

Дверь с треском распахнулась, из комнаты с воплями выскочила повариха, не до конца успевшая привести себя в надлежащий порядок.

Зал хохотал.

Повариха бранилась, смущенный официант что-то ей объяснял, администратор пытался затолкать опозорившуюся работницу на кухню.

Филер поднялся, поспешил к сообщнице, стараясь замять скандал, и на время выпустил из внимания Беловольского.

Тот оставил на столе рублевую купюру и покинул помещение.

Мирон Яковлевич мрачно выслушал сообщение агентов, пожевал щепотку ароматического табака, ткнул пальцем в мужчину:

– Тебе, Малыгин, за ротозейство и исключительный идиотизм – двое суток уборки отхожих помещений отделения.

– Но ведь, Мирон Яковлевич...

– Нокать будешь кобыле. Или жеребцу. На твое усмотрение. – Миронов перевел взгляд на даму: – Как кличут, красавица?

– Варвара Антошкина.

– Тебя, Антошкина, на первый раз прощаю. Как женщину. Но наказываю как агента вычетом из жалованья пятидесяти шести копеек, потраченных в ресторации.

– Поняла, Мирон Яковлевич, – смиренно ответила та.

– Понятливый человек должен молчать. – Миронов опустил грузное тело в кресло, шумно выдохнул. – Теперь по существу. С какой дурной головы ты, Малыгин, взял, что за этой парой был нужен пригляд?

– Тот ресторан, Мирон Яковлевич, наша главная точка. Мы там вроде как свои. Там толкается много разного народу, и искать фарт в этом мареве лучше всего.

– Почему именно этих?

– Нюх, Мирон Яковлевич.

– А еще дама не снимала с лица кисею. Так весь вечер и просидела под ней, – подсказала Антошкина.

– Совершенно точно, – согласился Малыгин. – Все с открытыми мордами, а эта будто прячется.

– Дама, кроме кисеи, запомнилась еще чем-нибудь? – поинтересовался Миронов, сделал какую-то запись на бумажке.

– Нервная какая-то вся, – объяснила Антошкина. – Дерганая. Места себе не находила.

– А господин?

– Господин? – переспросил Малыгин. – Серьезный господин. Внешне никакой, а стержень внутри крепкий. Думаю, на любое дело пойдет не дрогнувши. А уж если убить, вообще не вопрос. Так мне показалось, Мирон Яковлевич.

Тот вынул из ящика стола три карандашных портрета – Таббы под кисеей, Беловольского и Китайца. Передал агентам.

– Приглядитесь. Вдруг чего-нибудь сходное и увидите.

Антошкина и Малыгин по очереди просмотрели портреты, вернули их начальнику.

– По годам и по манере дама вроде схожая. Только гарантированности никакой, – вздохнула Антошкина.

– Мужчина? – перевел Миронов сердитый взгляд на Малыгина.

– Похож, – кивнул тот. – Усы и бородку с портрета убрать – и определенно он.

– Косорылого не заметили рядом?

Антошкина взяла портрет Китайца, внимательно поизучала его, передала Малыгину.

– Кажись, не было... Но морду запомню обязательно.

– Да уж постарайтесь запомнить. – Мирон Яковлевич помолчал, слегка раскачиваясь в кресле, хлопнул ладонью по папке с бумагами. – Ступай, Малыгин, на отхожие помещения и поворачай там мозгами. А ты, Антошкина, потолкайся эти дни в ресторанчике, понаблюдай во все четыре глаза.

– Так у меня их всего два, Мирон Яковлевич, – засмеялась та с облегчением.

– Два за себя, два за этого умника.

– Так вряд ли они опять придут туда!

– Поглядим. Волка иногда тянет на помеченное место.

Когда филеры покинули кабинет, Миронов сунул бумаги в ящик стола, позвонил в колокольчик. Заглянувшему в двери дежурному прапорщику распорядился:

– Мадам ко мне!

Спустя несколько секунд в кабинет вошла с горделиво поднятой головой мадам Гуральник и без приглашения уселась на один из стульев.

Миронов присел рядом с ней.

– Какие у нас новости?

– Пока никаких. Княжна в канун Нового года принимала гостей, в числе которых был ее кузен князь Андрей.

– Госпожа Бессмертная?

– Тоже пока ничего особенного. По словам дворецкого, днем часто отлучается из дома, по ночам пьет вино и отчитывает прислугу.

Мирон Яковлевич вынул из ящика стола портрет Таббы, показал учительнице музыки:

– Вам сия дама никого не напоминает?

Гуральник на какой-то миг растерялась, затем с усмешкой повертела рисунок в руках, пожала плечиками.

– Возможно.

Миронов заметил заминку гостьи, поинтересовался:

– Вас что-то смутило?

– В какой-то степени.

– Что именно?... Вы в портрете кого-то узнали?

– С известной долей допуска. Но могу ошибаться.

– Кого? – Миронов не сводил с нее внимательного взгляда.

– Возможно, мадемуазель Бессмертную. Но, повторяю, весьма условно.

– Она часто пользуется кисеей?

– Я этого не замечала.

Мирон Яковлевич положил рисунок на стол.

– Нам, мадам, крайне важно установить личность этой особы. Поэтому повнимательней присмотритесь к госпоже артистке.

– Уж куда внимательнее! – обиделась Гуральник. – Я, Мирон Яковлевич, зря свой хлеб не кушаю. Я его отрабатываю!

– Простите, если я вас обидел.

– Прощаю, но впредь будьте осмотрительнее в словах! – Она поднялась и, не попрощавшись, покинула кабинет.

Сонька как раз обслуживала двух бородатых вольнопоселенцев, наливая квас в бутылки и тут же быстро суя под полы их засаленных тулупов поллитровки с самогоном, когда открылась дверь и вместе с облаком холодного пара в лавку просунулась синяя от холода физиономия Михеля.

– Закрой сейчас же дверь! – закричала на него воровка. – И не смей сюда соваться!

– Холодно, мама, – промычал тот, толкаясь на пороге.

– Сгинь, сказала!

– Чего ты его гонишь, Сонь? – вмешался один из вольнопоселенцев, засовывая самогон поглубже под тулуп. – Пусть отогреется. Человек как-никак.

– Убийец, а не человек! Пошел отсюда, сказала!

– Мама, холодно, – снова попросился Михель.

– Сонь... – подал голос второй поселенец. – Он же все время возле твоей лавки крутится. Будто привязанный.

Воровка, выпроводив мужиков, тут же втащила Михеля в лавку.

– Я сказала, не шастай попусту сюда! Сама приду, когда надо.

– Соскучился.

– Соскучился он... – проворчала Сонька, отряхнула снег с его лохмотьев. – Озяб небось?

Михель мотнул головой, прошепелявил:

– Озяб.

– А то не озябнешь. Одежка вон какая. Проходи к печке, – усадила его на лавку. – Может, прикуплю чего-нибудь потеплее?

– Не надо. Потерплю.

– А как заболеешь?

– Столько лет не болел, а уж теперь тем более продержусь, – улыбнулся беззубым ртом Михель.

Сонька налила из чайника в жестяную кружку горячего чая.

– Согрейся.

– Дочка у начальника?

– А то где ж?.. Она ведь у него теперь вроде горничной.

– Это нехорошо.

– Хорошего мало, – согласилась Сонька.

Михель отставил пустую кружку, тяжелым взглядом посмотрел на женщину.

– Пусть уйдет от него.

– Куда?.. Лес валить?

– Пусть даже лес... Перед людьми стыдно!

– Перед какими людьми?

– Перед всеми!.. Знаешь, чего в поселке говорят?

– Ну и чего говорят?

– Разное!.. Что наша дочка – подстилка!

Воровка поднялась, глаза ее горели гневом.

– Это кто говорит?.. Пьяницы, уроды, упыри, убийцы? Это они смеют называть мою дочку подстилкой? Мне плевать, что эти нелюди думают о ней! – Сонька неожиданно опустилась перед Михелем на корточки, горячо зашептала: – Он влюбился, понимаешь?.. По-настоящему влюбился. Этим надо воспользоваться! Мы сможем бежать отсюда!

– Он живет с ней?

Воровка сдула с лица волосы, присела рядом.

– Михелина говорит, пока нет.

– Может, не признаётся?

– А зачем врать?.. Она ведь еще девушка. Никогда не знала мужчин.

Михель помолчал, негромко и внятно произнес:

– Я убью его.

Воровка резко оттолкнула Михеля.

– Пошел к черту!.. Ступай в барак и не лезь не в свое дело!

Михель поднялся.

– Ты ей говорила обо мне?

– Зачем?

– Я ее отец.

– Говорила, – нехотя ответила воровка. – Но для нее ты по-прежнему двинутый.

Сонька откинула крючок и выпустила Михеля в сгущающийся морозный вечер.

Была ночь. Новогодняя елка стояла теперь почти посередине комнаты, игрушек на ней прибавилось, внизу разместился бородатый дед-мороз.

Никита Глебович сменил пластинку в граммофоне, с нежностью проследил за действиями Михелины. Она, одетая в изящное, едва ли не кокетливое платьице, перехваченное цветастым фартуком, легко носилась от плиты к столу, расставляла столовые приборы, накладывала еду, готовилась подать вино.

В комнате звучало модное ныне аргентинское танго.

Миха взяла бутылку, с трудом ввинтила в пробку штопор, принялась тащить, но ничего не получилось. Повернулась к Гончарову, виновато развела руками:

– Не хватает силенок.

– Давайте я.

Девушка подошла к нему, поручик легко и умело открыл бутылку, спросил:

– А где второй бокал?

– Вы же знаете, Никита Глебович, я не пью, – улыбнулась Михелина.

– Сегодня вы должны выпить!

– Сегодня особенная ночь?

– Разумеется – мы вместе встречаем Новый год. А кроме того... – Гончаров загадочно опустил глаза. – Попробуйте угадать, что еще могло произойти в новогоднюю ночь.

Девушка на секунду задумалась, вдруг всплеснула ладошками:

– Серьезно?

– Что?

– Вы родились тридцать первого декабря?

– Первого января!

Михелина взвизгнула, совершенно неожиданно обхватила его за шею, чмокнула в щеку. И тут же смутилась.

– Простите.

Поручик смотрел на нее, улыбался.

– А если я попрошу повторить?

– Мне неловко, Никита Глебович.

– Я прошу вас.

Девушка постояла в раздумье, бросила на него пару игривых взглядов, сделала шаг, второй и чмокнула новорожденного в щеку.

Он попытался удержать ее, она выскользнула, погрозила пальчиком:

– Никита Глебович, я пожалуйю маменьке.

– Серьезно? Вы доносчица?

– Я – маменькина дочка.

Гончаров прошел к буфету, взял второй бокал, налил в оба вина.

– И все-таки я прошу пригубить в честь моего дня рождения.

– Хорошо, – согласилась Михелина. – Всего лишь пригублю.

Она сделала, как обещала. Поручик же выпил бокал до дна. Жестом он предложил девушке сесть, сам также опустился на стул.

– Вы меня боитесь?

– Вас все боятся.

– Серьезно? – с наигранным удивлением вскинул брови Гончаров.

– А вы не догадываетесь?

– Предполагаю. Хотя к этому никак не стремлюсь. Скорее наоборот. А почему боятся?

– Традиция. Начальников здесь всегда боятся и...

– И что?

– И не любят, – неуверенно ответила девушка.

– То есть ненавидят?

– Наверно.

Никита Глебович налил себе вина, взял бокал.

– У меня просьба, Михелина. Вернее, две...

– Начните с первой, – каторжанка тоже улыбалась.

– Хорошо... В такую ночь полагается произносить тосты с предельно искренними и честными словами. И я бы желал их услышать.

– Но я вас совершенно не знаю.

– Ну, хотя бы первые и не самые глубокие впечатления... они бывают, как правило, самыми точными.

Михелина пожала плечами:

– Попытаюсь. – Помолчала, подняла глаза. – Только не обижаться. Вы добрый и порядочный господин...

– Я просил без вранья.

– Без вранья. – Девушка чуть заметно усмехнулась. – В то же время вы слабый и во многом не уверенный в себе человек. Ваша доброта и порядочность вам мешают. Вы часто поступаете сообразно чувствам, но не разуму. Это опасно... Вы желаете людям добра, но не знаете, как это сделать. Вы хотите быть лучше, чем есть на самом деле. Вы наивны и чисты, и мне вас жаль.

Пластинка кончилась, комната заполнилась шипением иголки по пустому краю пластинки.

– Всё? – спросил офицер.

– Нет, не всё... Но в силу воспитания и... и благодаря помощи вашей будущей избранницы вы найдете выход и у вас все будет хорошо! – легко и даже изящно завершила тост девушка.

Никита Глебович начинал хмелеть. Он смотрел на девушку тяжело, с усмешкой.

– Вы цыганка?

– Еврейка.

– Это одно и то же... А избранница – это кто? Вам известно ее имя?

– Это только Богу известно.

Поручик встал, сменил пластинку в граммофоне, налил вина, снова выпил.

– Не боитесь захмелеть, Никита Глебович?

– Я умею пить не хмелея. – Он взял кусочек вяленой рыбы, пожевал ее, отложил. – Вторая просьба. – Взгляд его стал внимательным, слегка насмешливым. – Я бы желал, чтобы мы перешли на «ты».

От такого предложения Михелина вскинула брови.

– Вы, наверное, шутите, Никита Глебович?

– В просьбах не бывает шуток, мадемуазель. Тем более в моих. В чем проблема, мадемуазель?

– Только в одном. Вы – начальник. Я – каторжанка. Дочка Соньки Золотой Ручки. Этого недостаточно?

– Мне плевать, кто вы и по какой причине здесь. Разве вы не понимаете, что нравитесь мне?

– Это, Никита Глебович, от скучной жизни и недостатка в женщинах.

– Нет! – поручик стукнул кулаком по столу. – Хотите правду?

– Не хочу, – Михелина поднялась. – Я пойду, Никита Глебович.

– Сядьте!

Она послушно опустилась на стул.

– Вы мне понравились, как только я увидел вас. Но отмахнулся. Как от наваждения отмахнулся... Шли дни, и я все время памятью возвращался к вам. Нет, не памятью. Сердцем! Я стал понимать, что не могу не видеть вас! Жду вас, желаю вас, нуждаюсь в вашей поддержке! Я весь в вашей власти!

– Я все-таки пойду.

– Сидеть! – Поручик вышел из-за стола, остановился напротив девушки. – Ответьте же мне взаимностью! Не бойтесь! Не избегайте меня! Я готов помочь вам во всем, помогите же мне! Вы слышите меня? – Он вдруг опустился на колени, принялся целовать подол платья, колени, руки, грудь, стал ловить своими губами губы девушки. – Милая, желанная, любимая, единственная...

Михелина с силой оттолкнула его, вскочила, бросилась к двери.

Гончаров, оставаясь на коленях, смотрел на нее.

– Я не готова еще к этому, Никита Глебович. Простите меня, – произнесла девушка и выбежала.

Луна висела над заснеженным и замороженным поселком – сине-белая и тоже застывшая. Михелина возвращалась в барак. Лаяли собаки, гремел где-то колокольчик надзирателя-обходчика, трещали от мороза деревья.

Уже на подходе девушка вдруг увидела одинокую мужскую фигуру, внимательно наблюдавшую за ней. Это был Михель.

– Чего стоишь? – крикнула ему Михелина. – Замерзнешь!.. Иди домой!

Он гортанно прокричал в ответ что-то, запрыгал, чтоб согреться, помахал озябшей рукой и побрел в противоположную сторону.

...В бараке было душно. Храпели и постанывали спящие женщины, играла пламенем лампадка под иконой Богородицы, трещали дрова в печке.

Возле печки сидели пятеро каторжанок, встречающие Новый год пустой горячей водой в алюминиевых кружках.

Сонька не спала, ждала дочку.

Михелина сбросила ноговицы, повесила бушлат на общую вешалку, заспешила к матери. Села рядом, прижалась. Потом вдруг стала плакать.

Сонька встревоженно заглянула ей в лицо:

– Ты чего?.. Что-нибудь случилось?

Она поцеловала ее в щеку.

– Ничего. С Новым годом, маменька.

– А почему слезы?

– Он любит меня, – всхлипывая, прошептала дочка. – Сам сказал... Сказал, что жить без меня не может.

– А еще что?
– Хотел поцеловать, но я убежала.
– Что еще? – Сонька заставила дочку смотреть ей в лицо. – Он что-то с тобой сделал?
– Нет, ничего. Просто говорил и просил... – Михелина снова стала плакать. – Мамочка, мне страшно... Я тоже, кажется, влюбилась в него. А я этого не хочу. Я боюсь, мама...
Дочка уткнулась в грудь матери, опять стала плакать, вздрагивать. Сонька гладила ее по спине, успокаивала, затем с усмешкой произнесла:
– Все что Бог ни делает – к лучшему.
На соседних нарах приподнялась сонная соседка.
– Чего ты сказала, Сонь?
– Не тебе, спи, – ответила та и улыбнулась дочери. – Давай спать, скоро побудка.

На поиски Гришина Егора Никитича был направлен следователь по особым поручениям Потапов. Человек обстоятельный, неторопливый, он, по мнению начальства, проще всего мог войти в контакт с затворником, о котором после изгнания из департамента не было ничего слышно.

Жил Егор Никитич в доходном доме на Пятой линии Васильевского острова. Потапов велел извозчику остановиться возле семнадцатого номера, расплатился и направился под арку громоздкого шестиэтажного дома.

Подниматься пришлось по узкой и плохо освещенной лестнице на третий этаж. Возле высокой коричневой двери следователь на секунду задержался, нажал на кнопку звонка.

Какое-то время стояла тишина, затем в коридоре послышались глухие шаги и женский голос недовольно спросил:

– Кто?
– Мне бы Егора Никитича, – ответил Потапов.
– Кто спрашивает?
– Товарищ по службе.
– Нет у него товарищей. И службы нет, – ответил все тот же голос, и шаги стали удаляться.

Потапов снова нажал на звонок.

На сей раз дверь открылась, и на пороге возникла высокая худая дама за пятьдесят. Внимательно посмотрела на визитера, чем-то он, видимо, ей понравился, она неожиданно пригласила:

– Войдите.

Следователь вошел, пошаркав ногами о половики, двинулся следом за женщиной в глубину квартиры.

Квартира была просторная и неуютная – потолки высоченные, стены голые, мебели почти никакой.

Вошли на кухню, хозяйка кивнула на один из табуретов, сама села напротив.

– Говорите.

– Я из следственного управления, – произнес Потапов, кладя шляпу на стол. – Мы когда-то с Егором Никитичем служили вместе.

– И чего хотите?

– Поговорить с ним.

Дама помолчала, затем тяжело вздохнула и попросила:

– Оставьте его, господин. Дома его нет, а сказать ничего путного я вам не смогу.

– А где он?

– Сказала же нет! А даже если бы и был, я бы не позвала. Праздные разговоры ему сейчас только во вред.

Потапов полез в нагрудный карман, вынул плотный пакет, положил перед хозяйкой.

– Денежное вспомоществование. Из департамента. Его там по-прежнему ценят и уважают.

Женщина взяла конверт, пересчитала находящиеся в нем деньги, посмотрела на визитера глубокими уставшими глазами.

– Очень даже кстати. Егор Никитич ведь совсем обезденежен.

Неожиданно в кухню вошли два паренька и девица. Паренькам было лет по десять-двенадцать, девице на вид – пятнадцать.

– Дети Егора Никитича, – тихо произнесла дама.

Мальчики никак не отреагировали на ее слова, девица же сделала неудобный к моменту книксен.

Следователь привстал, назвался.

– А папенька еще спят, – вдруг сообщила девочка. – Наверно, надобно будить.

– Тебя за язык дернули? – возмутилась женщина. – Ступайте к себе и не высовывайтесь, пока не позовут!

– Но ведь папенька просили разбудить их не позднее обеда, – возразила дочка.

– Не твоего ума дело!.. Марш отсель!

Когда дети послушно гуськом покинули комнату, дама недовольно произнесла:

– Не дети, а чистое наказание.

– Может, разбудите? – неуверенно попросил Потапов.

Дама вздохнула, еще раз заглянула в конверт с деньгами, сунула его под кофту и вышла из кухни.

Следователь встал, прошелся из угла в угол комнаты, и в этот момент сюда снова вошла девочка.

– Меня зовут Дарья, – представилась. – А вас?

– Георгий Петрович.

– Вы, Георгий Петрович, папеньке денег не давайте, ежели принесли. Он всегда был выпивающим, а последнее время и вовсе стал больным.

Заслышав шаги, девочка мигом направилась к двери, едва не сбив заглядывающих сюда братьев.

На кухню вошла сначала хозяйка, затем нехотя, с хмурым видом там появился и сам Гришин.

Выглядел он крайне плохо – похудевший, сутулый, регулярно откашливающийся.

Остановился на пороге, с явным неудовольствием посмотрел на гостя, махнул жене:

– Ступай к себе.

– Господин ненадолго, – возразила та. – Ему на службу надобно.

– Я не тороплюсь. – Потапов подошел к бывшему следователю, протянул руку: – Здравствуй, Егор Никитич.

Гришин с некоторым замедлением протянул все-таки ладонь в ответ.

– Слушаю, Георгий Петрович. С чем явился?

– Просто повидаться, – пожал тот плечами. – Вон сколько лет не виделись.

– Вранье. Из департамента полиции люди просто так не приходят. Непременно с пако-стью. Или чего-то приперло. Зачем понадобился?

– Есть разговор, Егор Никитич.

– Ты видишь, в каком я состоянии?

– Вижу.

– И какой разговор может быть?

– Значит, в другой раз.

Потапов хотел было выйти, но Гришин придержал его:

– Погоди. – Внимательно посмотрел ему в лицо. – При деньгах?
– Есть маленько.
– Пойдем в кабак, там расскажешь.
– Так ведь выпьешь, и никакой разговор не получится.
– Получится!.. У меня мозги светлеют, когда опохмелюсь. – Гришина слегка повело, он схватился за стол, крикнул: – Дашка, собирайся, пойдешь с нами!

Кабак был полуподвальный, затхлый, с несколькими шумными клиентами, судя по всему завсегдатаями. Те уже были в подпитии, и не исключалась традиционная свара.

Гришин с видом завсегдатая выбрал удобный по расположению стол, рухнул на табуретку, кивнул дочке на соседний:

– Сиди там и не мешай.

Даша послушно уселась, принялась отрешенно водить глазами по засаленным деревянным стенам кабака.

Егор Никитич жестом позвал пологого, тот подрулил к столу, вежливо изогнулся:

– Слушаюсь.

– Бутылку хреновухи, студень с горчишкой и хлебушка, – распорядился Егор Никитич половому, кивнул на дочку: – А мамзельке стакан узвору. Можно с пирожным.

– Будет сделано, господин.

Половой удалился. Гришин тяжело и надсадно закашлялся вновь, объяснил:

– Как застудился в зиму, с тех пор и мучает мокрота. – Закурил, с прищуром через табачный дым посмотрел на визитера. – Излагай, Георгий Петрович.

Потапов чуть поелозил на стуле, в упор посмотрел на бывшего следователя.

– Начальство, Егор Никитич, проявило к тебе неожиданный интерес. Едва ли не в спешном порядке.

– И кто ж начальство в жареное место клюнул?

– Нашелся один петушок.

– Неужто так серьезно клюнул?

– Суди сам, ежели на тебя, опального, розыск организовали. В департаменте ведь после самострела на тебе сразу крест поставили. А тут, гляди, понадобился.

– Все это не столько забавно, сколько глупо, – усмехнулся Гришин, взял принесенный половым графин, разлил по рюкам. – Давай, Георгий Петрович, за встречу. Непонятную, хотя и с элементами интриги.

Чокнулись, выпили. Гришин, шумно сопя носом, намазал горчицу на кусок хлеба, стал закусывать, от удовольствия мотая головой и вытирая слезы. Налил по второй.

– Папенька, – подала голос Даша, аккуратно отщипывая ложечкой пирожное, – я все вижу, все замечаю. Не увлекайтесь, иначе до дома не дойдем.

– Не дойдем, так донесут, – отмахнулся тот и снова поднял рюмку. – Знаешь, за что, Георгий Петрович, давай выпьем?.. Никому не говорил, а тебе решусь.

– Неужели доверишь?

– Не доверяю. Но больше не могу молчать. Важно хоть кому-то выразиться. Семь лет молчал, некому было сказать. Жена испугается, дети не поймут. А тут ты нарисовался – господин не до конца глупый и не до конца подлый.

– Благодарю за оценку, Егор Никитич.

– Не перебивай... Давай за тоску мою выпьем. Ежечасную. Все эти годы. Ежечасную и постыдную. Когда мордой в подушку, сопли в кулак. Воешь в перо... Чтoб никто не видел и не слышал. Потому что недостойно жил и так же недостойно пытался уйти из этой поганой жизни. Но даже и этого не смог сделать по-людски. Недострелился!.. Понимаешь, какой это стыд? Стыд, растерянность, никчемность. Давай за это.

– Давай.

Выпили.

– Небось сильно шибко пьянствовал все эти годы, Егор Никитич? – спросил Потапов с понимающим смешком.

– А тебе зачем знать? – вскинулся тот.

– Ну как же? Не виделись столько! Какими интересами жил?

Егор Никитич некоторое время смотрел на него. Затем с плохо скрываемым раздражением заметил:

– Ты или глупец, или выпил еще недостаточно. Мы за что только что пили?

– За тоску.

– Ну?

– Но имею я право узнать хотя бы некоторые детали твоей угарной жизни?

– Ты явился вести дознание или просто посидеть по-человечески?

– Конечно по-человечески.

– Вот и сиди.

Потапов взял графинчик, налил Гришину, себе.

– Также хочу произнести тост, – он подцепил студня на вилку, поднял рюмочку. – Судьба редко слепнет так, чтоб на оба глаза. Рано или поздно один глаз да и приоткроется. Вот он и приоткрылся. Ты, Егор Никитич, получаешь шанс, чтобы догнать то, что от тебя убежало. Лишь бы у тебя хватило силы, желания и злости.

– Злости?

– Именно злости. Вцепиться и больше не отпустить.

– Злости у меня теперь хватит. Накопил ее за эти годы.

Снова выпили. Гришин долгое время никак не мог отдышаться, тяжело закашлялся.

Даша поднялась, взяла бутылку, отнесла ее на соседний стол.

– Поставь на место! – потребовал отец.

– Будете пить – уйду.

– Еще одну, и амба. Обещаю.

Девочка вернула бутылку, села рядом на свободный стул и, похоже, отсаживаться не собиралась.

– Так о чем дело? – спросил Егор Никитич гостя.

– О налетах на банки.

– Грабят их, что ли?

– По-черному. С пугающей регулярностью.

– И правильно поступают. А чего их не грабить, ежели деньги они делают с воздуха? – Гришин начинал хмелеть. – Я бы вообще спалил все банки до единого.

– Я бы тоже, – неожиданно тихо произнесла девочка.

Потапов от удивления даже икнул, а девочка разъяснила:

– Они описали всё у нас, и мы стали вовсе нищими.

Гришин обнял голову дочки, прижал к себе.

Худенькое тельце ее вдруг стало мелко вздрагивать – она плакала. Гришин также вытер выступившие слезы, высморкался в большой и не очень свежий носовой платок.

– Вот только ради них. Ради сердечных и единственных готов вернуться в вашу мыловарню, – налил снова в рюмки, поднял свою. – Давай-ка за мою сердечную Дашеньку. Это ведь не ребенок – ангел, спустившийся с небес.

Выпили, закусили студнем и горчицей. Гришин поинтересовался:

– Супруге деньги давали?

– Да, вполне приличную сумму. От департамента в качестве вспомоществования...

– Напрасно. Она женщина замечательная, но крайне скаредна и скрытна.

Потапов достал из портмоне пару купюр по десять рублей, положил на стол.

– Могу предложить от себя лично. До первого вашего вознаграждения на службе.

– Благодарю, – Гришин сунул деньги в карман. – Непременно с отдачей. Честь имею!

Визитер остался сидеть в кабаке, чтобы рассчитаться за стол, и видел, как Егор Никитич направился к выходу, петляя между столами. Его надежно и осторожно поддерживала под руку тощая и верная Дашенька.

Изюмов при виде входящего в вестибюль театра господина Икрамова едва не лишился речи. Несмотря на то что полковник был в гражданской одежде – длинном изящном пальто, не узнать его было невозможно. Сопровождал его кавказец-телохранитель, высокий, статный, по-восточному надменный.

Бывший артист, ныне выполняющий функции швейцара, сделал пару шагов навстречу визитеру, галантно поклонился и почему-то по-военному поприветствовал:

– Здравия желаю, господин полковник. По какой надобности изволите?

Тот несколько удивленно взглянул на него, не сразу признал.

– Здравия желаю... Господин артист?

– Бывший. Судьба артиста подобна фейерверку – сначала пламя, потом пепел... К Гавриле Емельянычу?

– Да, он ждет меня.

– Сейчас доложу.

Изюмов заспешил наверх, полковник понаблюдал за беседующими на верхней лестнице артистами, послушал доносящиеся со сцены распевки, принялся бессмысленно изучать выставленную здесь афишу. Телохранитель почтительно стоял чуть поодаль, внимательно и ненавязчиво следил за хозяином.

Директор театра вышел навстречу гостю с традиционно протянутыми руками.

– Господи, князь... Ваше высочордие! Как я рад. Нет, не рад, счастлив. Столь высокий и желанный гость впервые в этом скромном кабинете, – забежал следом, помог усесться в кресло, бросил беглый взгляд на торчавшего в дверях Изюмова. – У вас, сударь, вопросы?

– Нет, всего лишь удовольствие, Гаврила Емельяныч.

– Вот и получайте свое удовольствие на полагающемся вам месте!

– Прошу прощения, – поклонился тот и исчез.

– Располагайтесь, осматривайтесь, обвыкайтесь, – продолжал суетиться вокруг гостя директор. – Чай, кофий, чего-нибудь покрепче?

– Вы ухаживаете за мной, как за женщиной, – засмеялся полковник.

– Не-ет, уважаемый господин полковник! За женщиной ухаживают по-другому. Внешне расслабленно, внутренне крайне собранно! С оглядкой! Потому как женщина – создание хищное и способна в любой момент отхватить не только любую понравившуюся ей филейную часть, но и проглотить тебя целиком! За вами же ухаживаю с особым почтением, ибо восхищен вашим геройством и удивлен вашим загадочным визитом.

– Никакой загадочности. Изложу все просто и понятно, – засмеялся Икрамов.

– Буду весь во внимании и готовности. – Филимонов взял из буфета бутылку коньяку, два фужера, поставил все это на стол. – Не возражаете?

– Вообще-то я уже два года почти не пью.

– А кто из нас пьет? Пьющие либо лечатся, либо калечатся! Мы же только пригубим! – Директор разлил янтарную ароматную жидкость по фужерам, чокнулся с гостем. – Ваше здоровье, князь.

– Взаимно.

Пригубили. Гаврила Емельянович зажевал лимончиком, уселся напротив гостя.

– Вы теперь передвигаетесь по городу исключительно с охраной? – поинтересовался.

– Это не охрана. Скорее друг. Он плохо говорит по-русски, но верен и чист, как все люди, не тронутые цивилизацией.

– Абориген, так сказать?

– В его глазах аборигены скорее мы.

Директор громко расхохотался, удовлетворенно хлопнул в ладоши.

– Весьма остроумно, князь... Итак, я весь во внимании.

– Вы набрали такой темп, что я как-то даже не сразу готов.

– Никакого темпа! Просто наслышан о вашей пунктуальности и не желаю зря тратить ваше драгоценное время. К примеру, в этом вертепе время вообще никто не ценит!

– Вы не любите свой театр? – удивился Икрамов.

– Обожаю! Жить без него не могу! Но публика здесь работающая иного слова, кроме как содомской, не заслуживает! Артисты – не просто дети. Дети – понятие святое. Но мои дети, дети театра, – это сборище людоедов, удавов, ядовитых змей, садистов! Они способны, перед тем как самим окончательно сойти с ума, угробить по пути любое, даже самое ангельское, человеческое создание!

– Ангельское создание – это вы?

– Представьте!.. Хотя многие считают меня едва ли не чудовищем.

Полковник с улыбкой изучал Филимонова.

– Полагаю, вы сегодня пережили некий скандал.

– Вчера!.. Вчера молодая прима, которую я открыл, пестовал, воспитывал, любил... да, любил! Как отец, как единоутробный брат, как... Она вдруг вчера хлопнула дверью и укатила черт знает с кем черт знает куда. Нет, вы представляете эту смазливую и бездарную сволочь?

– Выход?

– Выход – либо повеситься, либо растить новую подобную дрянь! Боже, как я горюю... по сей день горюю о бывшей моей любимице мадемуазель Бессмертной! Хотя и она тоже была редкой дрянью! Тоже влюбилась в некоего прохвоста и в итоге погубила и себя, и едва ли не театр!.. Вы помните мою ярчайшую Таббу Бессмертную?

– Разумеется помню. Где она сейчас? Какова ее судьба?

– Бог ее знает. Одни рассказывают, будто осталась приживалкой в доме княжны Брянской. Другие – будто покинула столицу и проживает в провинции. Третьи же... третьи вообще несут полную чушь. Будто бы мадемуазель решила покончить с собой... Не знаю, не стану врать.

Икрамов, задумчиво поджав губы, постучал пальцами по столу, поинтересовался:

– А господин... который при входе в театр... Он ведь в прошлом артист?

– Артистишко. Бездарный, никчемный... Это ведь именно он пытался застрелить мадемуазель, за что был осужден на пять лет каторжных работ.

– Он желал застрелить госпожу Бессмертную? – изумился полковник. – По какой причине?

– По причине безответной любви. Среди артистов такое, к несчастью, случается, – развел руками директор.

– И вы взяли его снова в театр?

– Не в театр, а подле театра!.. Пусть гоняет чужих и пугает своих.

– Но ведь он преступник, – глаза полковника слегка налились кровью. – Разве можно ему доверять?

– Во-первых, преступник, отбывший наказание. Во-вторых, я ему ни в коем случае не доверяю. А в-третьих, холуй, до конца дней своих знающий свою вину, – лучший из холуев!

– А он может что-либо знать о госпоже Бессмертной?

– Пока ничего не знает. Но я могу его сориентировать. – Директор закурил ароматную сигару, прищурился от дыма. – Вы ведь пришли в театр именно по этому вопросу?

Гость кивнул.

– И желаете конфиденциальности?

– Мне безразлично.

– Неверно, господин полковник. Конфиденциальность здесь весьма важна. Не думаю, что вам следует в открытую марать свое честное и достойное имя. Вокруг госпожи Бессмертной уйма всевозможных домыслов, и в вашем положении их следовало бы избегать.

Икрамов поднялся.

– Хорошо, я последую вашему совету.

– Разумно. Я же, в свою очередь, обещаю сохранить наш разговор тет-а-тет в тайне и целенаправить господина бывшего артиста на обозначенное задание.

Икрамов откланялся и покинул кабинет.

Директор вернулся к столу, какое-то время осмысливал состоявшийся разговор, позволил в колокольчик.

– Изюмова ко мне! – велел заглянувшей секретарше.

...Бывший артист прикатил к воротам дома Брянских на пролетке, рассчитался с извозчиком, направился к калитке, чтобы позвонить.

На звонок вышел привратник Илья, поинтересовался:

– Чего изволите, господин?

– Позови кого-нибудь из господ, любезный.

– Кого именно желаете?

– Кто у вас тут важнее всех, того и зови.

– Важнее всех княжна Анастасия, но они к воротам не выходят.

– Значит, кликни кто не такой важный. Есть у вас такой?

– Дворецкий Филипп, но он гневаться будет, что оторвал от дел.

Изюмов раздраженно дернул железную калитку, потребовал:

– Впусти, я сам разберусь, с кем мне побеседовать! Зови дворецкого!

– Никак не смогу. Оставлю ворота – меня накажут.

Возле ворот остановилась еще одна пролетка, из нее вышла мадам Гуральник, направилась к калитке. Увидела незнакомого господина, с удивлением спросила:

– Вы, сударь, кого-то желаете видеть?

– Они желают видеть княжну, а мы их к посторонним господам не приглашаем, – объяснил привратник.

– Мне необходимо навести справки об одной госпоже, – сказал Изюмов, – а этот чурбан ничего не понимает.

– О какой госпоже? – вскинула бровки учительница.

– О госпоже Бессмертной. Мы когда-то служили в одном театре. Я – артист Изюмов. Бывший, правда-с. По слухам они проживают здесь.

– Я скажу дворецкому, – сказала мадам и заспешила к дому.

– Дурень ты, братец, – нервно бросил Изюмов Илье. – Знал бы, кому отказываешь в просьбе, всю подушку ночью сожрал бы. От стыда-с!

– Будете, барин, обижать, собак спущу, – пообещал тот. – Вот вам крест.

– Отойди, свинья!

Во дворе появился Филипп, не спеша и достойно направился к воротам.

– Вот господин желает без разрешения в дом войти, а я их не пушаю, – сообщил ему Илья.

– Ступай к себе в будку, – махнул ему дворецкий, самостоятельно отодвинул засов, позволил визитеру переступить порожек.

– Чего желаете, сударь? – поинтересовался.

– Вели сейчас же наказать этого хама, который увидел во мне злоумышленника и даже не отворил калитку! А потом пообещал спустить собак!

– Привратник прилежно несет свои обязанности, за что ему исправно платят жалованье, – объяснил Филипп и снова повторил вопрос: – Чего изволите, господин?

Исюмов не сразу нашелся, затем нервно объяснил:

– Мне важно разыскать некую госпожу Бессмертную... Бывшую артистку... Мадемуазель Таббу. Сказывают, она проживает в доме княжны Брянской.

– Сказывают? – с иронией удивился дворецкий. – Кто вам об этом «сказывал», господин?

– Людская молва! Публика!.. Поклонники! Она когда-то была знаменитой!

– Мне об этом неизвестно, господин, – склонил голову Филипп.

Во дворе показалась Катенька, увидела беседующих возле ворот, на короткое время задержалась и направилась дальше.

– Она была Примой! – объяснял Николай. – Весь Петербург сходил по ней с ума! Табба Бессмертная! Не слыхал, что ли?

– В театрах, сударь, не бываю по причине другой социальной принадлежности, – объяснил дворецкий и взялся за калитку, желая выпроводить визитера. – Мне непонятно, о ком вы интересуетесь, сударь, по этой причине ничем вам помочь не смогу!

Привратник помог Филиппу выставить упирающегося бывшего артиста за калитку, и дворецкий, не оглядываясь, зашагал к дому.

Николай постоял за воротами в раздумье. Когда Филипп исчез в дворницкой, достал из кармана бумажный рубль, снова подошел к калитке.

Поманил Илью, тот нехотя подошел.

– Чего еще?

Артист сунул ему деньги в сжатый кулак, подмигнул.

– Видел здесь обозначенную барыню или нет?

Привратник спрятал деньги в карман, пожал плечами:

– Проживает здесь одна. Неприветливая, строгая. Лицо все время закрыто... Сеткой. Может, и она.

– Зовут не знаешь как?

– Они со мной не беседуют.

– Может, Табба?.. Мадемуазель Табба?

– Может. Только я не знаю.

– А может, еще чего-нибудь о ней интересного вдруг вспомнишь? Напрягись, парень.

– Вроде на какую-то тангу через день бегают. В дворницкой девки шептались.

– Тангу?

– Кажись, тангу... Танцы у них такие. Модные шибко!

– А не знаешь куда?

– Не могу знать. Я знаю только калитку да ворота. Впусти-выпусти. А про другое не положено.

Николай озабоченно чмокнул губами, удовлетворенно подмигнул привратнику и направился ловить извозчика.

Глава третья

Страсть

Танцевальный класс по обучению модному аргентинскому танго находился в небольшом особняке на Большой Морской улице недалеко от Исаакія.

Сам зал был небольшой, почти квадратный, но его вполне хватало для семи пар курсистов, которые здесь занимались. Аккомпанировало занятиям трио, состоявшее из гитары, скрипки и входящего в моду аккордеона.

Урок вела черноволосая и пластичная англичанка мадемуазель Эва. Она прохаживалась между танцующими парами, подавала команды с сильным акцентом, громко, властно:

– Файв степ!.. Теперь выход в променад! Грубо!.. Очень грубо идет поддержка!.. Господа держат дам воздушно и неприкасаемо! Стойка компактней! Только полет и грация! И руки!.. Как плети! Как лианы! Медленно, медленно, быстро, быстро... И снова – медленно, медленно...

Господа были в черных легких костюмах, дамы в белых расклешенных платьях. Со стороны казалось, будто по залу летали черно-белые бабочки.

Партнером Таббы был некто Валентин, господин тридцати лет с небольшим, сухощавый, невысокий, пластичный, занимающийся, похоже, танцами не первый месяц.

Табба танцевала жестко, одержимо, без эмоций на лице, получая от танго наслаждение. Двигалась легко и грациозно, умело поддавалась касанию партнера, никак не реагируя на его присутствие. Глаза ее закрывала миниатюрная, в бриллиантовых блестках, маска.

Когда оттанцевали полчаса, Эва объявила:

– Отдых, господа!.. Пятнадцать минут антракт!

Валентин проводил Таббу к стоявшим в углу стульям, придержал за локоть, помогая сесть.

– Могу я задать бестактный вопрос, мадемуазель?

– Зачем же его задавать, если он заведомо бестактен? – холодно улыбнулась девушка.

– Бестактен в меру... Раньше вы занимались танцем?

– Все относительно. А почему это вас интересует?

– Вы прекрасно ориентируетесь в пространстве и движениях. Это либо прирожденный талант, либо нечто профессиональное.

– Считайте, что первое.

– А маска на лице?

– Она вас смущает?

– Напротив. В ней есть нечто волнующее.

– Следите, чтобы во время танца от волнения вы не отдавили мне ногу.

– Я бы желал узнать ваше имя?

– Зачем?.. Вы намерены затеять со мной роман?

– Почему нет? Разве я вам никак не интересен?

– Интересны. Но лучше в другой жизни, – холодно заметила Табба и вдруг увидела в дверном проеме заглядывающую в зал Катеньку. Бросила партнеру: – Простите, – и быстро направилась к служанке.

– Что стряслось?

Та отступила вглубь коридора, взволнованно прошептала:

– Госпожа, вас разыскивает господин Изюмов.

– Изюмов?.. Откуда он взялся?

– Мне неизвестно. Час тому назад он приезжал к дому княжны, после чего я взяла пролетку и примчалась к вам.

– Тебя он видел?

– Нет. Он беседовал с дворецким.

– И что тот ему сказал?

– Мне неизвестно. Дворецкий потом заинтересовался вами, после чего отправился к княжне.

Табба задумалась.

– Все это нехорошо. Дурно.

– Очень дурно?

– Весьма. Изюмову лучше не знать, что я живу у княжны. Вслед за Изюмовым может явиться другая беда. Это почти как дурная примета.

В зале громко захлопала в ладоши Эва, прокричала:

– Дамы и господа! Антракт окончен! Прошу встать на исходные позиции! Дамы и господа, внимание!

– Ступай, – кивнула служанке Табба и заторопилась в зал.

Заиграло трио. Валентин уже поджидал Таббу на исходной, взял ее под руку, и пары страстно, темпераментно ринулись в огонь танго.

– Стойка компактней! Венский кросс! Медленно, медленно... быстро, быстро...

Катенька понаблюдала за танцующими, улыбнулась с легкой завистью и нехотя покинула помещение.

Гаврила Емельянович был крайне недоволен докладом Изюмова. Некоторое время молча ходил из угла в угол кабинета, о чем-то размышлял.

Бывший артист, одетый в швейцарскую ливрею, стоял едва ли не навытяжку, смотрел на директора преданно и испуганно.

– Вы бездарны не только как бывший артист, но и просто как существо! – сообщил ему тот, приближаясь. – Что нового вы сообщили мне в результате дурацкого визита в дом княжны? Допустим, госпожа Бессмертная проживает там! И что дальше? Вы ее лично видели?

– Никак нет, Гаврила Емельянович. Мне не предоставилось такой возможности.

– А какая возможность вам предоставилась? Совершить променады перед княжескими воротами с дурацким видом или торчать остолопом в театре на ступеньках, раздавая дежурные комплименты бездарным артистам? На что вы еще способны?

– На многое, Гаврила Емельяныч... Мне, к примеру, стало известно, что мадемуазель посещает курсы по обучению аргентинскому танго.

– Где эти курсы?.. По каким дням мадемуазель их посещает? Узнать, уточнить, разнюхать! До мелочей, до самых каверзных подробностей! Вы меня поняли?

– Так точно, Гаврила Емельяныч.

Филимонов подошел вплотную к бывшему артисту, прошептал едва слышно:

– Перед зеркалом, по пять раз в сутки!.. Хлестать себя по щекам, ежели хоть одно слово по-казарменному! Беспощадно хлестать! До красных пятен! С утра до ночи!

– Буду усиленно работать над собой, ваше превосходительство.

– Работайте! Иначе ваши усилия будут оценивать в другом заведении!

Изюмов развернулся, сделал пару шагов к двери, остановился.

– Все это вы, Гаврила Емельянович, ради князя Икрамова стараетесь?

– Вам-то какое дело?

– Интересуюсь.

– Забудьте! – Директор снова подошел к нему. – У вас нет больше интереса. Не имеете права! Вы теперь никто! Человек на ступеньках! Согнулся, разогнулся! Уловили?

– Так точ... Простите, уловил.

– Вот и ступайте с Богом. И помните, через несколько дней жду от вас новых сообщений о госпоже Бессмертной.

– Слушаюсь, Гаврила Емельяныч, – Изюмов поклонился и бочком покинул директорский кабинет.

Поручик Гончаров целовал Михелину жарко и страстно.

Целовал лицо, шею, плечи, распущенные волосы.

Девушка стояла покорно, с закрытыми глазами. Она принимала мужские ласки чувственно, без сопротивления, благодарно. Лишь когда Никита Глебович коснулся груди, отвела его руку, тихо попросила:

– Прошу вас, не надо.

– Я схожу с ума... Вы моя! Моя единственная и любимая! Вы это понимаете?

– Пожалуйста, пожалейте меня.

– А меня кто пожалеет?

– Вы – мужчина. Вы сильнее.

Поручик убрал руки, отошел от Михелины, опустился на железную панцирную кровать, сжал голову ладонями.

Девушка продолжала стоять на прежнем месте, нежно смотрела на него. Затем положила ладонь на его голову, провела по волосам. Он поднял голову, поцеловал ее ладонь, с усмешкой спросил:

– Что будем делать, мадемуазель?... Как жить, на что надеяться?

Она под села к нему, обняла за плечи.

– Пусть будет, как есть.

– Нет, так не может быть. Я уже почти сделал для себя вывод. Почти уже решился.

– Почти?

– Да, почти. Чтобы решение стало окончательным, мне необходимо ваше понимание.

– Вы желаете задать мне вопросы?

– Да, именно так. Вопрос первый и главный... Вы готовы связать свою жизнь с моей? Михелина с улыбкой смотрела на него.

– Нет.

Никита с удивлением повернул к ней голову.

– Вы... шутите?

– Нет, говорю серьезно. Не готова.

– Но я люблю вас.

– Охотно и с удовольствием верю. Но хотите откровенно?

– Конечно.

– Моя мама однажды сказала мне... В этой жизни есть князья и воры. И у каждого своя судьба. Каждому свое. Я воровка, господин начальник.

– Ну и что? Рано или поздно мы уедем отсюда, и я сделаю все возможное, чтобы вы никогда больше не думали о прошлом. Мы вычеркнем прошлое и начнем все с чистого листа!

– У меня есть мама.

– Прекрасно. Умная, достойная женщина. Почему она должна до конца дней своих тащить это проклятое клеймо?

Михелина заставила его подняться, подвела к окну. Перед глазами возникла занесенная сугробами узкая улочка поселка, на которой изредка появлялись каторжане или вольнонаемные – унылые и угрюмые.

– Никита Глебович, милый... Посмотрите на это.

Он бросил взгляд на улицу, перевел удивленный взгляд на девушку.

– Я этот пейзаж вижу каждый день уже почти два месяца.

– А до этого какой пейзаж был перед вашими глазами?... Невский проспект?... Петропавловская крепость?... Зимний дворец?

– И то, и другое, и третье...

– И девушки... В красивых нарядах, при дорогих украшениях, на высокосветских приемах, с хорошими манерами и из достойных семей. Верно?

– Разумеется. Вы хотите сказать...

– Я хочу сказать, что здесь перед вами только унылая улица и молодая девица, которая более или менее выделяется из общего числа замученных лиц. И вы, изголодавшийся по женскому вниманию мужчина, готовы, может быть, на самый глупый, на самый отчаянный в жизни поступок, о котором потом будете горько сожалеть! Я повисну на ваших руках тяжелее, чем ненавистные здесь кандалы. Вы не только станете избегать меня, вы будете бояться меня, ненавидеть, стыдиться и презирать!.. Князя и воры не могут иметь общей судьбы, поручик.

Гончаров взял ее лицо в ладони, стал страстно и жарко целовать его.

– Милая, родная, любимая... Поверьте, я докажу обратное. Клянусь, докажу!

Михелина выскользнула из его рук, подошла к двери.

– Позвольте мне уйти и подумать?

– Вы оставите меня одного наедине с растрепанными мыслями?

– Нет, я оставлю вас со своими словами.

– Скажите же их.

– Скажу. При условии, что вы тотчас отпустите меня.

– Слово дворянина.

Михелина помолчала, подняла на поручика черные глаза, прошептала:

– Я тоже люблю вас, Никита Глебович. Люблю нежно и безумно.

Он шагнул было к ней, но девушка немедленно вытянула руки, напонила:

– «Слово дворянина», поручик, – набросила на плечи тяжелый бушлат и толкнула входную дверь.

Когда Михелина поспешила к своему бараку, она увидела возле обледенелого колодца, из которого каторжане брали воду, две фигуры – мужскую и женскую. Сонька и Михель тоже заметили ее. Воровка оставила божевольного, заспешила навстречу дочке.

– Чего ты с ним? – недовольно спросила Михелина.

– Просто... Тоже ведь человек. В добром слове нуждается.

– Я боюсь его. И ненавижу.

– За что?

– За то, что убил пана. Он сумасшедший!

– Вот потому и будь милостивей. Через сумасшедших бог иногда говорит истину.

К тому же он твой отец.

– Не хочу такого отца!

– Какой уж есть, Миха...

Дальше шли молча, а вдали маячила одинокая фигура озябшего Михеля.

...Барак спал, в углу потрескивала печка, в люльке, подвешенной под потолок, поплакивал чей-то грудничок. Мать укачивала его, успокаивала, совала в рот хлебный сладкий катушек, обернутый тряпочкой.

Сонька и Михелина лежали на одних нарах, укрывшись грубым суконным одеялом, негромко разговаривали.

– Мне приснился дурной сон, Миха, – мать поцеловала дочку в голову. – Не хочется даже пересказывать.

– Обо мне?

– О Таббе.

– Расскажи.

Сонька помолчала, глубоко вздохнула, снова поцеловала дочку.

– Будто шла она по улице со своим поэтом... с Марком Рокотовым... и на головах у обоих черные терновые веночки. Оглянулись на меня, Табба помахала рукой, и оба растворились в тумане.

– А поэт?

– Что – поэт?

– Он тоже оглянулся?

– Нет, он смотрел перед собой, никого не видя, ничего не замечая.

– Это хорошо.

– Что ж в этом хорошего?

– Хорошо, что не оглянулся. Он ведь погиб, а Табба живая. Она оглянулась. Значит, все хорошо.

– Дай бы Бог, – вздохнула мать. – Как она там?

– Не хуже, чем мы здесь.

Михелина крепко обняла мать, прошептала:

– Начальник сделал мне предложение.

Сонька удивленно посмотрела на нее.

– Созрел, что ли?

– Созрел. Сказал, что заберет с собой в Петербург, когда закончит службу.

– Вместе со мной, – хмыкнула воровка. – С Сонькой Золотой Ручкой.

– Конечно. Он назвал тебя умной и доброй. Представляешь? – Михелина рассмеялась. – Нет, ты представляешь?

– А по-твоему, я глупая и злая?

– По-моему, как раз наоборот.

– Приставал?

– Целовал, еле отбилась. Руки все обломал.

– Смотри, дочка, один раз опустишь руки и считай, что никогда отсюда не выберешься.

А не приведи Господи, ребенок?

– Я все понимаю, мам. А если он все-таки сдержит слово, и мы с его помощью выберемся?

– Надо дожждаться весны, Миха.

– Еще почти три месяца.

– Весной придет пароход, а к тому времени нужно сделать поручика совсем ручным.

Дочка зарылась под мышку матери, промурлыкала:

– Он мне очень нравится, мамочка. Он особенный. По крайней мере, честный.

– Знаешь, что такое мужская честь? – усмехнулась Сонька. – Это когда ее нет. А есть женщина рядом. Сильная, умная, с холодным сердцем, беспощадная. Только такая женщина способна воспитать в мужчине честь и благородство.

– Разве ты была такой?

– Не была. Потому и заканчиваю свою жизнь на Сахалине. Но я буду делать все возможное, чтобы ты не повторила мою судьбу.

Несколько дней спустя в поселке случилось малоприятное, хотя для этих мест привычное происшествие.

Пятеро крепко подвыпивших вольнопоселенцев крепко избили Михеля.

А случилось это так.

Божий человек как раз направлялся в Сонькин шинок, размахивая руками и что-то бормоча, когда дорогу ему перегородил высоченный и известный своей необузданной силой и жестокостью Лука Овечкин, получивший каторгу за двойное убийство. Растопырил руки, не давая Михелю пройти, прорычал:

– Куда прешься, дурень?

Тот растерянно посмотрел на него, улыбнулся.

– Соня...

– К Соньке?.. Тоже выпить?

– Соня моя, – ткнул себя в грудь Михель.

– Слыхали, чего придурок мелет? – заржал Лука и повернулся к приятелям. – Любовь, оказывается, у него с Сонькой!

– Так это известно! – ответил со смехом один из друзей. – Он от этой любви и тронулся!

Сумасшедший попытался обойти Луку, но тот заступил снова дорогу, снова растопырил руки.

– А я не пушу!.. Не пушу и все! И чего сделаешь, придурок?

– Не надо, – попросил Михель. – Я к Соне.

– Попробуй пройти!.. Сдвинешь меня, пройдешь. А нет – катись отседова!

– Он же убивец! – заорал кто-то из приятелей. – Гляди, как бы забил тебя самого, Лука!

– А пушай рискнет!.. Рискни, дурень! Поглядим, чего из этого получится! Давай, ударь меня!

– Там Соня... – Божий человек снова попробовал обойти пьяного, и тот снова остановил его.

– А ты дай ему выпить, Лука! – крикнул третий мужик из наблюдающих. – Он осмелеет и сдвинет! А то гляди, и до околения!

– Давай, придурок, выпей!.. За компанию!.. Выпей и покажи свою любовь! – Лука схватил Михеля за шиворот, развернул к себе, попытался залить в рот самогон. – Пей, охламон! Это вкусно, пей! Повеселимся вместе!

Сумасшедший пробовал вырваться, сипел, шепелявил что-то, отталкивал могучего Овечкина, а на помощь истязателю уже спешили его приятели. Все вместе с хмельным весельем принялись ловить Михеля, пинать ногами, валить на землю, заливать в глотку водку.

Он отбивался, поднимался с земли, делал несколько шагов в сторону шинка, но подвыпившие каторжане догоняли его, снова сбивали с ног и снова под хохот и гогот старались напоить сумасшедшего.

– Пушай напьется!.. – орали. – Поглядим, какие фортеля будет выкидывать!.. Рви ему пасть! Руки вяжи! Лей в глотку!

Сонька с опозданием услышала крики на площади, выскочила из шинка, кинулась на помощь Михелю. Однако, обезумевшая от азарта хмельная братия уже не контролировала себя, валила на снег не только божьего человека, но и женщину, отчего еще больше веселилась и кто знает, какая сила могла остановить почувствовавших пьяную свободу каторжан.

От барачников на драку бежали два конвоира.

Наказание Луке Овечкину за бузотерство и жестокое избиение Соньки и Михеля поручик Гончаров назначил суровое и публичное.

Площадь была заранее очищена от снега, на ней возвели небольшой дощатый помост, на который поставили длинную скамью для порки. Здесь же кучкой лежали розги, стояла бочка с горячей водой для распаривания розог, а вокруг всего по-хозяйски расхаживал известный в местных краях палач Федор Игнатьев, умеющий как щадить жертву, так и добивать ее до смертного результата. Одет он был в красную навывпуск сорочку, в руке держал распущенные розги.

Писарь, назначенный для отсчитывания ударов, расположился в дальнем углу помоста, откуда хорошо просматривалась скамейка и палач.

Народ на экзекуцию был собран из всех ближних поселков, по этой причине здесь присутствовало не менее двух сотен человек – и мужиков, и баб. Было очень тихо, и лишь доносился лай собак да окрики конвойных, которые зорко отслеживали пожизненных.

В числе собравшихся, в самом дальнем краю площади, виднелась голова Михелины. Держалась она смиренно и печально.

Открывать экзекуцию пришел сам поручик Никита Гончаров. Был он в легкой, не по погоде шинели, отчего и вовсе казался изысканно нездешним.

Поднялся на помост, остановился рядом с Федором Игнатьевым. Выждал паузу, когда несильный ропот толпы затихнет, поднял руку.

– Каторжане и вольнопоселенные!.. Господь тому свидетель, получая государево повеление в эти края, я не допускал мысли, что могу отдать распоряжение на унижительное и жестокое наказание кого-либо из вас. Я стремился совсем к другому – желал не унижать вас, не видеть в вас отверженных и проклятых! Желал, чтобы вы в какой-то момент почувствовали себя людьми, потому что Господь и без того сурово наказал вас. Но как выяснилось, не все осознали это и приняли смирение как норму! Подняли руку на человека, который и без того обижен Богом! Посмели ударить женщину, выступившую на защиту униженного! Нечеловеческое надо выкорчевывать нечеловечески!.. По этой причине вольнопоселенцы Журов, Пятаков, Семенов и Ямщиков наказываются месячным содержанием в холодных одиночных карцерах! – Гончаров переждал пересуд толпы, увидел Михелину, продолжил: – Лука Овечкин, как главный истязатель и нарушитель установленного порядка, приговаривается к пятидесяти ударам розгами... – поручик снова переждал ропот. – И последнее! Хочу предупредить – любое нарушение режима, любая жестокость в отношении друг друга будут караться жестоко и безоговорочно!

Никита Глебович спустился с помоста, сел на заготовленный для него стул, закинул ногу на ногу, махнул рукой в белой перчатке.

Вначале конвоиры вывели на помост тех четверых участников драки, которых приговорили к карцеру. Поставили их рядом так, чтобы хорошо была видна экзекуция.

Затем два конвоира вывели здорового, со связанными за спиной руками Луку, не без сопротивления со стороны наказуемого уложили его на скамейку, привязали к ней двумя веревками и удалились.

Палач старательно размочил розги, удовлетворенно кивнул и направился к Овечкину. От первого удара тот громко вскрикнул.

– Господа!.. Помилосердствуйте, Христа ради!

Федор тут же ударил снова, на этот раз жестче и сильнее, от чего Лука завыл.

– Боже, больно!.. Пощадите!.. Помилуйте невинного!.. Боже!

Вой избиваемого подхлестывал палача все больше, он бил уже без остановки, получая от этого удовольствие и азарт, ловко менял размоченные в бочке розги и вновь принимался за привычную и даже любимую работу.

Вскоре Лука затих, и лишь большое тело грузно вздрагивало от очередного удара.

Никита Глебович оставался сидеть на своем месте, нервно курил, отбрасывая на снег окурки часто и нервно. В какой-то момент не выдержал, поднялся и зашагал прочь широким, спотыкающимся шагом.

Хибарка, в которой жил все эти годы Михель, находилась недалеко от сараев, в которых складывали дрова и уголь. Михелина с трудом пробралась по почти невидимой тропинке к развалюхе, в нерешительности постояла перед входом, толкнула скрипучую дверь.

Несмотря на день, здесь было сумрачно. Девушка с трудом освоилась с темнотой, негромко позвала:

– Михель... Ты здесь?

Из угла послышался стон, затем из вороха соломы приподнялась какая-то бесформенная фигура, и слабый голос Михеля произнес:

– Кто? Чего надо? – от побоев и выбитых двух зубов он шепелявил еще больше.

– Это я, Михелина... Я ненадолго.

– Здесь темно.

– Я на ощупь.

Девушка подошла к Михелю поближе, он попытался встать, она вернула его на место. Нашла какой-то ящик, присела на него.

– Ты узнал меня?... Я Михелина, Сониная дочка.

– Узнал, – прохрипел тот. – Зачем пришла?

– Соня велела. Беспокоится.

– Как она?

– В бараке. Даже на работу не вышла, – девушка тронула его за рукав, погладила. – А как ты?

– Плохо, – ответил Михель. – Болит все. Сильно били.

Она опять коснулась его руки.

– Их наказали, Михель. Овечкину дали пятьдесят плетей.

– Не надо было, – мотнул головой тот. – Разве он виноват? Все виноваты.

Михелина склонилась к сумасшедшему, прошептала:

– Михель... Я тебя не узнаю, Михель. Ты говоришь как нормальный. Не как сумасшедший. Как это?

– Спроси Соню, она все скажет.

– А мне объяснить не хочешь?

– Долго объяснять. Главное, чтоб ты никому об этом не говорила. Особенно остерегайся начальника. От него можно ждать любой пакости... Ты ведь у него вроде прислуги?

– Он велел сейчас зайти к нему.

– Он первый раз видел, как добивают человека?

– Наверно.

– Тогда определенно не ходи. Он сейчас не в себе. Ненормальный.

– Боишься за меня? – улыбнулась девушка.

– Боюсь. Ты ведь моя дочка.

– Знаю, – Михелина приобняла сумасшедшего. – Я еще приду к тебе, – стала осторожно пробираться к выходу. Остановилась, с прежней улыбкой произнесла: – Все будет хорошо. Я ведь чья дочка? Соньки и Михеля! – и закрыла за собой дверь.

Поручик был крепко пьян. Сидел на стуле посередине комнаты, смотрел на Михелину тяжело, угрюмо.

Девушка стояла напротив, молчала.

– А что мне остается, если вокруг скоты и нелюди?! – не выдержал поручик. – Смотреть, как они убивают и пожирают друг друга! Самому стать зверем и рвать на части виновных и невиновных, женщин и стариков?! Да, здесь собраны отбросы общества. Нет, не отбросы, а испражнения! Зловонные, мерзкие, непотребные. Но ведь они тоже когда-то были людьми. Любили, жалели, страдали, умилялись, плакали! Рожали и любили своих детей. И кто виноват, что их судьбы повернулись таким образом? Господь Бог? Нет, мы виноваты! Люди моего круга! У нас было все, у них – ничего! Так я думал, направляясь сюда. Я направлялся на Сахалин нести миссию. Миссию добра, понимания, прощения! И вдруг здесь... оглянувшись и изумившись, я понял, что эти люди не заслуживают ни первого, ни второго, ни третьего! Они не люди! Они были зверьми и остались ими! Поэтому их следует бить, истязать, уничтожать!.. Моя прежняя философия, сударыня, потерпела полное фиаско. И что теперь мне делать? Пить каждый день, примерять петлю на шею или искать возможность бежать сломя голову отсюда?! Что мне делать, подскажите!

– Сейчас лечь спать, а утром все станет яснее, – тихо произнесла Михелина.

– Спать? – переспросил поручик. – Вы полагаете, я способен после всего этого спокойно спать?

– Надо постараться, поручик.

Гончаров поднялся.

– Как вы сказали?.. Поручик? – он сделал пару шагов к ней. – А почему вы никогда не называете меня по имени?.. Например, просто – Никита? Боитесь? Брезгуете?.. Или презираете? Почему, мадемуазель?

– Мне лучше уйти, – сказала она. – Вам надо побыть одному.

Она повернулась и услышала окрик.

– Нет!.. Стоять! Стоять и не двигаться!

Михелина замерла.

Никита Глебович нетвердым шагом приблизился к ней, какое-то время внимательно изучал ее и вдруг крепко взял обеими ладонями лицо и припал к ее губам пьяным размазанным поцелуем.

Михелина с силой оттолкнула его, но поручик перехватил ее за талию и попытался снова поцеловать.

Воровка вскрикнула, двумя руками оторвала от своего лица его губы, бросилась к двери.

Гончаров догнал ее, попытался повалить на пол, и тут Михелина ударила его – сильно, с размаха, в лицо.

От неожиданности он замер, какое-то время ошеломленно смотрел в глаза девушки, затем положил ладонь на ее лицо, прохрипел:

– Меня никто... ни одна тварь... не смела ударить в лицо. Вы, мадемуазель, сделали это. И наказание получите самое жестокое... Сгною. Запомните это. А сейчас прочь... Вон отсюда, дрянь!

Михелина спиной толкнула дверь и вывалилась в холодную черноту коридора.

В бараке женщины еще не спали, одни что-то штопали, другие молились, третьи о чем-то негромко переговаривались, похихикивали.

Сонька вывела дочку в промерзший предбанник барака, прижала к себе, гладила по голове, успокаивала:

– Все обойдется, Миха... Все будет хорошо.

– Он так хватал меня, так лез своими мокрыми губами, так унижал, – плакала Михелина. – Он отвратительный, мама.

– Я тебя предупреждала, дочка.

- Но он ведь ухаживал... Грамотный, обходительный, добрый... И вдруг такое.
- С господами это случается.
- Может, потому что был пьяный?
- Может, и поэтому. Поживем – увидим.
- Он сказал, что сгноит меня.
- Тебя?
- Думаю, тебя тоже.
- Я тоже так думаю.
- Что будем делать, Сонь?
- Ничего, – пожала та плечами, прижала к себе дочку. – Не такое переживали, пережи-

вем и это.

Михелина подняла лицо, посмотрела матери в глаза.

– Я была у Михеля. Он спрашивал про тебя, Соня... Ты знаешь, что он не сумасшедший?

Сонька помолчала, с усмешкой кивнула.

- Знаю.
- Давно?
- С тех пор, как убил пана Тобольского.
- Он убил его будучи нормальным?!
- Нет. После убийства что-то с ним случилось, и он прозрел.
- А как это?
- Не знаю. Об этом знает только Господь.
- И мы с тобой.
- Да, и мы с тобой. Больше никто знать не должен.

Кто-то из каторжанок вышел в предбанник попить воды из кадлушки, воровки замолчали, потом Михелина приобняла мать и повела ее в сторону нар.

Изюмов сидел в пролетке недалеко от дома Брянских, внимательно следил за входящими и выходящими из ворот. Въехала карета, и по силуэту молодой девушки, вышедшей из нее, стало понятно, что это княжна.

Затем промелькнули какие-то люди из прислуги. Привратник Илья каждый раз исполнял свои обязанности торопливо и с почтением.

Вскоре со двора вышла высокая статная особа, лицо которой закрывала черная кисея. В руках она держала небольшой ридикюль.

Изюмов напрягся. Он узнал Таббу.

Она в калитке столкнулась с дамой (это была мадам Гуральник), раскланялась и заспешила на улицу.

Здесь девушка попыталась остановить экипаж, ей это никак не удавалось, и было видно, что она нервничает. Притормозил легковой автомобиль, мадемуазель отказалась от его услуг и продолжала ждать. Наконец подъехала свободная пролетка, Табба сообщила извозчику адрес.

– Следом, – велел Изюмов своему извозчику, и тот стеганул по лошадям.

С Фонтанки выехали на Исаакиевскую площадь, затем свернули на Большую Морскую, после чего пролетка с мадемуазелью проскочила несколько кварталов и оказалась возле особнячка, в котором находились курсы аргентинского танго.

Изюмов видел, как госпожа Бессмертная покинула экипаж и скрылась в парадной.

К особняку подкатывали экипажи разного класса, из них выходили дамы и господа, мило раскланивались друг с другом и также исчезали в парадной особнячка.

Артист понаблюдав какое-то время за ними, бросил извозчику:

– Жди.

– Как долго ждать, господин? – недовольно поинтересовался тот.

– Пока не вернусь! – Изюмов сунул мужичку мелкую купюру и направился к особняку. Внутри его встретил молодой консьерж.

– К кому следуете, сударь?

– Ответь, любезный, здесь ли обучают аргентинскому танго?

– Совершенно верно. На втором этаже. Желаете записаться?

– Пока желаю поглядеть.

– Глядеть не положено. Там дамы почти в неглиже.

– Тем более желаю, – засмеялся Изюмов, сунул консьержу пятьдесят копеек и заспешил по широкой лестнице вверх.

До слуха доносилась музыка и команды учительницы:

– Файф степ, господа!.. Выход в променад! Легче, господа! Изящнее! Дамы, не очень отваливайтесь! Спинки прямые! Слоу квик!

Бывший артист через щель в двери стал наблюдать за танцующими и увидел наконец ту девушку, которую выслеживал. Теперь сомнений не возникало – это была именно бывшая прима. Изящная, статная, с небольшой маской на лице.

Изюмов удовлетворенно хмыкнул, отошел от двери, спустился вниз, снова уселся в пролетку.

– Куда едем, сударь? – спросил извозчик.

– Ждем.

– Как долго?

– Сколько надо, столько ждем! Денег получишь сполна!

Прошло не менее часа. Из парадной стали выходить курсисты. Расхаживали они с разговорами, с приветливыми прощаниями, весело садились в поджидающие их экипажи.

Табба в сопровождении партнера вышла одной из последних, попрощалась и махнула той самой пролеткой, в которой прикатила сюда.

Изюмов проследил за нею, толкнул извозчика в спину.

– Следуй за пролеткой, в которой дама под вуалью.

– Слушаюсь.

...Ехали довольно долго. Пересекли Невский, выехали на Садовую, прогрохотали по мосту, под которым плескалась Нева, помчались по Каменноостровскому проспекту, затем взяли направление на Сестрорецк.

Пролетка мадемуазель шла ходко, и поспевать за ней было непросто. Извозчик тихо матерился, злобно хлестал лошадку, стараясь не шибко отставать.

Наконец пролетка с мадемуазелью, не доезжая до Сестрорецка, вдруг резко свернула не то на просеку, не то на узкую дорогу и загрохотала по ней.

Изюмовская повозка чуть погодя совершила такой же маневр, и ездок приказал извозчику:

– Остановись и поправь сбрую лошадям.

– Зачем? – не понял тот.

– Делай, что велят!

Мужик спрыгнул на землю, стал возиться с уздечками, подпругами, изредка бросая удивленный взгляд на клиента.

Изюмов увидел, как метров через сто пролетка с мадемуазелью остановилась возле длинного забора. Бывшая прима покинула ее и заторопилась к едва приметной калитке.

Ей навстречу вышел мужчина – это был Беловольский, и они оба скрылись в гуще зелени, среди которой виднелась черепичная крыша дома.

Артист удовлетворенно хмыкнул и крикнул извозчику:

- Хватит копать! Поехали обратно!
- Тот забрался на козлы, с удовольствием огрел лошадей.
- Куда прикажете?
- К театру оперетты!

Конспиративный дом обнаружить с улицы было не просто из-за густых деревьев.

Встреча проходила в одной из затемненных комнат с пыльной продавленной мебелью, в окна которой заглядывали разлапистые ветки.

Ефим Губский за эти годы крайне сдал, видимо, сказалась ссылка. Кашлял чаще и сильнее, худоба обозначалась ключицами и лопатками под сорочкой, глаза горели черным фанатичным огнем. В комнате, кроме него, находились Беловольский и некий полный господин, которого гостя не знала.

Губский сидел на протертом диване, смотрел на Таббу внимательно и изучающе, время от времени вытирая рот платком.

– Мы благодарны вам, мадемуазель Табба... Не столько даже за добытые деньги, сколько за верность идеям партии.

Девушка усмехнулась.

– Я старалась.

– Мы знаем. И поэтому вдвойне ценим ваше участие в нашей организации. – Губский сделал глоток чая из большой чашки, какое-то время успокаивал дыхание. – Вы нам важны в перспективе, и нам бы не хотелось рисковать вами без особой нужды.

– У вас есть дела, которые совершаются без особой нужды? – не без иронии удивилась бывшая прима.

– Таковых нет, сударыня. Но вы нам представляетесь исключительным кадром, который может понадобиться в самых крайних случаях. В скором времени мы дадим вам весьма достойное задание.

– Какое?

Губский, кашляя, рассмеялся.

– Нет, вам прямо-таки не терпится как можно скорее совершить что-либо экстраординарное!

– Не терпится! А что в этом дурного?!

– Дурного ничего нет, – произнес Беловольский. – Но излишняя поспешность может принести беды не меньше, чем любое промедление.

– И сколько же придется ждать?

– Вы мне напоминаете господина Тобольского, – произнес Губский. – Он так же был нетерпелив в своем желании, и это закончилось печально.

– Жаль, что я не напоминаю вам Марка Рокотова, – огрызнулась Табба. – Мне этот господин много ближе!

– Мадемуазель Бессмертная, – заговорил наконец полный господин. – Я отношусь к числу ваших поклонников. Когда вы блистали в сцене, я охапками таскал в театр цветы, но вы, естественно, меня не замечали.

– Прошу меня за это простить, – насмешливо ответила бывшая прима.

– Это вы простите меня за настырность, – улыбнулся господин. – Позвольте представиться? Барон Красинский.

– Мне приятно ваше общество, барон, – склонила голову бывшая прима. – Вы также сочувствуете революционерам?

– Не только сочувствую, но всячески способствую их делам.

– Делу, которое мне прочат господа, вы также готовы способствовать?

– Думаю, в первую очередь.

– И что же это за столь важное дело?

В комнате рассмеялись.

– Мадемуазель Табба, – сухо произнес Губский. – Давайте все-таки подчиняться внутрипартийной дисциплине. Иначе все может закончиться крахом, – он снова закашлялся. – Первое... Вам следует сменить кардинально внешний облик, чтобы образ дамы в кисее не прилип к вам. Второе... Держать связь с нами будете только в исключительных случаях через господина Беловольского или его уполномоченных. Никакой инициативы. И третье... Надо почаще выходить в свет, желательно со спутником. Даже если кто-то узнает в вас бывшую приму, это придаст не только пикантности вашему существованию, но и легализует вас в обществе. Хотя лучше бы играть роль дамы таинственной и непонятной. Это позволит вам завести в свете весьма полезные знакомства.

– Позвольте роль спутника для первого выхода в свет зарезервировать за мной, – с улыбкой обратился барон к Таббе.

– Как вам угодно, – пожала она плечами. – Мне совершенно без разницы, на чью руку опираться и кому улыбаться.

– Обидно, зато откровенно. Не желаете ли посетить театр, который когда-то был связан с вашим именем?

Бывшая прима на миг задумалась, неожиданно ответила:

– Почему бы нет?

– Значит, билеты будут куплены, и вам сообщат об этом заранее.

– Буду ждать. – Бессмертная поднялась, опустила на лицо кисею. – Я могу идти?

– Да, вы свободны. И помните мои советы, – протянул ей руку Губский. – Особенно по поводу смены облика.

– Да, я приняла к сведению, Ефим Львович. Лишь бы господин барон при встрече не обозначился.

– Да уж постараюсь, сударыня.

Табба откланялась, Беловольский направился ее провожать. Вышли в прихожую. Здесь было пусто и гулко. Стали спускаться по деревянной лестнице и вдруг услышали шаги поднимающегося человека.

Беловольский слегка замедлил шаг, даже отстранил гостью к стенке, как вдруг перед ними возник не кто иной, как Константин Кудеяров.

Граф непринужденно улыбнулся, протянул руку Беловольскому, как давнему знакомому.

– Мое почтение, – и приподнял шляпу в сторону дамы. – Сударыня?..

– Здравствуйте, – негромко ответила Табба.

– Меня ждут? – поинтересовался Константин.

– Вас ждут всегда, граф, – ответил Беловольский.

– Прелестно, – улыбнулся тот. – А мадемуазель уже уходит? – он явно не узнал Таббу.

– Да, мадемуазель торопится.

– Жаль. Не мог предположить, что в вашей партии столь очаровательные особы! – Кудеяров поспешил наверх, пару раз оглянувшись вдогонку уходящим.

Когда вышли во двор, Табба спросила Беловольского:

– А что здесь делает граф Кудеяров?

– Он помогает партии.

– Деньгами?

– Ну не болтовней же! – рассмеялся Беловольский. – Вы с ним знакомы?

– В прошлой жизни.

– Он не узнал вас?

– Видимо, да. Это и к лучшему.

Когда уже подходили к воротам, провожающий приостановил девушку.

– Вы для нас действительно бесценны. Тем более что мы готовим акцию, которая заставит вздрогнуть Россию.

– С моим участием?

– Не думаю. Ваша акция должна случиться в ближайшие два-три месяца и носить она будет предупредительный характер. Главное же мероприятие мы планируем провести к осени, и касаться оно будет едва ли не главного лица страны.

– Государя?

– Нет, царя трогать не будем. Он слишком слаб и ничтожен. Мы возьмем на прицел фигуру более мощную и влиятельную.

– Премьер-министра?

– Это ваши фантазии, но не мои, мадемуазель, – Беловольский с усмешкой поцеловал руку девушки. – Благодарю, до ближайшей встречи.

Пролетка ждала артистку. Она легко встала на ступеньку, махнула Беловольскому, застывшему в улыбке, и извозчик погнал лошадей в сторону города.

Мирон Яковлевич разложил на столе несколько карандашных портретов предполагаемых налетчиков – дамы под кисеей, господина с бородкой, Китайца. Жестом пригласил Гришина подойти.

Тот, взглянув, хмыкнул.

– Колоритная компания... Налет на банки был совершен именно этими особами?

– Налетчиков было несколько. Но лидеров трое: дама под кисеей, господин с бородкой и азиат – то ли китаец, то ли кореец.

– Лицо дама всегда прячет под кисеей?

– Всегда. Это ее фирменный знак. Причем, по рассказам очевидцев, именно она главный персонаж банды. Мужчины всего лишь прикрытие.

– Как думаете, почему она прячет лицо?

– Версии две. Первая – желание создать некий загадочный образ. Робин Гуд под сеточкой.

– В таком случае мужчина также должен был бы придумать какую-либо хреновину на физиономию.

– Логично. Поэтому возникла вторая версия... Мы не исключаем, что лицо сударыни имеет определенный физический дефект.

– То есть она его все-таки прячет?

– Получается что так.

– Любопытно, – Егор Никитич вновь принялся внимательно изучать рисунки. – Какие-либо косвенные подтверждения данной версии существуют?

– Да, существуют. Один из банковских чиновников сообщил, что правый глаз дамы перехвачен широкой черной ленточкой.

– Даже так? – искренне удивился Гришин. – Это уже нечто, – отложил рисунки, опустился на стул. – В картотеке есть криминальные личности с подобным дефектом?

– Таковых, Егор Никитич, нет. Мы предполагаем, что это либо какие-нибудь залетные, либо из политических.

– Политических? – удивился Гришин. – Им-то зачем так рисковать?

– По данным агентуры, эсеры, анархо-коммунисты и прочая революционная дрянь для добывания денег идут на любые преступления, вплоть до срачивания с воровским миром. Поэтому налеты на банки вполне могут быть делом их рук.

– Вы правы, – согласился Егор Никитич. – В моей практике был подобный случай. Помните дело поэта Марка Рокотова?

– Обижаете, Егор Никитич! – развел руками Миронов. – Там еще фигурировал некий поляк, финансировавший «Совесть России».

– Совершенно верно. Казимир Тобольский... Любопытно, какова его судьба?

– Пожизненная каторга. Там и сгниет.

– Лекарю лекарево, а пекарю пекарево, – заключил Гришин, с удовлетворением потер ладони. – Занятное дельце намечается.

– Я бы сказал, заковыристое, – уточнил МIRON Яковлевич. – Мои агенты разбросаны бог знает по каким лункам, и пока никакого улова.

– Вот потому и занятное. Когда все как на ладони, никакого азарта. А здесь есть, за чем погоняться.

– Будем работать, Егор Никитич? – протянул ему ладонь Миронов.

– А кто вам сказал, что нет? – Гришин постоял в некотором раздумье, заметил: – А вот с азиатом они, похоже, просчитались. Его как раз проще всего посадить на зацепку. Слишком заметен... Объясните, МIRON Яковлевич, это своим агентам.

– Да уж постараюсь, Егор Никитич.

Они ударили по рукам, и Гришин твердым уверенным шагом покинул кабинет Миронova.

Табба плотно прикрыла дверь, подошла к серванту, выдвинула один из ящичков, внутри него нажала потайную задвижку. Сбоку отщелкнулся еще один маленький ящичек, в котором обнаружился бархатный мешочек. Девушка аккуратно вытряхнула из него золотой сундучок, двумя пальцами приподняла крышечку.

Черный Могол вспыхнул, заиграл всеми гранями.

Табба замерла, завороченно смотрела на таинственный камень и не в состоянии была отвести от него глаз.

Затем медленно закрыла сундучок, спрятала его в мешочек и поместила в потайной ящик.

...Спустя какое-то время она постучала в дверь комнаты княжны. Та занималась рисованием.

– Войдите, – не совсем довольным тоном ответила Анастасия.

Бывшая прима остановилась на пороге, виновато произнесла:

– Простите, княжна, что отвлекаю, но у меня к вам деликатная просьба. Вы как-то рассказывали, что после моей матери осталась дюжина париков, которыми она не воспользовалась.

– Вы желаете примерить их? – спросила та, продолжая работать кистью.

– Да, мне хотелось бы воспользоваться ими.

– Уж не в свет ли вы намерены выйти? – с насмешкой спросила княжна.

– В театр.

– Надеюсь, не в оперетту?

– Нет, нет. В оперетту мне вход заказан.

Анастасия оценивающе оглянулась на бывшую приму, неожиданно предложила:

– В гардеробе моей маменьки много роскошных платьев. Если вас это не смущает, можете примерить некоторые из них. Вдруг что-то подойдет.

– Благодарю. Я непременно воспользуюсь вашей любезностью, – Табба поклонилась и прикрыла дверь.

Работа на шахте была тяжелой, грязной, изматывающей. Мужики рубили кирками уголь, женщины нагружали его лопатами на тачки и вывозили антрацит по дощатым помостам к высоченной общей куче.

Сонька и Михелина были в числе тех самых, кто вывозил уголь.

Толкали тачки быстро, без остановок, под постоянным присмотром и окриками надсмотрщиков. Запрещалось останавливаться, разговаривать, пить воду.

Все бегом, все в спешке, все под тычками.

– Живее, барышни!.. Веселее, шалашовки!

В общей цепочке Михелина двигалась за матерью. Видела, как той трудно, как временами подкашивались у нее ноги, как она задыхалась.

– Соня, держись... – шептала. – Скоро перерывчик, держись.

– Не беспокойся, все хорошо. Главное, сама не надорвись!

Сонька оглядывалась, пыталась улыбнуться, тут же надсмотрщик орал:

– Не болтать! Не останавливаться!.. Бегом, мрази!

Вместе с женщинами вывозил уголь Михель. Он толкал тачку с каким-то остервенением, обгонял всех, что-то выкрикивал, вываливал уголь на общую кучу, мчался обратно и, лишь когда равнялся с Сонькой и Михелиной, придерживая бег, мычал:

– Соня... Сонечка... Мама... – и неся дальше.

– Гля, как придурок бежит! – веселились надсмотрщики.

– Пуцай бежит... Дурной силы хоть отбавляй.

– Так ведь никто не заставляет!

– Перед Сонькой старается! Любовь у него к ней!

Неожиданно на заснеженной дороге показалась пролетка, запряженная в одну лошадь. Конвоиры напрялись, каторжане слегка замедлили бег.

Ехал начальник.

За вожжами сидел он сам, управлял лошастью легко и умело, одет был в франтоватую легкую шинель. Остановил пролетку неподалеку, не слезая понаблюдав за работающими, развернул лошадь, хлестанул ее и покатыл в обратную сторону.

Все, застыв, смотрели ему вслед, и лишь Михель поднял кулак и погрозил уезжающему поручику.

Луна в небе светила полная и яркая.

Каторжане медленно, устало брели в сторону поселка. Надсмотрщики лениво подгоняли их, некоторых толкали в спины прикладами винтовок, хрипло покрикивали:

– Шевелись... Шагай живее.

– Растропнее, сказано!

При входе в поселок все вновь увидели коменданта каторги.

Он стоял в стороне от дороги, широко расставив ноги, смотрел на измученных людей, ритмично ударя хлыстом по голенищу сапога.

Михелина взглянула на мать. Та усмехнулась, негромко бросила:

– Бесится барин... Не знает, с какой стороны подойти.

– Это хорошо или плохо?

– Посмотрим. По крайней мере, веревочка брошена, есть за что подергать.

Далеко за полночь, когда все уже спали, в барак, грохнув входной дверью и потоптавшись валенками, ввалился надсмотрщик Евдокимов Кузьма, во всю глотку гаркнул:

– Михелина Блюхштейн!.. Немедля к начальнику!

Бабы на нарах заворочались, кто-то сделал свет от лампы посильнее.

– Живее, мамзель! – поторопил Кузьма. – Никита Глебович не любит ждать!

– Мам, зачем он? – встревоженно спросила Михелина, натягивая юбку. Ее била нервная дрожь.

– Не знаю. Может, опять напился?

– Не пускай к нему дочку, Соня, – подала голос соседка. – Разве можно за полночь к мужику?

– Я не пойду, мам.

– Я с тобой, – Сонька стала тоже одеваться, бросила конвоиру: – Я пойду с дочкой.

– Не велено! – ответил тот. – Сказано, только мамзель!

– Но я мать.

– А я конвоир!.. И хрен из барака выйдешь!

Воровка села на кровать, беспомощно посмотрела на дочку. Михелина опустилась рядом.

– Не бойся, Соня... Убить не убьет, а со всем остальным я справлюсь, – поцеловала мать. – Сама же сказала, не знает, как подойти. Вот и решил ночью.

Сонька печально усмехнулась, приложила ее руки к губам.

– Если что, я сама его убью.

– Увидишь, все обойдется.

Поручик ждал Михелину.

При ее появлении он вышел из-за стола, жестом велел надсмотрщику исчезнуть, негромко попросил:

– Снимите, пожалуйста, верхнюю одежду.

Девушка молча и послушно выполнила просьбу. Гончаров повесил бушлат на вешалку, кивнул на стул:

– Присядьте.

Воровка опустилась на табуретку, вопросительно посмотрела на начальника.

– Я слушаю вас.

– Лучше вы выслушайте меня.

– Хорошо.

Никита помолчал, сплел пальцы рук, хрустнул ими.

– Я хочу попросить у вас прощения. Не желаете спросить, за что?

– Скажите.

– Скажу, – поручик снова помолчал. – Прежде всего за то, что отправил вас с матерью на самые тяжелые работы.

– Мы каторжанки...

– Прежде всего вы женщины.

– На шахте работает много женщин.

Гончаров посмотрел на девушку, неожиданно произнес:

– Обещаю, что закрою шахту и переведу всех на человеческие работы.

– Здесь есть такие? – усмехнулась она.

– Есть. Женщины будут работать в поселке. – Никита встал, налил из самовара теплой воды, жадно выпил. – И следующее... Я хочу, чтобы вы простили меня за пьяную выходку.

– Я ее уже не помню.

– Неправда. Это не просто забыть.

– Я забыла.

И здесь произошло нечто совершенно неожиданное. Поручик сжал лицо ладонями и стал плакать горько, безутешно, как плачут маленькие дети.

Воровка медленно поднялась, подошла к нему, прижала его голову к себе, замерла.

Никита долго не мог успокоиться, затем стал целовать ее руки, одежду, бормоча:

– Я едва не сошел с ума. Вы не можете представить, что со мной происходило. Бессонные ночи, ненужные дни, головная боль до воплей, содранные в кровь пальцы, – он показал

ей исцарапанные, искусанные пальцы. – Видите? Я не мог жить так дальше. Я не мог больше ждать. Я должен, я обязан вас видеть. Я люблю вас. Слышите, люблю, люблю!

Михелина опустилась на колени, стала целовать его мокрое от слез лицо, глаза, губы. Поручик отвечал взаимностью. От счастья, восторга он не мог все еще успокоиться. Затем они опустились на пол, и их ласки продолжались здесь.

После этого была постель. Она была первой и для девушки, и для молодого человека. Ласки, страсть, нежность были бесконечными. Бесконечным было и познание друг друга, от которого влюбленные потеряли счет времени, забыли о стенах, в которых находились, не замечали наступающего утра.

...Михелина вернулась в барак, когда каторжанки уже проснулись, толпились возле умывальника, причесывались, натягивали одежду.

При появлении молодой воровки все затихли. Она, слегка покачиваясь и улыбаясь, прошла к матери, крепко обняла ее, прошептала в самое ухо:

– Я буду спать, мамочка... Мне разрешили.

Сонька без слов откинула одеяло, помогла дочке прямо в одежде улечься, бросила:

– Спи... Поговорим потом.

Перед встречей с Гришиным князь Икрамов провел короткое разносное совещание со следователями Потаповым и Конюшевым. Они были вновь не совсем готовы к разговору, что вызывало прямое раздражение Ибрагима Казбековича.

– Как я понимаю, никаких новостей о банковских грабежах у вас нет, и в ближайшее время они вряд ли появятся?

– На подобное, ваше высокородие, наскакивать аллюром вряд ли стоит, – вежливо и холодно объяснил Конюшев. – Мы работаем с агентурой, разрабатываем варианты по направлениям, а их более чем достаточно – от политических до откровенно криминальных, не считая залетных гастролеров.

– Это все?

– Увы. Но мы не стоим на месте, ваше высокородие. Если учесть...

– Учитывайте не в моем кабинете... У вас такая же песня? – посмотрел князь на Потапова.

– Не работа, а песня, – попытался отшутиться тот.

– Если нечего сказать, пойте!

Следователь смутился, забормотал:

– Мы, ваше высокородие, восстанавливаем былые связи, завязываем крючочки, занимаемся более глобальными проблемами.

– Глобальными? – удивился князь. – Россия и без того уже ими завалена! Масштабов уйма, дел никаких.

– Если позволите...

– Позволю, когда будете готовы! Каждое утро ровно в девять доклад о ходе работы!

– Разумеется, – склонил голову Потапов. – Но должен повторить, ваше высокородие...

– Каждое утро ровно в девять.

– Будет исполнено.

– Если господин следователь в приемной, приглашайте.

Они откланялись и покинули кабинет.

В приемной помощник разбирал бумаги. Гришина же пока видно не было.

Следователи переместились в коридор, и Потапов недовольно произнес:

– Он или полный солдафон, или идиот.

– И не то, и не другое, – возразил Конюшев. – Во-первых, наверняка его поджигает обер-полицмейстер. А во-вторых, учитывайте темперамент князя и самолюбие. Хочется

все и сразу! Думаю, со временем он войдет в новую стезю, и даже нам будет чему у него поучиться.

– Ну, это уж, батенька, вы перегнули.

– Поживем, увидим.

Из глубины коридора слышались тяжелые шаги, и вскоре появился Егор Никитич Гришин, мрачный и задумчивый.

Обменялись рукопожатием, Гришин спросил:

– Меня ждете?

– Вас ждет князь, а мы всего лишь стряхиваем пыль сапог, – ответил Потапов.

– Получили по полной?

– Пока разминочно, – засмеялся Конюшев. – Если не возражаете, совет. Меньше говорите, больше слушайте.

Князь при появлении Гришина даже вышел из-за стола, протянул руку:

– Рад визиту. Каково настроение?

– Рабочее.

Икрамов вернулся на место, следовательно уселся напротив.

– Слушаю, ваше высочордие, – произнес он.

Князь улыбнулся.

– Я бы желал вначале выслушать вас.

– Меня? Я пока пуст, как бутылка из-под вина.

– И никаких соображений?

– Самые крохотные.

– Изложите их мне.

Гришин вытер рукавом вдруг вспотевший лоб.

– Вначале два условия, князь. Во-первых, прошу не касаться скандала, который случился со мной несколько лет тому назад.

– Самострел?

– Именно так.

– Второе?

– Я прошу дать мне полную свободу в поисках материала. Никакого давления, спешки, недоверия. Я соскучился по работе, и не в моем интересе затягивать ее, плутать, врать. Предпочитаю действовать честно, без моргания глазами.

– Я принимаю ваши условия, – кивнул Икрамов.

– И третье...

– Все-таки третье?

Гришин поднял на него тяжелые, навывкате глаза.

– Жалованье. Оно должно быть достойным, чтобы не думать о куске хлеба, который я должен принести в семью.

– Хорошо, – согласился князь. – Я доложу господину обер-полицмейстеру, и, думаю, он решит этот вопрос, – помолчал, снова улыбнулся. – Теперь соображения по работе, Егор Никитич?

Тот сложил ладони лодочкой, подумал.

– Я уже встречался с Мироном Яковлевичем, и мы наметили некий план действия. Начнем с того, что занесем в картотеку всех особ женского пола, имеющих увечья надбровной части лица.

– Как вам это удастся и насколько быстро?

– Вас торопят?

– Есть такое.

– Через своих агентов, ваше высокородие, мы соберем сведения, систематизируем их, после чего начнем вести тщательную слежку за наиболее вероятными личностями.

– А почему увечья именно надбровной части лица?

– Дама, возглавлявшая налеты, прикрывала черной повязкой как раз этот лицевой сегмент. Не думаю, что ею руководило желание эпатажа. Скорее всего, некое увечье. А это уже серьезная зацепка.

– Но возможны и другие варианты наличия той же кисеи или повязки на глазу? Например, желание максимально скрыть лицо.

– Зачем?

– Понятно, зачем. Повести полицию по ложному следу, сбить с толку, максимально запутать историю.

– Нет, ваше высокородие. Преступники в своей массе много глупее, чем мы себе представляем. Составлять хитроумные схемы, чтобы самим же в них запутаться – это не для наглого и бесцеремонного налета. Поверьте моему опыту, все значительно проще и натуральнее.

– Хорошо, – поднял ладони Икрамов. – Вы много опытнее меня в вашем ремесле, поэтому я доверяю вам. Просьба... Если у вас появится некая ясность в ведении дела, обязательно проинформируйте в первую очередь меня.

– Можете в этом не сомневаться, ваше высокородие, – Гришин пожал протянутую руку Икрамова и покинул кабинет.

...Был ранний вечер. Варвара Антошкина уже покинула кабак на Конюшенном, где провела не один час в бесполезном глазении на полупьяных и пьяных мужиков, стала ловить случайного извозчика. И вдруг от неожиданности даже застыла.

В кабак направлялись два господина, и один из них был азиат.

Антошкина отмахнулась от подкатившего лихача, поискала глазами возможного городского и увидела его на другой улице в каких-то ста шагах.

Заспешила к нему.

– Чего тебе? – недовольно спросил тот, видя спешащую к нему деваху.

– Слушай сюда, – торопливо заговорила та. – Зови еще пару фараонов, возможно, будем крутить одного господина.

– Совсем сбрендил, манька? – возмутился городской. – Гляди, как бы саму сейчас не скрутил в участок.

Антошкина достала из кармана нижней кофточки филерскую бляху, сунула ему чуть ли не под нос.

– Понял? Зови подмогу и топчитесь возле того кабака.

– Долго топтаться?

– Пока не появлюсь. А как свистну, сразу его и хватайте. Косенький такой, азиат!

Городовой с недоверием посмотрел ей вслед, затем поспешил в сторону двух полицейских, прогуливавшихся на углу Невского и Екатерининского канала.

В кабаке половина столов была свободна. Варвара бегло оглядела помещение, наметанным глазом вмиг поймала азиата и его приятеля в дальнем углу – это были Жак и Китаец, – направилась к соседнему с ними столику.

Громко отодвинула тяжелый стул, рухнула на него грузно, со вздохом.

– Половой!

Половой подошел сразу, поинтересовался:

– Решили вернуться?

– Не твое поганое дело!.. Вина бутылку!

– Французского или подешевле?

– Пьем только французское!

– Слушаюсь, госпожа.

Половой ушел выполнять заказ. Антошкина обвела неуверенным взглядом зал, остановилась на соседях. Они о чем-то почти неслышно спорили, и состояние у них было довольно нервное.

– Кавалеры! Ку-ку! – позвала Варвара. – Не желаете разделить одиночество прелестной дамочки?

– В следующий раз, – отмахнулся Китаец и снова углубился в разговор с Жаком.

Половой принес бутылку вина, при клиентке откупорил ее, дал попробовать девице. Она одобрительно кивнула.

– Наполни.

Тот исполнил распоряжение и удалился.

Варвара подняла бокал, кокетливо позвала:

– Мужчинки!.. Ваше драгоценное! – выпила, посидела какое-то время, снова налила вина. – Господа! – поднялась, направилась к соседям. – Умоляю, развлеките женщину. У нее сегодня препоганое состояние! – опустилась на свободный стул рядом с Китайцем, попыталась положить ему руку на плечо. – Как тебя кличут, милый?

Он довольно грубо сбросил руку, так же грубо ответил:

– Ишаком! Который не только возит, но и брыкается!

– Так вы Ишачок?.. Очень дивное животное. Обожаю ишаков.

– Пошла отсюда!

– Нехорошо... Очень плохо так с девушкой разговаривать. И потом такие резкие жесты!.. Не только ишак, но и быдло!

– Мадемуазель, – вмешался Жак, – мы закончим беседу и непременно уделим вам внимание. Будьте любезны, посидите пять минут за своим столиком.

– Но он хамит!

– У него сегодня тоже дурное состояние.

– А мне плевать!.. Сегодня я ушла от мужа, и мне необходимо с кем-то побеседовать. Иначе подохну!

– Потом... Чуть погода, сударыня. Мы к вам скоро подсядем.

– А вы, мой косенький ишачок, тоже обещаете?

Антошкина попыталась погладить Китайца по голове, но он с такой силой оттолкнул ее, что дама свалилась со стула и грохнулась на пол, пролив вино.

– Бьют! – заорала. – Убивают!.. Половой, зови городского!

Тот бросился ее поднимать, но она продолжала кричать:

– Городового зови, сказала!.. Покалечили!.. Избили!

Жак быстро бросил на стол рублевую купюру и вместе с Китайцем заторопился к выходу.

– Держи их! – вопила Антошкина, поднимаясь и настигая мужчин. – Где полиция!.. В участок паразитов! Половой!

Обслуга кабака, привлеченная скандалом, столпилась на входе в поварскую, половой метнулся звать городского. Варвара тем временем догнала Китайца, вцепилась в пиджак.

– Что ж, изувер, натворил?.. За что изуродовал невинную и несчастную?.. В острог тебя, в острог!

Жак отшвырнул девицу, подтолкнул товарища к входной двери, и они вывалились на улицу.

Антошкина не отставала. Увидела городского и двух полицейских, метнулась к ним.

– Полиция!.. Городовой!.. Держите их! Особенно косоглазого! Ишака чертова!.. Избил женщину, покалечил!

Городовой умудрился перехватить убегающего Китайца, прижал к стене.
– Стоять!.. Не двигаться! Немедля в участок! – и принялся дуть в свисток.

Жак метнулся прочь, полицейские бросились было за ним, однако он нырнул в ближайшую подворотню, запетлял во дворах, затерялся, слыша за спиной свистки полицейских.

Мирон Яковлевич в раздумье ходил по следственной комнате. На сидящего на табуретке Китайца не смотрел, собирался с мыслями.

– Значит, еще раз... Фамилия, имя и по батюшке.

– Петров Иван Михайлович, – ответил Китаец, трогая ссадину на лице.

– Все, значит, русское, а мордоварня не русская. Так получается?

– Я крещен, ваше благородие, – ответил Китаец. – Можете проверить по церковным книгам.

– Проверим. Непременно проверим. – Миронов остановился напротив допрашиваемого. – За что набросились на девушку?

– Не набросился. Толкнул... Потому как приставала.

– К вам?

– И ко мне, и к приятелю.

– Приятель где?

– Не знаю. Сбежал, видать.

– Сбежал?

– Сбежал. Испугался. Полиция засвистела, вот и дристанул.

Мирон Яковлевич опустил на стул напротив.

– Будем, Иван Михайлович, по-честному?.. Или маленько поиграем в разговорилню?

– А я только по-честному, ваше благородие.

Тот протянул руку назад к столу, взял папку с бумагами, полистал ее, достал карандашный рисунок с физиономией Китайца, протянул задержанному.

– Вы?

Тот посмотрел на портрет, покрутил головой.

– Похож, но не я. Мы, китайцы, все на одно лицо.

– Что верно, то верно, – согласился сыщик. – Вы для нас на одно лицо, мы для вас, – достал портрет Таббы и Беловольского. – Из этих лиц кого-нибудь знаете?

– Нет... Никого, – покрутил Китаец головой, заметно сглотнув сухость в глотке.

– Определенно не знаете?

– Как перед матерью клянусь. А они кто? – кивнул допрашиваемый на рисунки.

– Кто?.. Бандиты. Налетчики! Банки потрошат.

– И госпожа тоже?

– И госпожа тоже. Знаете ее?

– Ответил же, нет. Первый раз вижу.

Миронов положил папку снова на стол и, подперев подбородок кулаками, уставился на допрашиваемого.

– Иван Михайлович... Господин, который попадает сюда по подозрению, крайне редко выходит на свободу невиновным. Мы просто так, случайно, никого не задерживаем. Девушка, которую вы обидели, агент. Наш агент. Она спровоцировала, вы поддались. И теперь беседа у нас с вами будет длинной и трудной.

– Она была выпивши и подседа случайно.

– Значит, хорошо справилась с заданием. Ей выпишут за это хорошее жалованье, а с вами придется работать.

Китаец снова сглотнул сухость в горле, вдруг севшим голосом произнес:

– Мне нужен адвокат.

– Разумеется. Вы назовете нам имя подельника, который сбежал, и он приведет вам адвоката.

– Я не знаю, где его искать.

– Скажите имя и фамилию, мы найдем.

– Не помню. Не знаю.

Миронов улыбнулся.

– Из собственного опыта скажу, Иван Михайлович. Когда задержанный на все вопросы отвечает – не знаю, не помню, значит, его надо чуть ли не сразу отправлять в острог. Это проверено и подтверждено, – глубоко и едва ли не печально выдохнул, повторил вопрос: – Так кто сия дама под вуалью?

– Не знаю, клянусь.

– Вы в банде недавно?

– Почти год уже... Но даму мне не представили. Называла себя Виолеттой Мишиц.

– Возраст?

– Молодая.

– Что у нее с лицом?

– Не знаю, повязка.

– Под повязкой?

– Мне неизвестно. Вроде как глаз перевязан.

Миронов взял портрет Беловольского.

– Это кто?

– Подельник.

– Один из главных?

– Мадемуазель, похоже, главнее.

– Имя, фамилия?

Лицо Китайца вспотело.

– Тоже не знаю.

– Как же так? – ухмыльнулся Мирон Яковлевич. – В банде действуешь, а подельников не знаешь.

– У них конспирация. Особая. Тасуют как карты. Чтоб не успели перезнакомиться. Никогда на дело одной и той же командой не посылают. Мы даже адресов друг дружки не знаем. Перед делом вот этот господин... – он потянулся к папке, нашел портрет Беловольского. – Он объезжает всех и назначает место и время встречи.

– Оружие где берете?

– Оружие тоже он выдает. Перед самым налетом. Потом забирает. Там у них все четко.

– Организация как называется?

– Политические. Кажись, эсеры... Они главным образом по бомбистам и налетам.

Миронов удовлетворенно крикнул, потер сухие ладони.

– И все же, Иван Михайлович... Давайте без крутежки... Сбежавший господин... вы ведь с ним сидели в кабаке, беседовали, даже выпивали. И не знаете даже имени?

– Имя знаю. Жак. Но, думаю, это погоняло.

– Дальше?

– После налета на банк мы больше не виделись. А встретил я его случайно. Возле Апраксина двора... Нам не заплатили за работу. Ну, за налет. Точнее, заплатили, но мало.

– Сколько?

– По тридцать рублей.

– Не густо. А в банке взяли сколько?

– Газеты писали – полтора миллиона.

– А вам всего по тридцать?

– Поэтому в кабаке и горевали. Пока эта лярва не подсела. – Китаец помялся, неожиданно спросил: – А по какой статье я пойду?

– Естественно, по политической.

– Как – по политической?.. Я же вор! Какая у меня политика? Круглое таскать, плоское катать! А этих политических сук я терпеть не могу!.. Они, ваше благородие, страшнее даже убийц! Те хоть за дело убивают, а эти за идею. А идея – это что такое? Это вроде запаха от человека!.. Вот, к примеру, не понравился мне ваш запах, я вам немедля в лоб пулю!

Мирон Яковлевич с довольным видом потер ладони, прошелся из угла в угол комнаты.

– Очень хорошо, Иван Михайлович... Будем договариваться.

– О чем? – спросил тот настороженно.

– О сотрудничестве. Вы поможете нам, мы – вам.

– А в чем я могу помочь?.. Я ведь даже не знаю, где кого искать.

– Подумаем вместе, прикинем. Тут главное, без горячки. Не спеша, толково, с расстановкой. А там, глядишь, и вырулим на кого-нибудь из ваших корешей. Правильно я рассуждаю?

Китаец пожал плечами, неуверенно ответил:

– Наверно.

Глава четвертая

Сговор

Жак спал в своей съемной комнатухе крепко, не чувствуя ни жесткого матраца, ни панцирной сетки. Очнулся от того, что в дверь кто-то резко и длинно позвонил.

Вскочил, сбросил ноги на пол и некоторое время не мог сообразить, где он и кто звонит. За окном было темно.

В дверь комнатухи тут же постучали, и квартирная хозяйка по-вороньи прокаркала: – Господин Жак!.. Вы дома? К вам пришли?

Жак пятерней разгреб волосы, вытер рукавом ссохшиеся губы, вышел из комнаты. Спросил хозяйку, сморщенную как годовалый соленый огурец:

– Кто спрашивает, мадам Ульяна?

– Мужчина. Стоит на площадке, ждет.

– Одет как?

– По-вашему, я его разглядывала? По-людски одет.

– Не в мундире?

– Вы, господин Жак, или с перепоею задаете такие вопросы, или со сна. Открывайте дверь и сами все увидите.

На площадке стоял собственной персоной господин Беловольский.

– Спите, что ли, господин хороший? – недовольно поинтересовался гость и переступил порог.

Выглянувшая из своей комнаты хозяйка изобразила что-то похожее на поклон и исчезла.

Беловольский увидел открытую дверь, направился туда. Жак шел за ним.

– В темноте, что ли, живете? – все тем же недовольным тоном спросил визитер и включил свет.

Оба поморщились от яркости. Беловольский сел на продавленный стул.

Жак опустился на кровать, предварительно затянув ее серым одеялом.

Гость неторопливо достал из внутреннего кармана пиджака плотное портмоне, вынул оттуда две сотенные бумажки, положил на стол.

– Вот развожу дополнительное вознаграждение за проведенную операцию в банке. Чтобы не было нареканий и неудовольствий. Руководство благодарит вас, все было четко и даже отчаянно смело.

Жак взял деньги, сунул их под матрац.

– Благодарю... А мы, грешным делом, даже гневались, что мало заплатили.

– Мы – это кто?

– Мы с Китайцем.

Беловольский удивленно вскинул брови.

– Вы с ним встречаетесь?

– Случайно. Возле Апраксина двора. Затем даже в кабачишко заглянули.

– То-то днем спите, – гость поднялся, исподлобья взглянул на Жака. – Рекомендую больше ни с кем не встречаться. С Китайцем в том числе. Мы это пресекаем в корне. Вы меня поняли?

– Так ведь случайно!

– Не приведи господь, чтоб случайность не перешла в закономерность. – Беловольский руки подавать не стал, шагнул к двери. На пороге остановился. – Вскоре будет новое дело, вас за день предупредят, – и покинул комнату.

Проводив гостя, Жак вернулся в комнату, остановился напротив иконы Спасителя и Божьей Матери и принялся истово молиться.

– Господи Иисусе Христе... Матерь Божья, Царица небесная... Защитите меня и спасите от гнева Господня, от руки, зло приносящей, от помысла, в грех вводящего... Грешен, Господи, сильно грешен, за что, недостойный, каюсь и бью челом к ногам Твоим, Господь мой милосердный и справедливый...

В оперетте давали «Веселую вдову».

Народа при входе в театр толпилось предостаточно. Традиционно на ступеньках играл духовой оркестр – в этот раз он радовал публику модными аргентинскими танго, кареты и пролетки сменялись автомобилями, дамы благоухали, мужчины были галантны и предупредительны.

Табба прибыла к театру в пролетке, и узнать ее было практически невозможно. Голову ее украшал роскошный каштановый парик, который вполне походил на естественные отлично уложенные волосы, на переносицу были надеты очки в тончайшей серебряной оправе, платье могло поразить даже самых искушенных модниц.

Расплатившись с кучером, госпожа Блювштейн поднялась наверх по ступенькам в поисках своего партнера.

Барон Красинский, одетый в отлично скроенный вечерний костюм, был уже на месте.

Табба приблизилась к нему, сделала маленький изящный книксен.

– Добрый вечер, барон.

Он не сразу узнал ее, от неожиданности вскрикнул:

– Боже, это вы?

– Я вас предупреждала, – бывшая актриса улыбалась. – Вы могли остаться без дамы, не узнав меня.

– Господи, вы прелестны! – барон все еще не мог прийти в себя. – Вы так прелестны!.. Табба, милая...

– Тс-с-с... – приложила она палец к губам и тихо предупредила: – Здесь нет Таббы, а есть, скажем, мадемуазель Бэрримор.

– А имя?.. Имя какое у нас?

– Жозефина Бэрримор.

– Отлично!.. Мадемуазель, я, практически, влюбился в вас! Я начинаю терять голову.

– Держите себя в руках, барон. Главное, не потеряйте меня.

Они направились к главному входу в театр, вошли в фойе, которое было знакомо Таббе до мелочей, стали подниматься по широкому лестничному маршу.

Изюмов стоял почти на самом верху лестницы, любезно приглашая гостей в театр, раскланивался, улыбался, за что-то благодарил.

Увидев Красинского со спутницей, он согнулся едва ли не в три погибели, проворковал:

– Милости просим, господа. Уверяю, вас ожидает незабываемое зрелище! Как бы от нашей «Веселой вдовы» не стать «Веселым вдовцом»!

Бывшая прима в знак приветствия едва заметно склонила голову, а барон поинтересовался:

– Гаврила Емельянович у себя?

– Должны быть у себя. Как доложить?

– Барон Красинский с дамой.

– Сей секунд!

Изюмов заторопился наверх, барон хотел что-то сказать Таббе, но она опередила его:

– Вы хотите познакомить меня с ним?

– Почему бы нет? Любопытно посмотреть, как этот прохвост будет виться перед вами.

- Думаете, он узнает меня?
- Не приведи господь!.. Вас мать родная не узнает! Он с ума сходит от эффектных дам, а здесь тот самый редкий случай... Вы ведь хорошо знакомы с Гаврилой Емельяновичем?
- Мягко говоря.
- Значит, вам также имеет смысл понаблюдать за этой сволочью.
- У вас к нему счеты?
- Да, пару лет я меценатствовал над театром, вложил в его бездарей не одну тысячу золотых, но обещание, которое давал мне сей прохвост, так и не было выполнено.
- Вы желали молоденьких актрис? – насмешливо спросила Табба.
- Зачем же так? Я желал его связей с премьер-министром, но все оказалось пустой болтовней.
- Сверху спускался Изюмов.
- Гаврила Емельяныч ждет вас и вашу спутницу, барон, – сообщил он. – Проводить?
- Нет, любезный, я отлично знаю все дороги в этом храме искусств, – ответил Красинский. Табба взяла его под руку, и они двинулись вверх.
- Благодарствую за прекрасные слова, барон! – выкрикнул тот вслед им.
- Гаврила Емельянович при появлении в кабинете барона со спутницей вышел из-за стола, развел руки, двинулся им навстречу.
- Боже... Барон! Сколько студеных зим и знойных месяцев прошло после нашей последней встречи?! – приобнял, заглянул в глаза. – Вы решили вычеркнуть меня из своей жизни?
- Если вычеркну, то только кровью! – отшутился Красинский.
- Филимонов громко рассмеялся.
- Это почти как клятва! Да, да! Только кровью! – и тут же перевел взгляд на Таббу. – Я сойду с ума. Барон, что вы со мной делаете?! Кто эта восхитительная барышня?.. Мадемуазель, кто вы?
- Жозефина Бэрримор, – грудным голосом произнесла девушка, подавая руку.
- Вы англичанка?
- По отцу.
- Но вы в совершенстве владеете русским!
- Потому что я выросла в России.
- Но голос... Боже праведный, какой голос! Вы – актриса?
- Слишком много вопросов для первого раза, – улыбнулась гостя.
- Но я все равно не успокоюсь! – Гаврила Емельянович снова поцеловал руку, перевел взгляд на Красинского. – Барон, признавайтесь – кто это чудо и зачем вы разбиваете мое несчастное сердце?!
- По-моему, Жозефина ответила почти на все ваши вопросы.
- Нет, не на все! – воскликнул директор. – В вас, мадемуазель, заложен талант актрисы! По стати, голосу, манерам! Неужели никогда не выходили на сцену?
- В девичестве. В имени папеньки.
- Филимонов повернулся к Красинскому.
- Обещайте, барон! Вы дадите мне возможность вывести хотя бы раз вашу прелесть на подмостки! Пусть ощутит запах кулис, оркестровую яму, пугающую глубину зала! И она навсегда останется пленницей театра!
- У вас, Гаврила Емельяныч, таких пленниц более чем достаточно!
- Ах, оставьте! Не добивайте мою раненую душу, барон! Кто? Где они эти неслыханные голоса и пластика, от которых театр сходил бы с ума.
- Ну, к примеру, ваша новая прима мадемуазель Добровольская. Разве она плоха?

– Без комментариев, разрешите?! Нет, она прелестна! Даже талантлива! Но не то!.. Не то! Разве можно сравнить ее с некогда потрясавшей эти стены госпожой Бессмертной? Вы помните ее?

– Разумеется. Лично ждал с цветами, сходя с ума!

– Да разве только вы сходили с ума? Весь Петербург!.. Россия сходила с ума!

– И где же сейчас ваша любимая прима? – спросила Табба, глядя на директора сквозь изящные очки...

– Бог ее знает, – развел руками Гаврила Емельянович. – Пропала, исчезла, канула! Сочиняется много глупостей, но никто достоверно ничего сказать не может, – оглянулся, показал в сторону двери. – Видали швейцара на ступеньках?

– Молодой симпатичный господин, – кивнул барон.

– Молодой, симпатичный?.. Мразь! Именно на совести этого прохвоста лежит судьба моей любимицы... Неужели не слышали? Любовь, дикая ревность и в итоге револьвер! Половину лица снес, сволочь!

– Вы взяли его на работу?

– А куда денешься?.. Жалко стало. Просился было снова в артисты, но кто ж его возьмет. Во-первых, бездарен. Во-вторых, вдруг опять в кого-нибудь пальнет!

Послышался третий звонок, директор засуетился. – Все, господа, пора! Обморока не обещаю, но настроение поднимется, – проводил до двери, достал из карманчика визитку, шутливо погрозил Таббе: – Смотрите, смертельно обижусь, если не позвоните!.. Обещайте! Вы можете пройти мимо своей судьбы... В этих стенах может родиться новая прима! Позвольте этой прелести откликнуться на мою просьбу!

Тот рассмеялся.

– Для полезного дела, разумеется, позволю. Но не более! Я ревнив до неприличия!

– Ни малейшего повода, барон, для ревности не будет, – приблизил к нему лицо директор. – Вы ведь, сударь, меня знаете. Чист и кристален, как рождественский снег!

– Уж это-то я знаю, – кивнул тот.

Табба взяла Красинского под руку, и они покинули кабинет, сопровождаемые задумчивым взглядом директора.

После спектакля, уже выходя из театра, барон взглянул на рассеянную и как бы отсутствующую Таббу, спросил:

– Вы так потрясены «Веселой вдовой»?

Она пожала плечами, усмехнулась.

– Нет, здесь другое.

– Представили себя на сцене?

– В какой-то степени. Но не это главное, – она остановилась, помолчала, пропуская обсуждающую спектакль публику. – Я вдруг почувствовала свое бесконечное одиночество. И мне стало страшно.

– Одиночество? У вас нет друзей?

– У меня никого нет.

– А я, ваш покорный слуга?

– Не надо шутить, барон. Я говорю о серьезных вещах.

– Я не шучу. Вы мне нравитесь, я готов быть рядом, когда прикажете.

– Когда любят, не приказывают. Вы мой коллега, барон. Подельник. И, возможно, наши судьбы сложатся так, что наша могила станет общей.

– Табба!.. Какие страшные вещи вы говорите? Кругом жизнь, народ, веселье, а вы в странной тоске. Окститесь, милая!

Она взяла его за лацкан пиджака, приблизила лицо почти вплотную.

– Нет жизни, нет народа, нет веселья. По крайней мере, для меня. Есть только тягостное ожидание конца! Подсасывает под ложечкой, и я знаю, что скоро все закончится.

Неожиданно мимо прошел следователь Гришин, который бросил нечаянный взгляд в их сторону и вдруг замер. Подошел к ним, внимательно посмотрел на девушку, приподнял шляпу:

– Простите, я ошибся, – и зашагал дальше.

– Кто это? – почти шепотом спросил Красинский.

– Следователь из департамента полиции.

– Мне кажется, он вас узнал.

– Нет, не узнал. Но что-то ему показалось.

– Идемте отсюда, – барон поддержал под локоток бывшую приму, и они стали спускаться по ступенькам.

Неожиданно она остановилась, с улыбкой сообщила партнеру:

– Но я все-таки навещу еще Гаврилу Емельяновича.

– Я бы этого не делал.

– А вы и не будете. Он ведь только мне сделал предложение.

Господин Филимонов был крайне удивлен, когда на пороге его кабинета в сопровождении Изюмова возник Егор Никитич Гришин.

– Свят, свят... Вы ли это, Егор Никитич?

– Не признали? – усмехнулся тот, проходя вглубь кабинета.

– Признать-то признал, а вот явлению изумился, – ответил директор и махнул Изюмову: – Чего торчишь?... Ступай, пока не позову!

– Благодарствую, – поклонился тот и исчез.

– Воспитываете холуев? – любопытствовал следователь, без разрешения усаживаясь на стул.

– Жизнь без преданных холуев скучна и опасна, – ответил Гаврила Емельянович и в свою очередь спросил: – Вы ко мне надолго?

– Вы торопитесь, Гаврила Емельяныч?

– Есть маленько. Спектакль ведь уже закончился.

– Полчаса, не более, – Гришин закинул ногу на ногу, закурил. – Любопытную мадемуазель на выходе я встретил только что. Нечто бесконечно знакомое, но никак не могу вспомнить, кто она.

– Которая?

– Яркая брюнетка в тонких очечках.

– С бароном Красинским?

– Господина я не знаю.

– Ну, как же?! Меценат, промышленник, неутомимый ловелас!.. А барышня с ним ныне была действительно исключительная. По крови англичанка, хотя родилась в России.

– Любопытно, – бросил Гришин, затягиваясь. – А я ведь, Гаврила Емельянович, снова при должности и петлицах.

– Вас восстановили?

– Представьте.

– И вы снова будете морочить мне голову всевозможными подозрениями и расследованиями?

– И этого не исключаю. Но побеспокоил я вас, любезный господин директор, по одному деликатному вопросу, – Егор Никитич загасил окурок. – Могу ли я вам доверять полностью и без опасений?

– Но до этого вы ведь мне доверяли? – воскликнул Филимонов.

– Откровенно, не всегда... Так вот. По моим сведениям, несколько дней тому театр посещал князь Икрамов.

– Да, такой факт имел место.

– Что его привело сюда?

– Любопытство.

– Он заядлый театрал?

– Этого я не заметил, – директор налил себе воды из графина, выпил. – Его интересовала судьба бывшей примы госпожи Бессмертной. Помните такую?

– Ну, как же? Дочка знаменитой Соньки. Кстати, где она сейчас?

– Вот этим интересовался и князь.

– Он имел роман с примой?

– По слухам, да. Но я, Егор Никитич, свечку не держал.

– Жаль, что не держали, – усмехнулся Гришин. – Больше бы толка было от разговора.

Лицо Филимонова от обиды побагровело, стало жестким.

– У вас еще какие-нибудь вопросы, господин следователь?

– По некоторым данным, бывшая прима продолжает проживать в доме Брянских.

– Если у вас, господин следователь, есть подобные данные, так проверьте их! Проверьте и не морочьте мне голову!

Егор Никитич поднялся, взял шляпу.

– Невежливо после стольких лет отсутствия, Гаврила Емельянович. Невежливо... Но я все-таки буду навещать вас. А вдруг мы окажемся полезны чем-нибудь друг другу! – едва поклонился и покинул кабинет.

Директор выждал какое-то время, резко позвонил в колокольчик.

– Изюмова ко мне! – приказал заглянувшей в кабинет секретарше.

Налил четверть рюмки коньяка, залпом выпил.

Николай приоткрыл дверь нерешительно, с опаской.

– Звали, Гаврила Емельяныч?

– Войди.

Тот прикрыл дверь, возле стола остановился.

– Помнишь этого господина, который только что вышел от меня?

– Так точ... Вернее, помню. Следователь из департамента полиции.

Филимонов подошел к нему.

– Вбей в свою безмозглую костяную голову. Ни единого слова, никакой информации о себе, о театре, об актерах, обо мне. Ты меня понял?

– Понял, Гаврила Емельяныч. Буду молчалив, как сфинкс на Стрелке.

– На какой Стрелке? – не сразу понял Филимонов.

– Ну, на Васильевском острове!.. Сфинкс!

– Ладно, ступай отсюда, Сфинкс!.. И думай о задании, какое я тебе определил.

– Из головы не выходит, Гаврила Емельяныч, – Николай плечом нажал на дверь и вывалился из кабинета.

Заметно потеплело, снег стал рыхлее и принялся прямо на глазах оседать, воронье ожило и заполнило пространство громкими криками.

Было почти темно, когда Сонька пришла в лачужку Михеля. Он услышал шаги, вышел навстречу. Воронка прошла мимо него, опустилась на нары, молча уставилась перед собой.

– Соня... Ты чего? – прошепелявил Блювштейн. – Чего такая?

Она не ответила, продолжала смотреть в одну точку.

– Что-нибудь с дочкой?

– С дочкой, – кивнула она.

- Начальник?... Он что-то сделал с ней?
- Она наконец повернулась к нему, глухо произнесла:
- Миха беременна.
- Что?!
- У нее будет ребенок.
- От поручика?
- Ну, не от тебя же.
- Я убью его!

Сонька придержала шагнувшего к выходу мужа, с кривой ухмылкой объяснила:

- Я бы сделала это раньше тебя. Но этим делу не поможешь.
- Он пакостник!.. Подстерегу и задушу!
- Я за советом пришла, а не за расправой. Присядь.

Михель сел рядом, помолчал какое-то время, потом спросил:

- Когда это случилось?
- Случилось!
- Он ее... насильничал?
- Нет, по согласию. По любви.
- А он?
- Говорит, тоже по любви.
- Нужно бежать. Погода на весну повернула.
- Куда бежать, если девка с брюхом? – хмыкнула воровка.
- Может, и хорошо, что с брюхом.
- Чего ж в этом хорошего?
- Если он к девке расположен, то обязан организовать побег.
- Как?
- Засунет нас на пароход, – глаза Михеля блестели. – Не слыхала, когда привезут следующие арестантов?

- Вроде через месяц.
- В самый раз. И живота еще видно не будет, и до родов успеем добраться до Одессы.

Я поговорю с ним. Открою карты.

- И он тут же зачалит тебя за решетку.
- Не зачалит... Мы теперь в завязке! Поговорю, как мужик с мужиком.

Сонька с удивлением и даже уважением смотрела на него.

– А если он не пойдет на это? Миха родит здесь, а он, легкий и счастливый, отправится на материк.

– Вот тогда определенно я его убью, – жестко заявил Михель. – И материк его будет здесь, на Сахалине. Навечно!

Сумасшедший ошивался недалеко от дома Гончарова, выжидая хозяина. Расхаживал от улицы к улице, от зябкости хлопал себя по бокам, подпрыгивал, что-то бормотал.

На него никто не обращал внимания, лишь две местные собаки терпеливо ждали поодаль, когда он кинет им что-нибудь съестное.

Наконец поручик появился. Шагал быстро, озабоченно, не глядя по сторонам.

Михель двинулся навстречу. И лишь когда между ними осталось не более пяти метров, Никита увидел сумасшедшего.

Тот поклонился, попросил:

- Хочу поговорить... начальник.
- Что? – не сразу разобрал его невнятную речь Никита Глебович.
- Поговорить.

– Ты?.. Со мной? – удивился тот.

– Я с вами, начальник.

Гончаров в искреннем недоумении пожал плечами, усмехнулся.

– Говори.

– Не здесь... дома.

Никита оглянулся, даже пожал плечами, улыбнулся.

– В следующий раз, Михель. Сейчас некогда.

– Прошу, начальник... это важно.

Поручик внимательно посмотрел на божьего человека.

– Ты как-то странно сегодня говоришь, Михель. Ты в себе?

– У меня просветление, начальник, – сумасшедший улыбнулся, показав беззубый рот. –

Мне что-то надо сказать.

Никита Глебович снова пожал плечами.

– Ладно, пошли.

Они двинулись к дому Гончарова. Конвойный, дежуривший здесь, с крайним удивлением уставился на идущих, поручик махнул ему:

– Расслабься.

Поднялись на второй этаж, хозяин отпер дверь, пропустил Михеля вперед.

– Присаживайся, – сам уселся напротив. – Слушаю тебя.

– Я по поводу дочки, – как можно четче произнес сумасшедший.

– Какой дочки? – не понял Гончаров.

– Моей дочки. Михелины.

Никите Глебовичу показалось, что он сам начинает тихо сходить с ума.

– Михель... По-моему, теперь я сумасшедший. Или у тебя действительно просветление?

– Я нормальный, Никита Глебович, – с улыбкой прошепелявил тот.

– А я какой, по-твоему?

– Тоже нормальный. Поэтому нужно поговорить по-мужски.

– По-мужски?!

– Да, по-мужски.

– По-моему, теперь я сумасшедший, – Гончаров потянулся за пачкой папирос. –

Что тебе от меня нужно?

– Я убил поляка. Помните? После убийства ко мне вернулся разум.

– Бред.

– Я говорю правду.

– Как это возможно?

– Не знаю. Веление Господа.

Поручик выпустил густое облако дыма, жестко загасил окурок в пепельнице.

– Я сейчас вызову конвоира, и тебя засадят в карцер!.. Как симулянта!

– Не успеете, – спокойно ответил Блювштейн. – Я убью вас. И останусь дурачком.

Это будет третье мое убийство.

Никита ухмыльнулся, раздавил окурок в пепельнице.

– Идиот. Сумасшедший. Верно?

– Я отец девушки, которую вы обесчестили. Она ждет ребенка.

– Знаю.

– Вы так спокойно об этом говорите?

– А почему я должен волноваться?.. Я рад, что она беременна. Это наше общее решение.

– Вы хотите, чтобы она родила здесь?

– Не уверен. Не исключено, что я отправлю ее на материк. В Санкт-Петербург.
– Одну?
– Пока не решил.
– Она каторжанка. Вряд ли ей позволят покинуть Сахалин.
– Оп-па! Любопытный поворот. – Никита Глебович встал, сделал пару шагов по комнате, с иронией спросил: – Вы желаете составить ей компанию?
– Вместе с матерью, – сумасшедший снова улыбнулся, обнаружив почти беззубый рот. – С Соней.
– То есть я должен устроить вам побег?
– Да, побег. Возможно даже вместе с вами.
– Но я пока не каторжанин!
– Пока... Как только вы пожелаете решить судьбу Михелины, вас непременно отдадут под суд.

Гончаров остановился напротив сумасшедшего, некоторое время разглядывал его, заметил:

– Да, вы, сударь, действительно не сумасшедший, – направился к двери, толкнул ее. – Свободны!

Михель медленно поднялся, подошел к поручику, потянул дверь на себя, чтобы надзиратель не слышал разговора.

– Запомните, поручик... Я сумасшедший! Был им и остаюсь! Для каторжан, для поселенцев, для вас! Божий человек!.. А с божьего человека взятки гладки. Запомните это! – толкнул дверь и скрылся в полутьме коридора.

Сонька снова торговала в квасной лавке и ничуть не удивилась, когда сюда заявила Михелина и опустилась на лавку. Она отпустила мужика с бутылкой кваса, присела рядом.

– Это ты посоветовала Михелю явиться к Никите? – раздраженно спросила дочь.
– Я.
– Зачем?
– Чтобы поговорил с ним как мужчина с женщиной. Как твой отец.
– Он почти все сломал!
– Что именно?
– Доверие, уважение... любовь, в конце концов!
– Какая же это любовь, если так легко ломается?! А доверие и уважение?.. Откуда они у графа к воровкам?
– Он любит меня! – выкрикнула Миха, смазав слезы с лица.
– Вот пусть и докажет свою любовь делом.
– Каким делом?
– Михель ему все объяснил. Или господин начальник ничего тебе не поведал?
– Он угрожал ему!
– А как по-другому?.. Он твой отец.
– Никита не может устроить побег сразу троим! Он сам загремит на каторгу!
Сонька снисходительно усмехнулась.
– Тебе он может устроить?
– Не знаю!.. Будет стараться!
– Вот и пусть постарается сразу для всех – для тебя, для твоей матери и отца. Какая ему разница, за скольких каторжан отбывать каторгу?.. Или ты готова бежать, оставив здесь самых близких людей? Способна драпануть, зная, что здесь подохнет твоя мать?
– Конечно нет.
– Вот ты на все и ответила. Вытри сопли и успокойся.

Мать фартуком прошлась по ее лицу, дочка прижалась к ней, и некоторое время они молчали.

– А что же делать, Сонь?

– Прежде всего, береги нервы. Это может сказаться на ребенке, – мать зачерпнула из кадушки кружку кваса, отпила сама, дала дочке. – Он-то понимает, что тебе рожать здесь нельзя?

– Конечно, понимает.

– И что?

– Сказала же, будет стараться отправить меня ближайшим пароходом.

– Это пособничество в побеге, дочка.

– Его могут судить?

– По полной. Могут и пожизненную впаять.

Михелина посидела в раздумье, допила квас.

– А сколько месяцев добираться до Одессы?

– Почти полгода.

– А если я рожу прямо на пароходе?

– Воля Божья. Но лучше, чтобы все было по-людски.

С треском открылась дверь, и в лавку ввалились двое «вольных» – мужик и баба. Мужик заорал:

– Сонька, зараза!.. Угощай измученный народишко!.. Все изнутри почернело!.. Дымится, Соня!

Воровка поцеловала дочку в лоб и принялась наливать «измученному народишку».

Князь Андрей находился в приемной великого князя. Сидеть на диванчике, выставив ногу с протезом, было весьма неудобно, поэтому приходилось с раздражением менять положение, временами подниматься, поглядывать на часы и снова садиться.

Наконец, из высокой позолоченной двери вышел помощник великого князя, поставленным голосом спросил:

– Князь Андрей Ямской? Его высокопревосходительство ждут вас.

– Благодарю.

Андрей, сильно прихрамывая, направился к двери, адъютант предупредительно открыл ее, и князь вошел в просторный светлый зал, окна которого выходили на Неву.

Михаил Александрович вышел из-за стола, шагнул навстречу.

– Милости прошу, князь... Простите, что заставил вас ждать, – указал на позолоченный резной стул, сам сел напротив. – Как папенька с маменькой?

– С божьей помощью, – ответил Андрей.

– У вас, кажется, есть еще и младшая сестра?

– Да, ваше высокопревосходительство. Девица Мария.

– Замужем?

– Никак нет. Ей всего пятнадцать.

– Все равно жениха уже надо присматривать.

– Папенька с маменькой этим занимаются.

– И слава Богу. – Великий князь внимательно посмотрел на визитера, поправил на переносице тонкие очки. – Я ознакомился с вашим прошением на имя Государя. Можете в двух словах разъяснить мне смысл его?

– Там, ваше высокопревосходительство, все подробно изложено.

– Изложено, – согласился Михаил Александрович. – Но некоторые мотивации мне не совсем понятны.

– Думаю, я смогу на них ответить.

– Если вас это не затруднит. – Великий князь помолчал, подбирая нужные слова. – Вы намерены отправиться на Сахалин к девице, которая отправлена туда на каторжные работы?

– Именно так.

– И вами движут исключительно сердечные мотивы?

– Иных нет, Ваше Высокопревосходительство.

– Родители посвящены в вашу затею?

– Посвящены.

– Они одобряют ее?

Андрей почувствовал, как у него стремительно вспотели ладони.

– Не совсем. Скорее, нет.

– Ну, а вы-то сами понимаете всю проблематичность вашего намерения?

– Вы желаете меня отговорить от поездки, Ваше Высокопревосходительство?

– Ни в коем случае. Я всего лишь желаю проверить на прочность ваше желание, – Михаил Александрович взял щепотку нюхательного табака, поднес к ноздре. – Ваша избранница сердца – дочь известной международной аферистки, некой Золотой Ручки. Верно?

– Это имеет значение?

– Имеет. Вы живете в обществе, князь.

– Значит, в этом обществе я жить больше не буду.

– Но ваши родители?..

– Со временем, надеюсь, они поймут и простят.

– Вы, князь, получили увечье на войне! Вам трудно обходиться без посторонней помощи!

– Я уже привык.

– Знаете, сколько месяцев пароход идет до Сахалина?

– Около полугода.

– Вы представляете свое путешествие на малокомфортабельном пароходе на протяжении шести месяцев? К тому же на этом пароходе будут везти каторжан. Вам не с кем будет даже поговорить. Вам никто не сможет помочь. Вы проклянете все на свете!

– Мне поможет женщина, которую я люблю.

– А на Сахалине?.. Что вы будете делать на Сахалине? Искать сочувствия, поддержки у отверженных и обездоленных?

– Они тоже люди.

– Не отрицаю. Но это другие люди!.. Их и ваше представление о нравственных ценностях – это как вершина и бездна! Вы погибнете там!.. Вас просто однажды убьют. За непохожесть убьют!

Князь поднялся, лицо его сделалось бледным.

– Ваше высокопревосходительство... Я благодарю вас за заботу и внимание, которые вы ко мне проявляете. И тем не менее для меня крайне важно, чтобы вы положительно отнеслись к моему прошению и отписали высочайшее позволение в ближайшее время отправиться мне на остров Сахалин.

Великий князь в задумчивости зашел за стол, перелистал лежавшие на нем бумаги, нашел нужную, легким и быстрым росчерком пера что-то начертал.

– Не смею стоять на пути вашего желания. Если вы столь одержимы, то с Богом.

Андрей принял бумагу, склонил голову.

– Искренне благодарен, Ваше Высокопревосходительство, – взял поудобнее трость и захромал к выходу.

После разговора с великим князем Андрей приехал к кухне Анастасии уставшим и разбитым. Она только что отзанималась с мадам Гуральник, и теперь они сидели в большой гостиной у камина, разговаривали спокойно, доверительно.

За окном висела теплая и негустая петербургская ночь, до слуха доносился бой часов Петропавловской крепости.

– Ты сам понимаешь всю нелепость и даже опасность этой затеи? – спросила княжна.

– Конечно.

– Реакция общества тебя не волнует?

– Никак.

– Но тебе известно, что говорят, в частности, о моем доме после истории с воровками?

– Прости, но мне плевать на все разговоры.

В гостиную заглянула мадам Гуральник, кивнула Андрею, громко попрощалась:

– Всего доброго, княжна! И пожалуйста, выучите как следует этюд, который вы сегодня так безобразно исполнили.

– Постараюсь, мадам.

– Не «постараюсь», а исполню! До свидания, князь!

– Всего доброго, – ответил он.

Учительница ушла, стуча каблуками. Анастасия снова повернулась к кузену.

– Ну, хорошо. Допустим, ты доберешься до Сахалина, найдешь Миху, и что дальше?

Что ты будешь там делать?

– Буду жить с ней.

– Где? Она – каторжанка! Тебя туда просто могут не пустить!

– У меня есть прошение с резолюцией великого князя.

– Но Михелину от этого не освободят!

– Значит, тоже стану каторжанином.

Анастасия с изумлением посмотрела на кузена, развела руками.

– Нет, ты все-таки больной!

Андрей подался вперед, со злой обидой произнес:

– Если помнишь, ты сама когда-то обозвала меня инвалидом без сердца! А теперь что делаешь? Пытаешься отговорить?

– Не пытаюсь!.. Пробую найти решение!

– Решение одно – ехать!

– Это не решение!.. Глупость!

– Найди что-нибудь умное!

– И найду! – Анастасия на секунду задумалась. – Например, помочь ей бежать!

Кузен от удивления развел руками.

– А вот это полный бред... Как? Каким образом? Ее же здесь немедленно арестуют!

– Не бред! – решительно возразила девушка. – Пароход на Сахалин отправляется из Одессы?

– Из Одессы.

– Значит, надо отправиться в Одессу, подкупить капитана, он поможет Михелине погрузиться на пароход, и через какое-то время она будет здесь.

Андрей со снисходительной усмешкой смотрел на родственницу.

– Кто у меня самая красивая, самая умная, самая честная?

– Твоя кузина, – с удовлетворением кивнула она.

Он помолчал, затем заключил:

– Какая удивительная могла бы получиться женщина, если бы все эти качества не достались одной маленькой моей глупышке!

До Анастасии не сразу дошел смысл сказанного, затем она вдруг поняла, оскорбленно вскочила, попыталась отпустить кузену пощечину, но он перехватил ее руку, прижал к себе, расцеловал нежное покрасневшее от обиды личико.

– Прости меня, Настенька! Великодушно прости! Я пошутил! Не гневайся, прошу!

Кузина постепенно успокоилась, прижалась к родственнику, и они какое-то время сидели молча. Затем девушка отстранилась от Андрея, погрозила ему пальчиком.

– А ты у нас знатный сердцеед, дорогой кузен.

– С чего ты взяла?

– Ты окончательно вскружил голову госпоже Бессмертной! – и заглянула в глаза. – Неужели не замечал?

– Замечал, – ответил Андрей. – Она своим навязчивым вниманием крайне раздражает меня.

– Тем не менее, опасайся ее. Отвергнутая дама с исковерканной судьбой может преподнести самые неожиданные сюрпризы.

Той ночью Табба не спала.

Дверь ее спальни плотно прикрыта. Сама актриса сидела за небольшим чайным столиком, на котором стояли две винные бутылки, одна уже была выпита, вторая опорожнена наполовину.

Катенька сидела напротив, смотрела на госпожу с болью и состраданием.

– Скажи, милости ради, – бывшая прима налила бокал почти до края, – что мне делать?

– Ложиться спать.

– Будешь хамить, тотчас получишь по морде!

– Но вам и правда лучше лечь спать.

– Ты меня не расслышала.

– Расслышала. Но вдруг придет хозяйка, и может случиться скандал.

– А мне плевать!.. Слышишь, плевать! Я хоть завтра могу собрать манатки и покинуть эту вонючую гробницу! Я задыхаюсь здесь, мне нечем в этих стенах дышать, я схожу с ума! Ты это понимаешь?

– У нас нет денег, чтобы снять приличное жилье.

– Как ты сказала?.. Нет денег?

– Мы с вами живем за счет княжны.

Бессмертная с трудом поднялась с кресла, направилась к серванту. Она выдвинула один из ящичков, добралась до ящичка потайного, вынула бархатный мешочек с Черным Моголом.

Положила золотую коробочку на стол, открыла ее.

– Смотри!

Бриллиант дышал, манил, завораживал.

– Что это? – шепотом спросила Катенька.

– Черный Могол!.. Прекрасный и страшный! Из-за него погиб князь Брянский.

– Откуда он у вас?

– Не твое свинское дело! – слегка покачиваясь, ответила бывшая прима и захлопнула крышку. – Он бесценен!.. И если я продам его, то обеспечу всю свою жизнь!.. Куплю все и вся! Даже этот поганый склеп!.. Со всеми потрохами! Даже с княжной вместе!.. Ты не веришь? – спросила она, заметив удивленный взгляд прислуги.

– Верю, госпожа, – ответила та смиренно. – Но лучше мы поговорим об этом завтра.

– Поговорим? – изумилась актриса. – Это я с тобой должна «поговорить»? А кто ты такая, что я должна с тобой разговаривать?

– Вы неверно меня поняли, госпожа.

– Я – Бессмертная! Прима оперетты! На меня ломился весь Петербург! Я хоть завтра могу пойти в этот смрадный театришко, и они мозгами двинутся, что я снова на сцене! Театр опять оживет, потому что мне нет равных! – Табба наклонилась к прислуге, взяла ее за воротничок, притянула к себе, зашептала: – Я недавно была в театре! Они меня не узнали, а я всех этих тварей увидела! Эта ничтожная мразь... бездарь... Изюмов в швейцарской ливрее – кланяется, скалится, приглашает, заискивает, ручки всем лижет. А Гаврила Емельянович, скопище лжи и предательства, тут же визиточку сунул! Звоните, приходите, – она ударила по столу кулаком. – Вот вам всем! Не дождетесь! Я если и войду в театр, то совершенно с другого входа.

– А может вам и вправду стоит вернуться в театр? – с надеждой спросила Катенька.

– А вот это уж нет! – поводила актриса пальцем перед ее лицом. – Увольте! Телега под названием «театр» проехала! Я теперь живу другой, совершенно другой жизнью! Ты даже не догадываешься, какой.

Прислуга неожиданно насторожилась, поднесла палец к губам.

– Кажется, госпожа.

– Пойди, глянь.

Пока Катенька ходила глянуть, что происходит в доме, Табба торопливо подошла к серванту, спрятала бриллиант, вернулась на место.

Катенька, вернувшись, доложила:

– Княжна провожает князя Андрея. Как бы к нам не заглянула.

– Закройся на ключ и не открывай.

Девушка выполнила приказание, принялась убирать со стола посуду.

– Я его убью, – неожиданно произнесла Табба.

– Кого?

– Князя Андрея.

– За что?

– За то, что я для него пустое место.

– Что вы, госпожа? Он вас очень даже уважает.

– Уважать – это значит не замечать. А любить – это думать, каждую секунду сходить с ума! И я, Катенька, схожу. Каждый день, каждый час, каждую секунду.

В дверь вдруг раздался несильный стук, обе замолчали. Табба подала знак девушке, та довольно громко спросила:

– Кто здесь?

– Анастасия, – слышался из-за двери голос. – Мадемуазель уже спит?

– Да, уже более часа.

– А мне показалось, что кто-то в комнате разговаривает. И довольно громко.

– Нет, нет... Это я читала молитву.

– Ладно, тогда завтра.

– Что-то срочное?

– До завтра терпит.

Раздался звук удаляющихся шагов, актриса с кривой ухмылкой произнесла:

– Наверняка желала отчитать, чтоб не орали, – она зацепилась за воротничок прислуги, зашептала: – Нас здесь все ненавидят! Надо сматываться! Куда угодно, только не здесь! И чем быстрее, тем лучше. Устала, надоело, боюсь...

На Петропавловской крепости пробило полночь.

Табба привела себя в надлежащий вид только к одиннадцати дня, и когда вышла из спальни, увидела, что ей навстречу направляется княжна.

Анастасия бросила взгляд на слегка припухшее лицо актрисы, поинтересовалась:

- Неважно себя чувствуете?
 - Заметно?
 - Слегка.
 - Наверное, мигрень.
 - Вы в состоянии уделить мне полчаса? Мне важно с вами посоветоваться.
 - Разумеется. Распоряжусь только, чтоб Филипп принес мне чашку кофию.
 - Я сама, – княжна ударила в ладоши, крикнула: – Филипп!
- Дворецкий возник немедленно, будто специально стоял за дверью.
- Слушаюсь, госпожа.
 - Кофий мадемуазель!

Филипп удалился, девушки уселись на диван в каминной комнате. Анастасия с сочувственной улыбкой поинтересовалась:

- Может, велеть принести порошок?
- Само пройдет, – слабо усмехнулась Табба, положила руку на колено княжны. – Простите, что доставляю вам столько хлопот.
- Это пустое, – та помолчала, решая, с чего начать. – Вы часто вспоминаете мать и сестру?

- Станный вопрос, княжна.
- Ничего странного. Мне важен ваш искренний ответ.

Дворецкий принес поднос с кофейным прибором, откланялся и бесшумно удалился. Табба налила чашку, сделала пару глотков.

- С ними что-то случилось?
- Нет, разговор не об этом. Вы ведь любите их?
- Я все же не понимаю смысла ваших вопросов.
- Сейчас поймете... Неужели вам не хотелось бы их увидеть?
- Хотелось бы. А временами очень... Особенно когда тоска.
- А вы бы могли отправиться на Сахалин?
- Шутите?
- Вполне серьезно, сударыня.
- Странно... И вы ждете откровенного ответа?
- Да.

Актриса подумала, пожала плечами.

- Думаю, вряд ли. Во-первых, не вижу целесообразия. А во-вторых, полгода на пароходе... Нет, это выше моих сил.

Анастасия с торжественным злорадством посмотрела на нее.

- А вот князь Андрей видит целесообразие.

Табба на миг даже притихла.

- Простите, не поняла.
- Он намерен отправиться на Сахалин, чтобы встретиться с Михелиной.
- Он в своем уме?
- Сомневаюсь.

Бывшая прима на какое-то время замолчала, даже забыв про мигрень и кофе, наконец не без удивления произнесла.

- Вы хотите, чтобы я поговорила с ним?
- Это бесполезно. По этому вопросу его принимал даже великий князь. Но он стоит на своем, – Анастасия налила себе кофе, сделала совсем крохотный глоток. – Я бы просила вас отправиться в Одессу.
- Меня в Одессу? Зачем?
- Вместе с Андреем.

– Теперь я вообще ничего не понимаю.

– Сейчас поймете, – княжна под села поближе. – Пароход на Сахалин отправляется из Одессы. Неплохо было бы договориться с капитаном, дать ему достаточно денег, и Михелина обратным рейсом могла бы вернуться сюда.

– Но почему этим должна заниматься я?

– Андрей не совсем здоров. Он совершенно не приспособлен к жизни. И было бы неплохо, если бы вы помогли ему. Если вы этого не сделаете, мы можем просто потерять его.

– Но вы ведь знаете о моем отношении к князю? – усмехнулась Табба.

– Знаю. И считаю, что это тоже в пользу. В процессе поездки вы узнаете друг друга ближе, и в итоге либо что-то случится между вами, либо вы расстанетесь навсегда. Возможно даже как друзья.

Табба поднялась, с натянутой светской улыбкой заявила:

– Я не сказала – да. У меня есть своя жизнь, свои дела, свои проблемы, которые предстоит решить. Простите... – и с подчеркнутым достоинством вышла из каминной комнаты.

В загородном конспиративном доме совещались трое – Ефим Губский, Беловольский и барон Александр Красинский. В комнате было довольно накурено, отчего Губский кашлял еще чаще, но никому курить не запрещал, потому как сам не мог отказаться от этой дурной привычки.

– Девица презанятна, – восторженно докладывал Красинский. – Артистична, умна, легка, подвижна – просто божий для нас подарок.

– Неужели никто из бывших ее воздыхателей не признал ее? – усомнился Беловольский.

– Абсолютно! Более того, директор театра настоятельно пытался уговорить мадемуазель выйти на сцену! Он просто влюбился в нее!

– Вот и отлично, – Губский, глуша платком кашель, поднялся из-за стола, прошелся по скрипучим половицам. – Если она так талантлива, смела, решительна, будем ее готовить к покушению на генерал-губернатора.

– Вопрос о покушении решен? – вскинул брови Беловольский.

– Да, Центральный комитет принял решение.

– Но у нас проблема с деньгами, Ефим Львович! Товарищи из провинции жалуются, требуют! Некоторые даже шантажируют!

– Что вы предлагаете?

– Налет на банк. Мы об этом с вами говорили.

– Да, налет будет. Но уже без госпожи Бессмертной.

– С кем же?

– С вами, господин Беловольский.

– Со мной?!

– Да, с вами. Определите банк, изучите обстановку. Команда у вас есть, действуйте!

– Простите, но это крайне неожиданно.

Губский зло уставился на Беловольского, лоб его перечеркнула бьющаяся вена.

– А вы хотите, чтобы все было по плану, по расписанию?.. Лежать на печи и плевать в потолок? Нет, любезный Даниил Матвеевич! Мы обязаны жить по другому принципу! А принцип этот – каждый день опасность, каждый день смерть! – Он снова закашлялся, встал у окна и долго не мог прийти в себя от вспышки гнева. Сделал пару глотков прямо из графина с водой, сел за стол. – Госпожу Бессмертную готовить к акции срочно. Немедленно! Необходимо изучить особенности поведения генерал-губернатора, маршруты передвижения, наиболее подходящее место для покушения.

– Лучше всего, если это будет приемная генерал-губернатора, – негромко предложил Беловольский. – Он любит строить из себя демократа и в вольном режиме принимает просителей по средам в своей приемной.

– Что значит – в вольном режиме? – не понял Красинский.

– Без охраны, без какой-либо предварительной записи. Принимает всех, кого вынуждают обстоятельства.

– Господа! – с детским возмущением воскликнул Красинский. – Вы меня удивляете! Покушение на градоначальника – это ведь сложнейшее дело!

– А что вы так нервничаете, барон? – с иронией удивился Губский.

– Не нервничаю, а задаюсь вопросом! Если мы тщательнейшим образом не проработаем все детали будущего покушения, то не только провалим затею, но потеряем мадемуазель, о которой вы так трогательно распространяетесь! Ее или пристрелят, или же задержат. А уж ежели задержат, то как бы вся наша шайка-лейка не оказалась дружно в департаменте полиции.

– Вы сказали – шайка-лейка? – повернулся к нему Ефим Львович. – Это вы о нас?

– Простите, оговорился. Вырвалось.

– На первый раз прощаю. Но только на первый, – Губский уперся в стол локтями так, что лопатки остро выступили за спиной. – Рекомендую принять к сведению на будущее. Никакого задержания! Никакого ареста! Никакого последующего допроса быть не может. Только смерть! От рук наших же товарищей! И это будет высшей честью для погибшего. Он – избранный!

В комнате стало тихо, Ефима Львовича в очередной раз стал душить кашель, и он долго не мог унять его.

Приоткрылась со скрипом дверь, в комнату заглянул мужчина.

– Мадам пришла.

– Пусть подождет в соседней комнате. Я сейчас подойду.

Проводив гостей, Губский вошел в соседнюю комнату, протянул руку привставшей со стула мадам Гуральник.

– Здравствуйте, Елизавета Петровна.

– Здравствуйте, Ефим Львович. Рада вас видеть живым и здоровым.

– Я вас также, – он жестом велел ей сесть, сам пристроился на спинку дивана напротив. – Ну, чем вы нас порадуете?

– Радостей мало, скорее проблемы.

– Проблемы тоже иногда приносят радость. Что-нибудь о госпоже Бессмертной?

– Да, ею всерьез заинтересовалась полиция.

– Вас туда пригласили?

Мадам двумя пальчиками поправила очки, с ироничной улыбкой заметила:

– Вы запомнили, Ефим Львович. Я там служу.

Губский рассмеялся сквозь кашель.

– Полагаете, ссылка отшибла мне память, Елизавета Петровна?.. Я все помню, – достал из кармана платок, вытер рот. – И чем же привлекла полицию мадемуазель?

– Последним налетом на банк. Они составили довольно точный ее портрет.

– Они его вам показали?

– Разумеется. Портрет настолько удачный, что я в какой-то момент растерялась. Затем увильнула от прямого вопроса сыскаря.

– Значит, рано или поздно они могут выйти на нее?

– Скорее, рано, чем поздно. По моим наблюдениям даже дворецкий княжны стал слишком внимательным к артистке.

Губский помолчал, глядя в окно, согласно кивнул.

– Хорошо, я буду думать.

До прибытия парохода на Сахалин оставалось меньше месяца.

Был март, весна уже довольно основательно подплавилась снегом, он прямо на глазах оседал от идущего от земли тепла, народ в поселке оживал, хмельно радовался скорому теплу, раньше времени сбрасывая с себя тяжелые зимние бушлаты.

Поручик Гончаров пребывал в заметном нервном напряжении, реагировал на все резко, часто немотивированно.

– Пароход в Александровск прибудет через три недели, – говорил он, сидя на стуле и глядя в пол. – К этому времени все должно быть готово.

В его комнате находились двое – Сонька и Михелина. Мать стояла рядом с дочкой, которая также сидела на стуле. Живот у нее был весьма заметен, она прятала его под длинным неудобным пальто, полы которого регулярно разъезжались, и приходилось все время поправлять их.

– Что значит – все готово? – не поняла Сонька.

– Все! – Никита поднял на нее глаза. – Вам никогда раньше не приходилось бегать с каторги?

– Приходилось, – спокойно ответила женщина. – Но я всегда рассчитывала исключительно на себя. Теперь же приходится надеяться на вас.

– Приходится?

– Да, приходится. Потому что я отвечаю не только за себя, но и за дочку.

– Добавьте еще – и за мужа тоже.

– Да, и за мужа.

– Соня, – попыталась снять возникшее напряжение Миха, – мы с Никитой многое уже обсудили, теперь осталось только дожидаться парохода.

– Но я должна иметь хотя бы элементарное представление, к чему готовиться.

– Элементарное представление вы получите, когда я обо всем договорюсь с капитаном! – обронил Гончаров.

– Знаете, поручик, – женщина взяла свободный стул, села на него, – я готова бежать одна. Через материк – мне не привыкать. Лишь бы не было погони. И недомолвок было бы меньше, и нервы меньше трепали бы друг другу. А дочку отправите пароходом.

– Я не отпущу тебя, – покрутила головой Михелина. – А как я одна на этом пароходе?!

– Не одна, а с ребенком, – сострила Сонька.

– Вот именно... Рожу по дороге, и кто со мной будет возиться?

– На пароходе всегда есть фельдшер, – бросил Никита.

– Который с радостью примет роды у беглой каторжанки, – зло заметила Михелина. – А потом с такой же радостью сдаст меня полиции.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.